АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1968

СОДЕРЖАНИЕ

М. Карась (Краков). Некоторые проблемы польской диалектологии . . . 3
Т. В. Назарова (Киев). Современное состояние и перспективы развития украинской диалектологии 11

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. А. Серебренников (Москва). К проблеме происхождения форм объектного спряжения в уральских языках 22
Ю. Д. Апресян (Москва). Об экспериментальном толковом словаре русского языка 34
Э. Г. Туманян (Москва). Морфологический анализ индоевропейских терминов, обозначающих животных, в армянском языке 50

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. С. Авилова (Москва). Двувидовые глаголы с заимствованной основой в русском литературном языке нового времени 66
М. Л. Гаспаров (Москва). Тактовик в русском стихосложении XX в. . . 79
Р. Штерneман (Берлин). К вопросу о методах исследования категории будущего времени 91

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Р. А. Ачарян. Армяно-славянские изоглоссы 102

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

А. Е. Михневич (Минск). Некоторые вопросы изучения синтаксических (подчинительных) связей слов в работах советских и чехословацких лингвистов 106

Рецензии

О. С. Ахманова (Москва). *J. Lyons.* Structural semantics 113
И. П. Распопов (Уфа). Две монографии о порядке слов в современном русском языке 121
Т. С. Коготкова (Москва). «Псковский областной словарь с историческими данными» 128
М. М. Власенко, З. И. Носова, М. А. Серышева (Иркутск). «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» 134
В. М. Андрющенко (Москва). Новые работы в области статистической лексикографии 135

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки 149

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. С. Ахманова, В. В. Виноградов (главный редактор),
В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), *Э. А. Макаев*,
М. В. Панов, В. З. Панфилов, И. И. Ревзин, Ю. В. Рождественский,
Б. А. Серебренников, Н. И. Толстой (отв. секретарь редакции), *О. Н. Трубачев*

Адрес редакции: Москва, К-31. Кузнецкий мост, 9/10. Тел. 228-75-55

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1968

М. КАРАСЬ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛЬСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Польскую диалектологию послевоенных лет характеризует особенно большое количество начатых и законченных исследований. Их объем значительно превышает прежние достижения, хотя эта область языкознания имеет в Польше долгую и плодотворную традицию (достаточно назвать работы Л. Малиновского в XIX в., а также труды К. Нича, М. Малецкого, З. Штибера, С. Бонка, В. Дорошевского, Г. Фридриха в междувоенные годы). Напомним, что в работах К. Нича достаточно рано появился синтетический подход к изучению польских диалектов [1]; еще до второй мировой войны вышел в свет первый лингвистический атлас, охватывающий, к сожалению, лишь южную часть Польши [2]. Уже в первые послевоенные годы З. Штибер хорошо охарактеризовал задачи польской диалектологии: «Исчезновение диалектов прогрессирует, и поэтому собирание их остатков является важнейшей необходимостью. Труды Нича и других диалектологов хорошо представили общую картину, однако подробностей, даже важных, недостает. Одной из ближайших задач является монографическая обработка отдельных диалектных районов» [3].

Можно сослаться и на следующее высказывание З. Клеменсевича: «Диалектология, несомненно, представляет собой наиболее развитый раздел полонистической лингвистики XX в. Объясняется это и многосторонностью проблематики, и важностью ее разработки как для современного и исторического состояния польского языка, так и в общетеоретическом плане» [4].

Данная статья не ставит своей задачей представить все достижения польской послевоенной диалектологии. Это и невозможно — работой такого охвата должен был бы стать труд библиографического характера; составление полной и исчерпывающей библиографии, охватывающей все работы по изучению польских говоров (как в современном, так и в историческом плане), является неотложной задачей польской диалектологии. Необходимость такой, естественно, критической разработки остро ощущается в особенности из-за бурного развития диалектологии в последние годы, затрудняющего полную ориентацию в многочисленных работах. Кроме того, не всегда легко доступным оказываются работы небольшого объема, появляющиеся в многочисленных местных изданиях, часто носящих не собственно языковедческий характер [5].

---

[1] См.: K. Nitsch, Wybór pism polonistycznych, I—IV, Wrocław, 1954—1958.

[2] M. Małecki, K. Nitsch, Atlas językowy polskiego Podkarpacia, I — mapy 1—500, II — objaśnienia i kwestionariusz, Kraków, 1934.

[3] Z. Stieber, Zadania dialektologii polskiej, BPTJ, XI, 1952, стр. 1955—161.

[4] Z. Klemensiewicz, Polonistyczne językoznawstwo ostatniego dwuziestolecia, BPTJ, XXIV, 1966, стр. 41.

[5] Библиографические перечни помещаются в журнале «Rocznik sławistyczny». См. также: M. Karaś, Prace dialektologiczne w dziesięcioleciu 1945—1955, JP, XXXV, 3—4, 1955; его же, Польская диалектология после второй мировой войны, ВЯ, 1960, 2.

В работах по польской диалектологии выделяются три главные направления исследований: 1) диалектологические атласы (общеславянский лингвистический атлас, общепольский атлас, местные атласы); 2) разработка диалектного словарного состава (особенно интенсивно представлено собирание народных слов, в меньшей степени разрабатываются историко-географические наименования); 3) статьи и монографии, касающиеся фонологической системы и грамматической структуры отдельных говоров или диалектных групп.

Разумеется, эти направления тесно связаны между собой; особенно это относится к работе над атласами, которые нередко опережают лексические исследования и монографические обзоры, хотя, конечно, схематический подход здесь был бы неуместным. В целом можно сказать, что исследования для целей атласа, предполагающие дифференцированное описание в своей начальной стадии, способствовали развитию монографических исследований. С другой стороны, последние во многих случаях строились на материале, собранном анкетным методом в ряде заранее выбранных пунктов, размещенных более или менее равномерно на исследуемой территории. Такой способ исследования дает положительные результаты для больших районов, он дает возможность установить географическое распространение грамматических черт и лексических оппозиций, однако не гарантирует полноты. Поэтому во многих монографиях объектом исследования являются некоторые типические фонетические и грамматические особенности в их географическом размещении. Механическое перенесение методов, принятых в работе над атласами, в монографические описания сильно затрудняет сравнительную трактовку результатов исследования, а часто даже делает невозможным создание синтетической картины современного состояния польских говоров: отдельные разработки оказываются не сравнимыми, поскольку имеют своим предметом различные частные диалектные особенности, освещаемые с точки зрения различных описательных и исторических задач, причем исторический подход явно доминирует в польской диалектологии [6].

Если говорить о лингвистических атласах, то следует отметить особые трудности, возникающие при работе над общеславянским лингвистическим атласом, над которым много лет работают диалектологи отдельных славянских стран. Работа этого рода требует особой теоретической и практической подготовки. Важно решение вопроса и о способе картографирования: ведь в данном случае речь идет о большой территории, и составление по возможности ясной и одновременно подходящей по размерам карты будет нелегкой работой [7].

В дополнениях к этому атласу хорошо было бы картографировать и новые лексические факты. Имеются в виду названия для новых десигнатов. Ср. названия двух типов: 1 — славянские названия для «urbs», ср. **gordъ*, *město*; для «rus», ср. *dědina*, *sedlo*, *vьsь*, *derevnja*; 2 — названия для таких культурных учреждений, как «universitas», ср. *akademia*, *universytet*, *sveučilište*, *wszechnica*, *kolęgium*. Это дало бы возможность показать, что и в пределах второй группы слов и десигнатов в славянских языках существуют значительные различия, имеющие обоснование в исторических судьбах языковых групп и отдельных языков. Словарный запас этого рода, опирающийся на наличие культурных связей, является своего

[6] См.: M. Karaś, Przegląd i charakterystyka badań językowych w Małopolsce południowej, «Zeszyty Naukowe UJ», LX — Prace językoznawcze, 5, Kraków, 1963.

[7] См.: M. Karaś, Słowiańska geografia lingwistyczna «Rocznik slawistyczny», XXIII, 1, 1964. Здесь всесторонне рассматриваются все лингвистические атласы, вышедшие до 1964 г. Более полное освещение проблемы дает работа: M. Karaś, Die slawischen Sprachatlanten, Marburg, 1968.

рода новым основным словарным запасом, который можно назвать «лексикой культуры». Картографирование этих слов имело бы большое значение для исследований современных культурных связей генетически различных групп языков, связей нового происхождения. Такого рода исследования помогли бы найти и выяснить закономерности, управляющие эволюцией и образованием нового словарного запаса, который часто наследует мировую греко-латинскую культуру. Изучение лексических элементов, принятых из чужого языка, позволяет точно установить хронологию и языковую форму адаптации, а также семантические преобразования отдельных слов. Разумеется, с такими исследованиями связаны большие трудности.

Среди ранних работ по картографированию отдельных групп говоров важное место занимает языковой Атлас польского Подкарпатья [8]. Вскоре после окончания войны были вновь начаты работы над атласом польского языка в единстве его диалектов, находящихся на территории польского государства [9]. Работы над Малым атласом польских говоров (MAGP) начались в 1951 г., а до 1954 г. 66 исследователями был собран в основном весь материал на основе вопросника, содержащего 602 пункта. Диалектные материалы исходят из 116 главных пунктов, о которых информируют карты и комментарии атласа, а также из 69 дополнительных пунктов, которые вносятся на карты только в том случае, если «они показывают что-либо новое для данной территории или уточняют границы явлений».

Спецификой MAGP является включение печатных материалов (других атласов, словарей), связанных с пунктами вопросника. Отдельные карты MAGP располагают приблизительно 250 реляциями для указания географии данного явления (это относится, прежде всего, к словарному составу, в меньшей степени к фонетическим и грамматическим явлениям, хотя и тут находим обширный дополнительный материал). Таким образом, MAGP располагает материалом, обработанным не только синхронически, но и диахронически. Смелое намерение сделать этот труд как бы синтезом исследований польских диалектов привело в результате к тому, что в одном ряду оказались материалы различных хронологических слоев (это относится к некоторым отдельным пунктам атласа). Во многих случаях хронологическое расхождение достигает приблизительно 50 лет. Современный критический подход позволяет увидеть, что эта излишняя нагрузка материалом не была вызвана необходимостью, тем более что наши карты в MAGP вместе с комментариями не дают монографического представления об отдельных языковых явлениях и словах. Достаточно было бы учесть данные местных атласов, поскольку они (и это надо подчеркнуть), в сравнении с материалами MAGP, указывают изменения, которые произошли лишь в течение последних 30 лет — например, материалы З. Штибера из Ленчицкого и Серадзкого воеводств, а также данные языкового Атласа Подкарпатья. Как определенную особенность следует указать реконструированный словинский пункт (под Слупском, п. 92 A). Ответы на вопросы анкеты для него были получены из напечатанных работ, а именно из трудов Ф. Лоренца и М. Рудницкого [10], а не от живых информантов (а это было возможно сделать еще в самое последнее время; теперь, к сожалению,

[8] Жаль, что не анонсированы последующие тома этого издания. В MAGP используются также рукописные материалы, переданные К. Ничем.

[9] См.: M. Małecki, K. Nitsch, Plan ogólnopolskiego atlasu językowego, «Sprawozdania z czynności i posiedzeń PAU», XLIV, 1945. Эту задачу в некоторой степени выполняет «Mały atlas gwar polskich». Последний том, кроме отдельных карт, дает также карты общего характера, например, для перехода *ja* > *je*, *ra-* > *re-*, для мазурения, произношения *ł*, а также для многих лексических ареалов. Этих карт будет 50.

[10] F. Lorentz, Slovinzische Grammatik, Petersburg, 1903; M. Rudnicki, Przyczynki do gramatyki i słownika narzecza słowińskiego, «Materiały i prace Komisji językowej AU», VI, 1913.

словинский диалект приходится рассматривать уже как вымерший, несмотря на то, что не так давно удалось записать несколько слов от живущих в Поморье словинцев) [11].

Сомнения иного рода возникают при картографировании в MAGP материалов из пунктов, лежащих вне плотных языковых районов. В особенности это касается пунктов, иллюстрирующих прежние польские говоры на территории Украины, Белоруссии и Литвы, а также показывающих современное состояние тех польских говоров на западных землях Польши, которые перемешались с говорами из других частей польской языковой территории. Эти данные не включаются непосредственно в карты, а даются в примечаниях. Так была отмечена, с одной стороны, генетическая обособленность этих пунктов, с другой же — своеобразная диалектологическая ситуация на западных землях, где представлено смешение различных говоров, которые не являются неким монолитным диалектным массивом, но суммой разных систем, разных лексических элементов, односторонне подчиняющейся литературному языку. Необходимо изучить современные отношения на этих новоколонизированных землях с целью собирания материалов для будущих исследований. Это позволит раскрыть направления в развитии смешанных диалектов, характер их взаимодействия, а также роль литературного языка, сглаживающего существующие различия. С этой целью следует собрать возможно большее количество диалектных текстов и даже обследовать отдельные семьи, прибывшие из разных частей Польши и говорящие на разных диалектах польского языка. Собранный в определенном объеме в пределах MAGP материал будет важен и для исследования так называемых пограничных говоров, и для установления оппозиций для говоров с монолитной языковой территории. В целом следует заметить, что MAGP представляет собой важный шаг в развитии польской лингвистической географии как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Среди других атласов отметим два ценных труда, посвященных говорам пограничных районов, собственно, даже непольским диалектам. Это атласы К. Дейны о польско-чешских пограничных говорах [12] и атлас З. Штибера, дающий интересные материалы по лемковскому диалекту, теперь почти не существующему [13]. Для этих трудов немаловажным оказалось то обстоятельство, что материалы в обоих случаях были собраны в основном одним исследователем (в работах коллективного характера, кроме возможных ошибок, добавляется еще неизбежность субъективных трактовок, часто определяемых характером языковедческой школы — таковы, например, различные фонетические и фонологические интерпретации). Оба атласа объединяет и малый объем комментариев; работу Дейны, правда в определенной мере, дополняет часть II, являющаяся обработкой материала. Основной акцент здесь, однако, сделан на исторической интерпретации фактов.

Особое место среди атласов занимают так называемые местные атласы. В первую очередь здесь следует упомянуть «Atlas językowy kaszubszczyzny», подготовленный под редакцией З. Штибера [14]. Его значение, несомненно, выходит за пределы польского языка. Он дает много ценного как для сравнительной грамматики славянских языков, так и для исследования прош-

[11] См. в кн.: «Słowińcy, ich język i folklor», Warszawa, 1961.

[12] «Polsko-laskie pogranicze językowe na terenie Polski», Łódź, I — 1951, II — 1953.

[13] «Atlas dawnej Łemkowszczyzny», I—VIII, Łódź, 1956—1964; ср.: J. Rieger, Indeks wyrazów..., Łódź, 1966. Работу над белорусским атласом на территории Польши ведет А. Обрембска-Яблоньска.

[14] «Atlas językowy kaszubszczyzny», Warszawa, tom wstępny — 1964, I—IV — 1964—1967.

лого славянских диалектов на Поморье, особенно славинских и кашубских диалектов в их отношении к диалектам континентальной Польши. Со стороны методологической важен имеющий сравнительный характер комментарий. Помещенный там диалектологический и исторический материал ценен и для славянской этимологии.

Отдельно следует отметить местные польские атласы. Их значение столь несомненно, что побудило польских диалектологов (хотя об этом прямо не говорится) отказаться от работы над «Большим атласом польских говоров», который от Малого отличался бы не форматом, но количеством карт и густотой сетки. Изданные карты MAGP ясно свидетельствуют о том, что этот атлас дает исчерпывающую картину дифференциации польской территории в целом [15]. Особое место занимает Келецкий атлас, в основном подготовленный тоже одним человеком, опытным диалектологом, прекрасно ориентирующимся как в польских, так и в других славянских диалектах (чешских, украинских). Он охватывает не только келецкие, но и соседние территории и связан с другими местными атласами (с «Языковым атласом польского Подкарпатья», а также с готовящимися атласами Силезии, Любельщины, Жешувского воеводства и Мазовии). Это обширный атлас, опирающийся на 1000 вопросов, ответы на которые получены в 66 пунктах. Следует отметить, что MAGP имеет на этой территории лишь 12 основных и 12 дополнительных пунктов. Здесь имеются прекрасные данные для истории многих фонетических явлений, например, для развития носовых гласных, метатезы групп *śr, źr*, а также и для истории многих морфологических явлений. Огромное количество карт показывает географическое распространение слов, некоторые из которых уже были представлены в MAGP. Данные Келецкого атласа отлично уточняют данные MAGP, причем в нем приводится много синонимов, неизвестных MAGP. Тем самым эта работа не дублирует исследовательских результатов MAGP, а расширяет наши сведения о келецких говорах и дает новый материал для истории польского литературного языка [16].

Имеются и другие местные атласы, а именно: Спишский З. Соберайского, Мазовецкий под редакцией В. Дорошевского, Силезский под редакцией А. Зарембы [17], Любельский, подготовленный Т. Браерским и П. Смочинским [18], Жешувский, подготовленный М. Карасем [19], Хелминско-добжинский Г. Турской [20]. Интересные информации из Великой Польши дают выполненные по принципу атласа работы З. Загурского [21].

К сожалению, названные местные атласы имеют один общий недостаток. Они выполнены по разным вопросникам, разным сеткам пунктов, что, конечно, затрудняет сравнение. Это позволяет думать, что, несмотря на скептицизм З. Штибера, Большой атлас польского языка должен быть реализован, и его подготовку нужно считать основной задачей ближайших лет. На основе местных атласов можно будет создать соответствующий вопрос-

---

[15] См.: Z. Stieber, [рец. на кн.:] K. Dejna, Atlas gwarowy województwa kieleckogo, «Rocznik slawistyczny», XIII, 1, 1964.

[16] «Atlas gwarowy województwa kieleckiego», I—IV, Łódź, 1962—1968.

[17] «Atlas polskich gwar spiskich», I, Poznań, 1966. Ср.: «Kwestionariusz do Atlasu językowego Śląska», Katowice, 1961.

[18] См.: P. Smoczyński. Kwestionariusz do Atlasu gwar Lubelszczyzny, Lublin, 1965.

[19] Необходимость создания такого атласа стала ясной в результате сравнения карт MAGP. Оказалось, что говоры Жешувского воеводства представляют собой интересную переходную область между Малой Польшей и Мазовией и прекрасно иллюстрируют прошлое польско-украинских языковых отношений.

[20] Работы над этим атласом начаты довольно давно; к сожалению, они затормозились.

[21] «Gwary północnej Wielkopolski», Poznań, 1967.

ник, который обеспечит охват всех языковых явлений, имеющих географическое ограничение и обнаруживающих территориальные оппозиции. Это относится и к фонологическим явлениям; вопросы словаря также нередко требуют уточнений. Так, местные атласы показали, что ввиду скудности вопросника MAGP и отсутствия более точных данных имеется много десигнатов, наименования которых обнаруживают географические различия.

В MAGP почти не получили отражения диалектный синтаксис и словообразование. Они представлены там лишь несколькими вопросами. Так, территориальное распространение суффиксов иллюстрируется картой суффиксов *-ity/-isty* [22]. Не хватило места и для флексий таких существительных, как *sędzia, sędziego, organista, organisty*, которые интересны и важны для истории польского языка [23]. Нет там информации и о синтаксисе глаголов, например: *mówić mu, mówić do niego, pytać kogoś/pytać za kim, za czym*, об их отношении к дериватам, например: *zająć/zajęcie*, раскрывающие прежние оппозиции количества.

Мы полагаем, что задача составления Большого атласа польских говоров должна найти себе место в исследовательских планах на ближайшее будущее. Правда, диалекты в последнее время исчезают, однако этот процесс протекает неодинаково. В связи с переменами в области техники довольно быстро исчезает словарный запас — отметим хотя бы исчезновение ручных мельниц и других хозяйственных орудий, замененных современными машинами. Прочнее удерживаются факты грамматики, причем диалектные черты встречаются даже у образованных людей, проникая в литературный язык, ср. мазовецкое произношение *l*: *lipa*, но не *l'ipa* или малопольское *bede, bedziemy*.

Таким образом, будущий атлас должен иметь значение не только для истории языка, но он даст интересные иллюстрации изменений литературного языка в новейший период и возникновения местных разновидностей литературного языка, а также его более дробных региональных изменений. Отметим интересный факт — исчезновение прежней западной разновидности литературного языка. На его месте, на западных землях Польши, т. е. в Силезии и Поморье, возникают новые варианты, опирающиеся на сильное смешение различных центральных диалектов и пограничного диалекта, укрепившегося там после второй мировой войны.

Таким образом, исследовательские цели будущего общего атласа значительны и интересны не только для диалектологии. Они важны (и в большей мере) и для общего языкознания. Материалы атласа облегчат установление тенденций развития современного литературного языка, позволят выявить словарный запас, который уже вошел в литературный язык и который входит в него в данное время в результате общественных преобразований, происходящих в социалистической Польше. Новые социальные отношения существенно убыстряют и облегчают взаимодействие литературного языка и народных диалектов. Падение барьера общественного характера принесло значительное ускорение интеграционных процессов, а с другой стороны, создало условия для возникновения новых местных разновидностей общего языка, опирающихся на факты фонетики и другие факты диалектного окружения некоторых городов. Имеются в виду такие местные разновидности, как произношения варшавское, краковское, вроцлавское и пр

---

[22] См.: I. Winler-Leszczyńska, Sufiksy przymiotnikowe *-ity, -isty, -aty, -asty* w języku polskim na tle ogólnosłowiańskim, Wrocław, 1964.

[23] См.: W. Taszycki, Odmiana rzeczowników typu *sędzia, sędziego* w perspektywie historycznej, Kraków, 1964.

Другим направлением польской диалектологии являются исследования диалектного словарного состава. Эта задача тем актуальнее, что народный словарный запас, находясь в тесной связи с развитием способов производства, все больше подвергается уничтожающему влиянию цивилизации и литературного языка. Так называемый типичный народный словарный запас теперь, несомненно, исчезает вместе с исчезновением народной техники домостроения, плугов, ручных мельниц, которые заменены теперь механическими.

В исследованиях народного словарного запаса наблюдается интересный параллелизм, а именно одновременный интерес к работам общего и местного характера. Это составляет своего рода аналогию рассмотренным выше атласам. И те, и другие исследования показывают взаимозависимость и взаимодействие работ общего и местного типов, причем трудно говорить о приоритете какой-либо из этих групп. Оживление словарных работ и сборы диалектных материалов, несомненно, тесно связаны с началом работ К. Нича над словарем польских говоров [24].

В настоящее время разработаны теоретические и методические предпосылки таких словарей, чему раньше удалялось меньше внимания из-за усиленной работы над атласами [25]. Новый словарь польских говоров будет полно отражать современный диалектный словарный запас (эти материалы собираются сейчас специально для словаря), а также включать словарные материалы, опубликованные прежде, главным образом в «Словаре польских говоров» Й. Карловича [26] (Kraków, 1900—1911).

Среди местных словарей выделяются две работы, посвященные кашубскому словарному составу: это написанная давно, но вышедшая только после войны работа Ф. Лоренца [27] и новейший и, пожалуй, наиболее полный труд Б. Сыхты [28]. Как показывают эти работы, кашубские диалекты располагают очень большим словарным запасом, имеющим значение как для полонистических, так и для общеславянских исследований. Особенно интересный материал эти словари дают для исследования польско-немецких языковых отношений [29]. Вместе с упомянутым выше атласом оба словаря являются прекрасной базой для разработки истории кашубских диалектов, а также многочисленных мертвых западнославянских диалектов. Нужно подчеркнуть факт полного совпадения данных словарей и атласа; по причине активных интеграционных процессов собранные материалы имеют теперь и документальную ценность.

Другие области Польши не представлены в таких точных и полных словарных собраниях. Нет такого собрания даже для весьма обособленного комплекса гуральских говоров, которые давно интересуют диалектологов и широко проникают в художественную литературу. Можно отметить лишь следующие специальные диалектные словари: М. Куцалы [30], А. Зарембы [31] (Малая Польша), Р. Олеша [32], А. Зарембы [33] (Силезия), М. Шим-

[24] См.: «Słownik gwar polskich. Zeszyt próbny». Wrocław, 1964; см. также: М. Карась. Словарь польских говоров, ВЯ, 1963, 4; его же, О słowniku gwar polskich», JP, XLV, 1965; в последней работе приводится полная библиография.

[25] После выхода последнего (XII) тома «Малого атласа польских говоров» (ожидается в 1969 г.) мы приступим к работе над словарем польских говоров. Возможно, на 1975 г. можно будет наметить начало систематического издания этого труда. Оно будет составлять около 10 больших томов и один дополнительный том.

[26] См. рец. К. Нича в журнале «Rocznik sławistyczny», VI,1911.

[27] «Pomoranisches Wörterbuch», I, A—P, II, P—R vorbereitet von F. Hinze, Berlin, 1958.

[28] «Słownik gwar kaszubskich», Wrocław, I, A—Ǵ, 1967, II, H—L, 1968.

[29] См.: F. Hinze, Deutsche Lehnwörter im Pomoranischen, Berlin, 1965.

[30] «Słownik porównawczy trzech wsi małopolskich, Wrocław, 1957.

[31] «Słownictwo Niepołomic», Wrocław, 1954.

[32] «Der Wortschatz der polnischen Mundart von Sankt Annaberg». I—II, Berlin, 1959.

[33] «Słownik starych Siołkowic w powiecie opolskim», Kraków, 1960.

чака [34] и П. Бонка [35] (Центральная Польша). К сожалению, мало трудов такого рода для Мазовии и Великой Польши, хотя в настоящее время подготавливается большой словарь Й. Моциевского по хелминско-добжинской области. Много словарей отдельных деревень собрано в картотеке «Словаря польских говоров» в Кракове (их около 30). В некоторых диалектных монографиях, посвященных в основном фонетике и грамматике данного говора, имеются различных размеров словари [36].

Несколько слов по поводу диалектных монографий. Они тесно связаны с работой над атласами и словарями. Рассмотреть или хотя бы перечислить их здесь нет возможности — это задача специального библиографического труда. Заметим лишь, что эти работы обычно написаны традиционно с особым вниманием к фонетической стороне в ущерб синтаксису и словообразованию. Для них характерен традиционный фонетический подход при отсутствии применения фонологических методов [37]. Некоторые области до сих пор не имеют полных монографий. Это относится прежде всего к Мазовии.

Кратко суммируем сказанное. Задачи польской диалектологии на современном этапе можно было бы сформулировать так:

1. Создание полной диалектологической библиографии; это позволило бы лучше планировать исследовательскую работу; 2) изучение процессов интеграции на западных землях; 3) изучение местных разновидностей литературного языка; 4) изучение роли отдельных говоров в формировании польского литературного языка; 5) основательные исследования диалектной морфологии и синтаксиса; 6) изучение иноязычных влияний, особенно в области словаря; 7) начало работы над Большим атласом польских говоров; 8) ускорение работы над словарем польских говоров; 9) большее внимание к записи и инвентаризации диалектных текстов.

Конечно, здесь перечислены не все задачи. Необходимо продолжать начатые работы над атласами и словарями, общими и местными. Лишь полная мобилизация усилий на основе всех имеющихся методов позволит собрать материалы, которые по мере исчезновения говоров приобретают характер языковых памятников. Одновременно с работами над материалом необходимо, опираясь на существующие работы, сделать на основе MAGP новую попытку воссоздания исторической и географической карты польских говоров. Первый опыт такого рода, выполненный К. Ничем более 50 лет тому назад, до сих пор не утратил своего значения для польской описательной и исторической диалектологии [38].

Перевела с польского *А. А. Дзалаева*

[34] «Słownik gwar Domaniewka w powiecie łęczyckim», I—V, *A—Pš*, Wrocław, 1964—1967.

[35] «Słownictwo gwar okolic Kramska na tle kultury ludowej», Wrocław, 1960.

[36] Обширные словарные материалы содержат «Studia warmińsko-mazurskie» под ред. В. Дорошевского (с 1958 г. вышло 10 томов). См.: «Założenia leksykograficzne pracy nad Słownikiem gwar Warmii i Mazur» («Prace filologiczne», XVIII, 2, 4, 1965). См. также: E. Pawłowski, Gwara podegrodzka, Wrocław, 1965.

[37] См.: M. Szymaczak, Gwara Domaniewka i wsi okolicznych w powiecie łęczyckim, Łódź, 1961; M. Karaś, Polskie dialekty Orawy, I, Kraków, 1955. Следует отметить большое оживление исследований в этой области.

[38] Следует упомянуть многочисленные записи текстов, опубликованные З. Соберайским (вместе со звуковой иллюстрацией), оравские собрания М. Карася и А. Зарембы. Здесь говорится лишь о специальных изданиях; в различных журналах постоянно встречаются диалектные тексты из разных мест Польши. Они имеют большое значение для знакомства с отдельными говорами и их словарным составом.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1968

Т. В. НАЗАРОВА

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Для развития диалектологии как науки, предполагающей сплошное унифицированное обследование всей территории данного языка, по-видимому, закономерна последовательность периодов, в общих чертах определяемых как каталогизационный и интерпретационный; их разграничением служит более или менее длительная лингвогеографическая систематизация материала.

С этой точки зрения в развитии украинской диалектологии намечаются такие этапы:

I. С 60—70-х годов XIX в. до 40-х годов XX в.— общий обзор диалектного членения украинского языка; предварительная каталогизация и частичная интерпретация фактов.

II. С конца 40-х годов XX в.— период лингвогеографической систематизации; начало углубленной интерпретации материала.

Для общей характеристики украинской диалектологии представляются важными два обстоятельства:

1. Многоплановая диалектная дифференциация украинского языка, обусловленная как этногенетическими и историко-лингвистическими, так и собственно историческими причинами.

2. Длительная расчлененность украинской языковой территории между различными государствами.

Первое обстоятельство способствовало тому, что идея сквозного однотипного обследования языковой территории и, как следствие ее, лингвогеографическая ориентация сопутствовала украинской диалектологии с самого начала ее становления. Она сказывается уже в первом специально диалектологическом обобщающем труде К. П. Михальчука (1877), где диалектная систематизация и первая классификационная диалектологическая карта осуществлены преимущественно на основе записей по специальной программе из ряда населенных пунктов в различных местностях Украины. В последующие десятилетия к идее массового обследования неоднократно возвращались, однако ее претворению препятствовало, помимо научно-методических трудностей, разъединение украинских земель, связанная с ним разобщенность научных центров и т. д. Массовый сбор диалектного материала с ориентацией на национальный лингвистический атлас стал осуществим практически лишь после второй мировой войны.

В настоящее время украинская диалектология переживает переломный период — рубеж второго и последующего, третьего этапа разносторонней интерпретации диалектных данных, новых аспектов в диалектологических исследованиях.

Достижения украинской диалектологии на протяжении всей ее истории и за ближайшие десятилетия уже отражены в ряде весьма подробных

обзоров [1]. Здесь остановимся лишь на основных показателях современного состояния диалектологической украинистики и на важнейших проблемах ее дальнейшего развития.

В современной украинской диалектологии выделяются три основные направления: лингвистическая география, монографическое изучение диалектов, диалектная лексикография. Наибольшего теоретического своеобразия достигла украинская лингвистическая география, сформировавшаяся в процессе работы над Атласом украинского языка (АУЯ).

АУЯ — главное достижение современной украинской диалектологии, обобщение многолетней работы научных и научно-педагогических коллективов республики, итог длительного труда коллектива киевских и львовских диалектологов во главе с Ф. Т. Жилко. Три тома атласа охватывают основные территории распространения украинского языка: I том, законченный в 1963 г. Отделом диалектологии Института языковедения АН УССР (Киев),— Полесье, Среднее Поднепровье и соседние территории центральной Украины; II том, завершающийся в 1968 г. в Отделе языкознания Института общественных наук Львовского университета,— Волынь, Поднестровье, Закарпатье; III том, над которым ведется работа в Киеве, охватит говоры юга и востока Украины и соседних земель.

В процессе создания атласа на основе опыта других лингвогеографических школ — главным образом, московской [2], а также марбургской [3] и льежской [4] — авторским коллективом I тома АУЯ были разработаны оригинальные решения ряда лингвогеографических проблем, примененные как в общеязыковом, так и в региональном картографировании, что дает основание говорить об украинской лингвогеографической школе. Основные ее положения, сформулированные Ф. Т. Жилко во вступительном разделе I тома АУЯ, в статьях [5] и в готовящейся к печати монографии, а также в ряде работ других авторов I тома АУЯ [6], можно кратко суммировать следующим образом.

1. Ареал атласа обусловлен его типом и задачами. В задачи АУЯ как общеязыкового национального атласа входит построение синхронной территориальной проекции национального языка в системных и

[1] См.: Ф. Т. Жилко, Дослідження діалектів української мови за радянської доби (1917—1957 рр.), сб. «Дослідження з мовознавства в Українській РСР за сорок років», Київ, 1957; его же, Здобутки української діалектології (1917—1967 рр.), «Українська мова і література в школі», 1957, 4; Н. И. Марчук, Дослідження діалектів української мови за радянської доби, в кн. «Мовознавство на Україні за п'ятдесят років», Київ, 1967; Й. О. Дзендзелівський, Конспект лекцій з курсу української діалектології (вступні розділи), Ужгород, 1966; С. П. Бевзенко, Вступ до української діалектології, Одеса, 1965; А. А. Москаленко, Нариси історії української діалектології (дожовтневий період), Київ, 1961; его же, Нарис історії української діалектології (радянський період), Київ, 1962.

[2] «Вопросы теории лингвистической географии», М., 1962.

[3] W. Mitzka, Handbuch zum deutschen Sprachatlas, Marburg (Lahn), 1952.

[4] «Atlas linguistique de la Wallonie», Liège, t. 1, 1953; t. 3, 1957.

[5] Ф. Т. Жилко, Досягнення і завдання української лінгвістичної географії, «Мовознавство», 1967, 4; его же, Теоретические основы лингвистического картографирования, сб. «Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов», М., 1967; его же, Принципи лінгвістичного картографування, сб. «Методологічні питання мовознавства», Київ, 1966; его же, Основні принципи побудови Атласу української мови, сб. «Праці XI республіканської діалектологічної наради», Київ, 1965 и др.

[6] См. сб. «Українська лінгвістична географія», Київ, 1966; І. О. Варченко, Лінгвогеографія і деякі питання української мови, сб. «XI Республіканська діалектологічна нарада. Тези доповідей», Київ, 1962; его же, Етимологія і лінгвогеографія, сб. «Територіальні діалекти і власні назви», Київ, 1965; І. Г. Матвіяс, Засади картографування матеріалів до Атласу української мови, «Праці XI республіканської діалектологічної наради»; Т. В. Назарова, Спроби картографування фонемних структур в Атласі української мови, сб. «Територіальні діалекти і власні назви».

структурных связях его элементов, с учетом диахронической линии их развития. Среди общеязыковых атласов, могущих охватывать различные территории, с синхронной точки зрения предпочтительнее атлас, объектом которого является данный язык в своих территориальных вариантах, независимо от диахронических ограничений и от пределов функционирования этого языка в его стандартизованной внетерриториальной форме. В соответствии с этим принципом в АУЯ отображены украинские говоры как в пределах УССР (исконные и сложившиеся позднее), так и на соседних с УССР территориях (непосредственное продолжение украинского языкового ареала в РСФСР, БССР, Молдавской ССР, в Польше, Чехословакии и Румынии), а также учтены наибольшие массивы переселенческих говоров в СССР и Югославии.

2. О б ъ е к т к а р т ы определяется исходя из стремления максимально преодолеть атомизм, присущий лингвистическому картографированию, и отразить элементы языковой системы как сложную иерархию взаимосвязей и взаимообусловленности. Поэтому объектом карты могут быть не только отдельные языковые факты, либо явления одного уровня, но и комплексы, разложимые на отдельные противопоставления в пределах одного или различных уровней (отсюда — обогащение информации карты).

3. В соответствии с пониманием объекта карты, с и с т е м а к а р т о г р а ф и р о в а н и я предусматривает расчлененное отображение пучка противопоставлений с помощью разработанного в АУЯ метода наложения ареалов (противопоставленных графически и в цвете либо только графически), формально или генетически взаимосвязанных явлений. При этом соблюдается последовательность в применении средств картографирования (цвета, знаки, штриховки, фоны, линии); выбор того или иного цвета, знака, линии обусловлен иерархией картографируемых элементов. Сложной символикой наделен цвет — он используется не только для противопоставления знаков, штриховок и т. д., но в некоторых случаях и для объединения этих средств в определенные комплексы, противопоставленные между собой. Принципиально важно стабилизированное обозначение постоянным цветом диалектных элементов, совпадающих с нормативными, что создает территориальную проекцию для литературного языка, позволяет проследить диалектные основы нормы и тем самым раздвигает рамки объекта атласа за пределы сугубо диалектных явлений (это отражено и в названии атласа).

4. Большое внимание уделяется графической интерпретации картографирования, которая предусматривает специальные синтетические карты различных уровней.

С завершением общеязыкового атласа будет возрастать актуальность регионального и проблемного картографирования, тем более необходимого, что программа АУЯ во многом не соответствует современному уровню языкознания. После первого на украинском материале регионального лексического атласа Ю. Тарнацкого [7] с 50-х годов региональное картографирование активизируется в Ужгороде. Здесь издается лексический атлас И.А. Дзендзелевского [8], которому принадлежит и разработка теоретических вопросов регионального картографирования [9], идет подготовка

[7] J. T a r n a c k i, Studia porównawcze nad geografią wyrazów (Polesie — Mazowsze), Warszawa, 1939.

[8] Й. О. Д з е н д з е л і в с ь к и й, Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика), ч. І, Ужгород, 1958; ч. 2, Ужгород, 1960. К печати готова третья часть Атласа.

[9] Й. О. Д з е н д з е л і в с ь к и й, Про регіональні діалектологічні атласи української мови, «Праці X республіканської діалектологічної наради», Київ, 1961,

к созданию областного атласа закарпатских говоров. И. А. Дзендзелевский является также автором программы лексического атласа украинского языка [10]. Интерес к региональным атласам растет и в других центрах. Лексический атлас среднего и нижнего Поднепровья составил В. С. Ващенко, готовы к печати атлас северноподнестровских и волынских говоров Г. Ф. Шило и отражающий украинско-белорусские междиалектные контакты атлас нижней Припяти Т. В. Назаровой. Отдельно картографируются украинские говоры за рубежом (атласы З. Штибера, В. Латты).

Региональное и проблемное картографирование — последующий этап развития украинской лингвогеографии, в котором сделаны лишь первые шаги.

Многолетняя ориентация на создание АУЯ не только развивала лингвогеографическую мысль, но и активизировала собственно диалектологические исследования. Этому способствовал общий подъем научно-организационной диалектологической работы в республике, улучшение издательской базы, формирование местных диалектологических центров (Ужгород, Львов, Одесса, Днепропетровск).

Преобладающим типом диалектологического исследования в послевоенной украинистике является монографическое описание определенного территориально-языкового образования. В этом плане немало было сделано и в предыдущий период, в особенности для изучения юго-западного наречия, которое было предметом не только многочисленных статей, но и ряда серьезных монографий — И. Верхратского, М. Пшепюрской, К. Дейны, И. Панькевича и др.; существует также определенная традиция и в описании северных (левобережнополесских) говоров, связанная главным образом с работами В. М. Ганцова. Остальные украинские диалектные массивы были известны по одной-двум работам либо и вовсе представляли собой terra incognita.

Для послевоенного периода характерно интенсивное распространение диалектологических исследований «вширь», в том числе и за пределы республики. По-прежнему привлекает внимание юго-западное наречие, в особенности говоры карпатской зоны; одновременно стали изучаться ранее малоизвестные районы Полесья и обширные территории центральной, южной и восточной Украины — среднее Поднепровье, Полтавщина, Нижнее Поднепровье, бессарабское Приморье, Херсонщина, некоторые районы Донецкой, Запорожской, Харьковской, Луганской областей, территории украинских говоров в других республиках и за пределами СССР.

Большинство монографических описаний (с конца 40-х годов их насчитывается несколько десятков) опубликованы в виде статей; из тех, что вышли отдельным изданием, следует отметить монографии И. А. Варченко, В. С. Ващенко, Б. В. Кобылянского, Г. Ф. Шило [11], из зарубежных украинистов — исследования К. Дейны, Л. Дэже [12] и др. К недавнему времени относятся и первые обобщающие работы по украинской диалектологии, являющиеся и вузовскими учебниками,— труды Ф. Т. Жилко [13],

---

е г о ж е, Засади укладання регіональних атласів слов'янських мов, Київ, 1963, и др.

[10] Й. О. Дзендзелівський, Лексичний атлас української мови, «XII Республіканська діалектологічна нарада. Тези доповідей», Київ, 1965.

[11] І. О. Варченко, Лубенські говірки і діалектна суміжність, Київ, 1964; В. С. Ващенко, Полтавські говори, Харків, 1957; Б. В. Кобилянський, Діалект і літературна мова, Київ, 1960; Г. Ф. Шило, Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра, Львів, 1957.

[12] K. Dejna, Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny, Wrocław, 1957; Л. Дэже, Очерки по истории закарпатских говоров, Будапешт, 1967.

[13] Ф. Т. Жилко, Нариси з діалектології української мови, вид. 1-е, Київ, 1955, вид. 2-е, Київ, 1966; е г о ж е, Говори української мови, Київ, 1958.

названные учебные пособия С. Ф. Бевзенко, И. А. Дзендзелевского, А. А. Москаленко.

Преимущественный характер большинства диалектологических исследований последних десятилетий — описательный, в основном, традиционный по тематике (главным образом, фонетика и морфология, краткий лексический обзор либо словарь) и по генетическому аспекту изучения. Их проблематика внешне продолжает линии предыдущего периода, и, в основном, ограничивается классификационной характеристикой говоров или диалектных групп и анализом отдельных диалектных явлений. Однако обогащение общей методики лингвистических исследований наложило свой отпечаток и на диалектологические работы, хотя и с заметным (и закономерным [14]) опозданием. В современной украинской диалектологии возникают новые аспекты изучения — ареальный, обусловленный интересом к лингвогеографическим проблемам в связи с АУЯ, и структурно-описательный, направленный на рассмотрение закономерностей целостной системы говора на различных уровнях. Как и в других языках, наиболее продуктивным системное описание оказалось прежде всего для диалектной фонологии. Интенсивное развитие фонологических исследований в украинской диалектологии начинается с конца 50-х годов и связано с работами Ф. Т. Жилко о диалектном фонемном инвентаре, системе фонемных оппозиций и нейтрализации в украинском языке [15]. С количественным ростом фонологических описаний отдельных говоров и с появлением специально фонологических разработок на обширном диалектном материале (в частности, вокализма юго-западных говоров — А. Н. Залесский) фонемный анализ начинает становиться непременной составной частью исследования, оперирующего данными фонетических (и морфологических) наблюдений. В последнее время выдвигаются задачи построения диахронической фонологии украинского языка.

Повышается общий теоретический уровень диалектологических описаний. Интерес к интерпретации фактов и выяснению их генезиса сменяет прежний констатирующий стиль; возрастает роль лингвогеографических критериев при выборе территории исследования; материалы наблюдений заметно перерастают рамки программы АУЯ, которая, хотя и унифицировала в свое время диалектологические описания, но одновременно и ограничивала фактические сведения многих из них.

Основные достижения описательной украинской диалектологии последних лет связаны с разработкой двух основных проблем: 1) ареальной характеристики диалектных систем в целом, для которой наиболее актуально разграничение и взаимодействие диалектов; 2) исследования отдельных элементов диалектных систем в широкой территориальной проекции.

Разграничение говоров, устанавливаемое на основании комплекса территориальных противопоставлений, позволяет уточнить прежнее, часто априорное представление о диалектных границах. Наиболее существенные коррективы касаются границ среднеподнепровского массива (И. А. Варченко, В. С. Ващенко, Ф. Т. Жилко, А. П. Могила); уточнены южная граница левобережнополесских говоров (В. М. Брахнов, А. И. Фи-

[14] Ср.: Т. М. Судник, С. М. Шур, Диалектология и структурная типология, сб. «Исследования по структурной типологии», М., 1963, стр. 216.

[15] Ф. Т. Жилко, Фонологічні особливості української мови в порівнянні з іншими слов'янськими, Київ, 1963; его же, Діалектні відмінності приголосних фонем української мови, «Українська мова в школі», 1960, 4; его же, Диалектні відмінності приголосних фонем української мови, «Українська мова в школі», 1961, 4; его же, Питання фонологічного аспекту в українській діалектології», «Діалектологічний бюлетень», 8, Київ, 1961.

липпова), восточный рубеж подольского ареала (Г. Ф. Пелих, Л. С. Терешко), общие границы поднестровских говоров (Г. Ф. Шило) и динамика их западных рубежей (Д. Г. Бандривский, Я. О. Пура) и др.

В связи с уточняющейся диалектной каталогизацией и лингвогеографическими коррективами углубляется интерес к проблеме диалектного членения украинского языка. Классификация украинских говоров, бывшая теоретическим центром основных диалектологических исследований минувшего периода, издавна колебалась между трехчленным и двучленным принципами деления. Возобладавший с начала 40-х годов трехчленный принцип (северные — юго-восточные — юго-западные говоры) более дифференцированно отражал синхронные различия в украинском диалектном ландшафте, чему немало способствовал и количественный рост диалектологических описаний (пестрота неунифицированных сведений легче укладывалась в более разветвленную схему). Ф. Т. Жилко на основе данных АУЯ и монографических исследований сохраняет трехчленную классификацию для современного синхронного среза (с внутренней детализацией), учитывая при этом и генетическую координату, на которой выделены две основные группы — северная и южная, соответствующие древнейшему диалектному членению восточных славян на украинской территории. К двумерной классификационной схеме подводит распределение границ украинских диалектных ареалов по различным синхронным срезам, отражающим периоды племенных, феодально-административных и государственных образований, а также этапы основных миграционных движений[16].

С размежеванием диалектов тесно связаны вопросы междиалектных и межъязыковых (на диалектном уровне) контактов — проблема, новая для диалектологической украинистики и весьма для нее актуальная как в связи с характером основного диалектного ландшафта, так и благодаря большому количеству переселенческих диалектных массивов в иноязычных окружениях.

Анализ контактов в территориальном плане, с одной стороны, предопределяется лингвогеографической ситуацией, в зависимости от которой выделяются главнейшие типы контактов, в украинской диалектологической литературе квалифицируемые как фронтальные и афронтальные (resp. маргинальные и интрарегиональные). С другой стороны, предпринимаются попытки представить контактные явления в структурном плане как результат соприкосновения двух или более систем, при котором возможны тенденции к унификации, сосуществованию и взаимоотталкиванию элементов; сферы проявления этих тенденций определяются, в конечном счете, типами контактов.

Фронтальные контакты исследуются преимущественно на материале зон взаимодействия между исконными диалектными массивами и в особенности на основе говоров украинско-белорусской языковой границы (Ф. Т. Жилко, Т. В. Назарова, З. Г. Николаенко и др.). Так называемые переходные говоры, потенциально сопутствующие фронтальным контактам, правомерно выделять в самостоятельный диалектный тип в случае, если в их системе развиваются специфические, лишь им свойственные элементы. Говоры, не удовлетворяющие указанному условию, подлежат иной квалификации, например украинские говоры Воронежчины (Г. Т. Солонская), говоры юго-западной Черкащины (А. Д. Очеретный) и др.

[16] Ф. Т. Жилко, Нариси..., стр. 27; его же, Особенности диалектных границ украинского языка, сб. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков», М., 1964; его же. Деякі питання класифікації говорів української мови в світлі даних лінгвістичної географії, «Філологічний збірник», Київ, 1958. Отдельные вопросы классификации диалектов дискутируются (Г. Ф. Шило, Б. А. Шарпило).

Для изучения афронтальных контактов большой материал дают новожильческие украинские говоры дозаселенных и новозаселенных территорий степной и слободской Украины (В. С. Ващенко, И. А. Дзендзелевский, В. П. Дроздовский, С. Ф. Горчевич, Л. А. Лисиченко, А. А. Москаленко, А. М. Мукан, Я. Д. Нагин, С. Ф. Самойленко, В. А. Чабаненко, Б. А. Шарпило и др.). В отличие от говоров переходных типов, результаты интерференции проявляются здесь вариативно, сосуществуют разносистемные элементы, фонетические и морфологические новообразования не охватывают всего репрезентативного материала.

Проблема контактов решается также и на материале юго-западных диалектных зон взаимодействия с западнославянскими, южнославянскими и неславянскими языками (в различные исторические периоды). Много внимания уделяется лексическому уровню контактов, преимущественно в плане характеристики иноязычных лексических заимствований и проникновений в украинские диалекты. Наиболее полно, в сравнительно-историческом и лингвогеографическом аспектах исследуются лексические связи в ряде статей И. А. Дзендзелевского и в его монографии об украинско-западнославянских лексических параллелях (в печати). Собрано немало наблюдений над украинско-восточнороманскими связями — преимущественно в говорах Закарпатья и Буковины (И. А. Дзендзелевский, В. И. Орос, В. А. Проконенко, Р. Я. Удлер и др.), в пограничных подольских говорах (А. С. Мельничук). Буковина и Закарпатье дают также материал для изучения германизмов (З. Н. Савченко, А. М. Рот) и мадьяризмов (И. А. Дзендзелевский, П. Н. Лизанец, А. А. Мокань). Наибольшее внимание с точки зрения контактов привлекают сейчас говоры карпатской зоны. Новый фактический материал прикарпатских и закарпатских говоров, собранный львовскими, ужгородскими, частично черновицкими диалектологами и в значительной мере углубивший представление о карпатском ареале, а также публикация атласа И. А. Дзендзелевского дают возможность отстаивать гипотезу о карпатской зоне как о сложном дифференцированном генетически и хронологически комплексе многообразных языковых контактов [17], среди которых древнейший срез образуют украинско-южнославянские связи (И. А. Дзендзелевский, Б. В. Кобылянский, В. В. Нимчук, М. И. Онышкевич, И. А. Панькевич, П. П. Чучка). Об актуальности этой проблемы свидетельствует интерес к ней в славистических центрах за пределами УССР. Специально украинско-южнославянским древнейшим схождениям посвящен Карпатский диалектологический атлас (Институт славяноведения АН СССР) [18], в работе над которым (составление программы, полевые записи) принимали участие и украинские диалектологи.

Свою специфику имеют контактные процессы в украинских говорах за пределами УССР, представляющих собой либо непосредственное продолжение украинского ареала, либо значительные переселенческие массивы, либо мозаичные вкрапления в иноязычной среде. Междиалектное взаимодействие (в районах разнодиалектного заселения) здесь в определенной степени тормозится интерференцией, обусловленной билингвизмом. Это наблюдается, например, в украинских говорах Курской зоны (В. Г. Денисевич), Кубани (И. Г. Чередниченко, Н. П. Федоренко, С. Ф. Довгопол и др.), Ростовской области (С. П. Габ), Поволжья (И. Т. Вальченко, А. М. Пашковский, Ф. П. Сергеев), Дальнего Востока (Т. В. Назарова).

[17] О. М. Рот, Особливості взаємин мов та діалектів південнокарпатського ареалу та роль українських елементів у їх розвитку, «Мовознавство», 1967, 6.

[18] С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, В. В. Усачева, Карпатский диалектологический атлас, М., 1967.

С учетом билингвистических проблем исследуются современные украинские говоры в Польше (М. Кондратюк, М. Лесив и др.), Чехословакии (А. Курымский, В. Латта, Я. Моравец и др.), Румынии (Н. С. Павлюк, И. Петруц, И. К. Робчук и др.).

Проблема выяснения природы отдельных диалектных явлений, ранее в большинстве случаев включавшаяся попутно в общее описание и решавшаяся зачастую поверхностно[19], с ростом общего интереса к интерпретации фактов приобретает самостоятельное значение. Это обстоятельство и связанная с ним возросшая сложность современной характеристики говора, требующей многосторонней специализации, по-видимому, сказывается в известном охлаждении к описаниям диалектов более чем на одном уровне. В последнее время появляются исследования иного типа, направленные «вглубь» — анализ определенного языкового элемента или целостной группы элементов одного уровня в многообразии их территориальных проявлений на всем украинском ареале или на значительной его части. Помимо упоминавшихся уже характеристик фонемного состава украинских диалектов, к такому типу работ принадлежит, например, исследование П. Д. Тимошенко о явлениях внешнего сандхи в украинском языке, в области морфологии — серия работ И. Г. Матвияса о существительном, Н. И. Марчук — о глаголе, Н. П. Прилипко — о прилагательном. К сожалению, задержка с публикацией АУЯ тормозит подобные изыскания и фактически ограничивает круг их авторов рамками коллектива составителей атласа. Так, исследования такого рода, в основу которых положены соответствующие карты II тома АУЯ, практикуются в группе львовских диалектологов — авторов АУЯ: статьи Я. В. Закревской о протезе и эпентезе в юго-западных говорах, об элементах глагольных парадигм; П. И. Приступы — о фонетических явлениях юго-западного ареала, М. М. Онышкевича — о системе местоименных форм, Л. М. Григорчук — о некоторых грамматических и акцентологических юго-западных диалектизмах. Ценность этих разысканий увеличивается использованием в них материалов картотеки исторического словаря украинского языка (XIV—XV вв.), составление которого осуществляется во Львове под руководством Л. Л. Гумецкой.

Дальнейшее развитие описательной украинской диалектологии должно основываться, по-видимому, на совершенствовании двух типов исследований: с одной стороны, синхронные (с привлечением диахронических данных) описания разных уровней диалектных систем узловых территорий (избираемых не только по принципу слабой изученности, но и, главным образом, по положению их в лингвистическом ландшафте, в том числе и в иноязычной среде); с другой, всесторонний анализ элементов системы одного уровня с максимальной диахронической и ареальной проекцией. В обоих случаях перспективным представляется сочетание генетического, ареального и сопоставительно-типологического методов (для изучения звукового и интонационного уровней — экспериментально-лабораторного анализа), регулируемое задачами исследования.

Для успешного осуществления этих перспектив необходимо преодоление внутренней тематической и методической диспропорции, характерной для украинских диалектологических исследований. Проявления неравномерности развития различных тематических циклов и в связи с этим отставание некоторых из них хорошо известны [20] и частично свойственны

[19] За исключением отдельных работ минувшего периода, какими являются, например, обстоятельное исследование В. М. Ганцова о северноукраинских дифтонгах (1923) и статьи Е. Б. Курило.

[20] Й. О. Дзендзелівський, Проблеми сучасної української діалектології, «Мовознавство», 1967, 2.

восточнославянской диалектологии вообще. Здесь укажем главнейшие из них.

1. При преимущественном внимании к фонетике и морфологии слабо развивается диалектное словообразование, синтаксис и акцентология. Специально словообразованию посвящена лишь монография В. В. Нимчука (на закарпатском материале), несколько статей (Й. А. Дзендзелевский, И. И. Ковалик и др.) и фрагментарные наблюдения в общих описаниях. Диалектный синтаксис еще менее изучен (преимущественное внимание ему уделено лишь в монографии В. М. Брахнова о переяслав-хмельницких говорах, в статьях К. Ф. Германа, В. И. Добоша, И. Д. Пагири и др.). Единичны и акцентологические наблюдения (И. А. Варченко, В. М. Иллич-Свитыч, В. Г. Скляренко). В целом состояние изученности этих уровней определяется почти полной неразработанностью методики и недостаточным фактическим багажом в связи с традиционным невниманием к этим областям; отсюда — неудовлетворительность соответствующих разделов программы АУЯ и вследствие этого — пробелы в лингвогеографической систематизации данных.

2. Отстает теоретическая разработка проблем украинской диалектной лексикологии. Хотя интерес к диалектной лексике не ослабевает почти с первых шагов развития украинской диалектологии, однако фактически до настоящего времени он реализуется лишь в количественном накоплении лексических диалектизмов. Многочисленные описания, как правило, либо инвентаризуют лексику одной или нескольких семантических групп в ограниченных территориальных пределах (например, монография А. А. Берлизова о рыбачьей лексике Поднестровья, М. Т. Бескишкиной о лексике прядения и ткачества на Сумщине, М. Ф. Кривчанской о гончарской профессиональной лексике Полтавщины и т. д.), либо дают широкий лексический обзор определенной языковой территории (например, монография В. А. Прокопенко о лексике буковинских говоров), либо же анализируют предметную группу на территориально неограниченном материале (едва ли не единственным исследованием такого типа с широким использованием диалектных данных является монография А. А. Бурячка о терминах родства и свойства). Есть отдельные попытки характеристики диалектного синонимического ряда (Д. Г. Бандривский, Я. В. Закревская).

В подавляющем большинстве лексических описаний не учитывается основное требование современной лексикологии — обеспечение системного уровня анализа лексико-семантических данных. На украинском материале предпринимаются лишь первые шаги в применении современных методов лексическо-семантических исследований (семемный анализ, определение семантических микрополей с учетом ареального аспекта и т. д.), успешно разрабатываемых русскими и белорусскими диалектологами.

Почти не исследуется лексика социальных (профессиональных) диалектов, сленг. Мало внимания уделяется диалектной фразеологии.

Помимо тематической диспропорции, развитию описательной диалектологии в большой мере препятствует замедленное преодоление методического однообразия. Более активно прививаются лингвогеографические методы исследования; первые шаги сделаны в экспериментально-лабораторном изучении диалектной фонетики (работы В. М. Брахнова, Л. И. Прокоповой, Н. И. Тоцкой). Методы структурного, сопоставительно-типологического анализа с трудом преодолевают эмпирико-генетическую традицию, вовсе не развиваются статистические исследования.

Неравномерность современного состояния различных областей описательной диалектологии, недостаточное проникновение новейших методов исследования и затянувшаяся стадия первичного накопления материала (по

крайней мере, для некоторых уровней) тормозит развитие общетеоретических диалектологических проблем, разработка которых в настоящее время ограничена (статьи В. С. Ващенко, Ф. Т. Жилко, И. И. Ковалика).

Отдельно следует остановиться на проблемах развития исторической диалектологии. Историко-диалектологические исследования в украинистике имеют определенную традицию, хотя в последние десятилетия в связи с возросшим вниманием к синхронному аспекту изучения они были несколько в тени. Потенциально они формируют особое направление в диалектологии, хотя в настоящее время целесообразнее рассматривать их в связи с описательными диалектологическими исследованиями. Существующий в этой области «задел» поддерживается общей генетической направленностью описательных диалектологических работ и тенденцией многих описаний проследить генезис тех или иных диалектных групп на основании сравнительно-исторического и лингвогеографического изучения современных говоров. Эта тенденция проявляется не только при характеристике более прозрачных с этой точки зрения северных говоров, где моделирование некоторых уровней системы на срезе после падения редуцированных представляется вполне осуществимым, или говоров карпатского ареала, которые проблематично связываются с диалектами белых хорват, уличей и т. д. (И. А. Дзендзелевский, Б. В. Кобылянский, И. А. Панькевич и др.), но и в изучении говоров среднего Поднепровья. Большинство современных исследователей этого массива (И. А. Варченко, Ф. Т. Жилко, А. П. Могила, С. Ф. Самойленко и др.) подвергают сомнению распространенную ранее гипотезу о новейшем формировании всего юго-восточного ареала; племенная основа его ядра — среднего Поднепровья — оказалась затемненной в результате позднейших заселений.

Ретроспективный аспект, наметившийся в монографических описаниях диалектных систем и их элементов, активизирует специально историко-диалектологические исследования. Работы в этой области (С. Ф. Бевзенко, Л. П. Бовы-Ковальчук, И. А. Дзендзелевского, И. М. Керницкого, В. В. Нимчука, О. М. Масштабей, Н. Ф. Наконечного, С. Ф. Самойленко, М. Ф. Станивского, П. Д. Тимошенко и др.) иллюстрируют два пути историко-диалектологического анализа, аналогичные синхронному: диалектная характеристика отдельных памятников и генезис определенных явлений (и от них — диалектных систем) на широком фоне диалектного и старописьменного материала. Дальнейшее развитие обоих направлений тормозится главным образом недостаточным числом филологически надежных публикаций памятников (в последнее время в этой области есть некоторые сдвиги) и отсутствием в широком научном обиходе материалов АУЯ. Последнее обстоятельство важно для исторической диалектологии не менее, чем для описательной: реконструкция диалектных систем на различных синхронных срезах, генезис отдельных элементов системы, диалектные взаимоотношения в различные периоды исторического развития — все эти вопросы, составляющие перспективу историко-диалектологических исследований, не могут быть решены без углубленного ареального анализа [21].

Отдельное направление в украинской диалектологии представляет собой диалектная лексикография. Тесно связанная с диалектной лексикологией, она, естественно, отражает ее уровень. Регионально-каталогизационному характеру большинства лексикологических исследований соответствует развитие, в основном, региональной лексикографии. Опубли-

[21] Р. И. Аванесов, Описательная диалектология и история языка, «Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации», М., 1963, стр. 314.

ковано несколько дифференциальных диалектных словарей определенных местностей (В. С. Ващенко, И. А. Дзендзелевского, П. С. Лысенко, А. А. Москаленко), а также несколько небольших словарей специфической лексики отдельных говоров (Д. Г. Бандривского, И. А. Дзендзелевского, С. И. Дорошенко, А. С. Мельничука, Л. С. Паламарчука, А. Т. Сизько, В. А. Шадуры и др.). Давно закончены словари закарпатских (Н. А. Грицак) и бойковских (М. И. Овышкевич) говоров, являющиеся результатом многолетнего труда, в Праге хранятся материалы Закарпатского областного словаря И. А. Панькевича и др. Однако теоретические принципы составления региональных словарей разработаны слабо. Дискуссионные вопросы современной диалектной лексикографии лишь частично отразились в различных словарных разработках, инструкциях и вопросниках с региональной ориентацией. Многие из названных работ не отвечают современным требованиям к областным словарям [22]. Наряду с составлением областных словарей различных типов, в том числе и относительно полных словарей отдельных микродиалектов, неотложной задачей украинской диалектологии является создание сводного дифференциального диалектного словаря украинских говоров, базирующегося как на опубликованных и рукописных материалах (специальных и неспециальных), так и на новейших целевых лексических записях. В этом отношении тенденции в украинской диалектной лексикографии в какой-то мере противоположны лингвогеографическим: перспективно развитие от регионального к общеареальному. Однако занятость диалектологических сил республики сбором материала для национального (а с недавнего времени — и общеславянского) атласов пока что несколько оттягивает решение этой задачи. Важную роль в этом отношении сыграет Лексический атлас украинского языка.

Завершая обзор основных достижений и перспектив развития современной украинской диалектологии, следует еще раз подчеркнуть желательность скорейшего завершения периода обобщенной систематизации материала и необходимость преодоления для этого не только внутренних причин (диспропорция в современном состоянии отдельных отраслей, слабое проникновение новых методов и т. д.), но и внешних факторов, из которых главнейшим является задержка публикаций результатов обобщений — лингвистических атласов (украинских и русских), диалектных словарей. Существенное значение имеет и опубликование диалектных текстов [23], составление и публикация материалов фонотек.

Преодоление этих трудностей откроет широкие перспективы для углубленной интерпретации диалектных данных, развития в украинской диалектологии новых аспектов и направлений.

---

[22] Ф. П. Филин, О составлении диалектологических словарей славянских языков, «Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации»; Н. И. Толстой. Какой тип диалектного словаря нам нужен?, сб. «XII Республіканська діалектологічна нарада. Тези доповідей».

[23] В Институте языковедения АН УССР подготавливается хрестоматия украинских говоров; опубликована региональная хрестоматия говоров Одесской области А. А. Москаленко (А. А. Москаленко, Методичні рекомендації для практичних занять з української діалектології, Одеса, 1965).

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФОРМ ОБЪЕКТНОГО СПРЯЖЕНИЯ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Проблема *происхождения* объектного спряжения в уральских языках, несмотря на неоднократные попытки рассмотрения этого вопроса, до сих пор остается одной из наиболее трудных проблем их истории. Объектное спряжение существует не во всех уральских языках, а только в обско-угорских (мансийском, хантыйском и венгерском) и в мордовских; довольно отчетливо, хотя и своеобразно, оно представлено в самодийских языках (ненецком, энецком, нганасанском и селькупском). Полностью отсутствует объектное спряжение в прибалтийско-финских, саамском, марийском и пермских языках.

При рассмотрении структуры форм объектного спряжения во всех этих языках абсолютного единства не обнаруживается и можно выделить три структурных типа форм объектного спряжения — самодийско-венгерский, мансийский и мордовский.

1. Самодийско-венгерский тип. Отличительной особенностью этого типа является полное отсутствие в структуре объектных форм инкорпорированного показателя объекта — имеются только специфические личные окончания, исторически восходящие к притяжательным суффиксам.

Ненецкий язык

Неопределенное время

ед. число	мн. число [1]
1-е лицо *хада-в* «я убил (одного)»	*хада-ва'*
2-е лицо *хада-р* «ты убил (одного)»	*хада-ра'*
3-е лицо *хада-да* «он убил (одного)»	*хада-до'*

Ср. *ня-в* «мой товарищ», *ня-р* «твой товарищ», *ня-да* «его товарищ», *ня-ва'* «наш товарищ», *ня-ра'* «ваш товарищ», *ня-до'* «их товарищ».

Объектные формы могут включать в себя показатели двойственного и множественного чисел, например, *мада-нгахаю-н* «два (дерева) срубил я», *мада-й(а)-н* «много (деревьев) срубил я». Практически объектные формы могут употребляться в настоящем, прошедшем и будущем времени, хотя настоящее время встречается не часто [2].

---

[1] Формы двойственного числа здесь не приводятся.

[2] Формы объектного спряжения в других самодийских языках как одинаковые по структурному типу нами не приводятся.

Венгерский язык

Объектное спряжение в венгерском языке очень близко к самодийскому типу. Личные окончания, восходящие к притяжательным суффиксам, также выполняют двойную функцию — функцию показателя сочетаемости глагола с субъектом действия соответствующего лица и функцию показателя объекта (ряд 3-го лица), например, *várom* «я жду его» или «я жду это», *kérem* «я прошу его» или «я прошу это».

Настоящее время

ед. число

1-е лицо	*váro-m* «я жду (это)»	*kére-m* «я прошу (это)»
2-е лицо	*váro-d* «ты ждешь (это)»	*kére-d* «ты просишь (это)»
3-е лицо	*vár-ja* «он ждет (это)»	*kér-i* «он просит (это)»

мн. число

1-е лицо *vár-juk*	*kér-jük*
2-е лицо *vár-játok*	*kér-itek*
3-е лицо *vár-ják*	*kér-ik*

Прошедшее время

ед. число

1-е лицо *várt-am*	«я ждал (это)»	*kért-em*	«я просил (или: попросил это)»
2-е лицо *várt-ad*	«ты ждал (это)»	*kért-e*	«ты просил (это) (или: попросил это)»
3-е лицо *vár-ta*	«он ждал (это)»	*kért-e*	«он просил (это)»

мн. число

1-е лицо *várt-uk*	*kért-ük*
2-е лицо *várt-átok*	*kért-étek*
3-е лицо *várt-ák*	*kért-ék*

По сравнению с самодийским венгерский тип имеет некоторые частные особенности. Существует форма, указывающая на объект действия, относящегося ко 2-му лицу, например, *kér-l-ek* «я прошу тебя». Возможно, что элемент *j* в таких формах настоящего времени, как *várja* «он ждет (это)», *várjuk* «мы ждем (это)», в сознании говорящих воспринимался как показатель объекта действия, хотя по происхождению он является средством устранения зияния. В целом, однако, эти частные особенности не нарушают структурного тождества венгерского типа с самодийским.

Хантыйский язык

Настоящее время[3]

ед. число		мн. число
1-е лицо *pŏn-ł-em*	«я положу (это)»	*pŏn-ł-ew*
2-е лицо *pŏn-ł-en*	«ты положишь (это)»	*pŏn-ł-əłən*
3-е лицо *pŏn-ł-əłe*	«он положит (это)»	*pŏn-ł-eł*

Прошедшее время

ед. число		мн. число
1-е лицо *pŏns-em*	«я положил (это)»	*pŏns-ew*
2-е лицо *pŏns-en*	«ты положил (это)»	*pŏns-əłən*
3-е лицо *pŏns-əłe*	«он положил (это)»	*pŏns-eł*

Объектное спряжение в хантыйском языке фактически принадлежит к самодийско-венгерскому типу, поскольку особый показатель объ-

[3] Настоящее время в хантыйском языке одновременно имеет значение будущего времени.

екта всюду отсутствует. Единственное его отличие состоит в том, что в настоящем времени наличествует показатель этого времени *ŧ*, очень напоминающий показатель объекта *l* в мансийском.

2. Мансийский тип. Мансийский тип объектного спряжения отличается от венгерско-самодийского типа тем, что в формах объектного спряжения наличествует особый показатель объекта, включаемый между основой глагола и личным окончанием.

Мансийский язык

Настоящее время

ед. число		мн. число [4]
1-е лицо *wari-l-um*	«я делаю (это)»	*wari-l-um*
2-е лицо *wari-l-ən*	«ты делаешь (это)»	*wari-l-ən*
3-е лицо *wari-te*	«он делает (это)»	*warija-nəl* [5]

Прошедшее время

ед. число		мн. число
1-е лицо *warəs-l-um*	«я сделал (это)»	*warəs-l-uw*
2-е лицо *warəs-l-ən*	«ты сделал (это)»	*warəs-l-ən*
3-е лицо *warəs-te*	«он сделал (это)»	*wars-unəl*

3. Мордовский тип. Парадигма форм объектного спряжения в современных мордовских языках довольно сложна уже и потому, что морфологический состав этих форм в их современном состоянии является довольно запутанным по причине большого количества всякого рода новообразований. Ограничимся здесь указанием только на наиболее существенные особенности этой системы. В отличие от вышеописанных типов, в мордовских языках представлены показатели объекта, относящиеся к 1, 2 и 3-му лицу, ср. эрзя-морд. *кунда-с-ак* «ты поймаешь его», *кунда-т-ан* «я поймаю тебя», *кундаса-м-изь* «они поймают меня». В прошедшем времени для объекта 3-го лица («его» и «их») показатель объекта действия не обнаруживается.

Несмотря на некоторые структурные различия, все три вышеописанных типа имеют две общие особенности: 1) формы объектного спряжения употребляются в тех случаях, когда налицо определенный объект действия; 2) личные окончания форм объектного спряжения восходят к притяжательным аффиксам. В прошедшем времени в ряде «его» («их») показатель объекта действия чаще всего вовсе отсутствует, единственное исключение в этом отношении составляет мансийский язык.

Такое интересное явление, как объектное спряжение, привлекало внимание исследователей, высказавших различные мнения по поводу его сущности и происхождения. Чаще всего в центре внимания оказывалось объектное спряжение в венгерском языке, причем в основном отдельные его частности. Так, Й. Синней элемент *j* в формах типа *várja* «он ждет (это)» считал особым показателем объекта действия [6]; Я. Мелих, наоборот, предполагал, что этот элемент привнесен из сферы повелительного наклонения [7]. А. Клемм, пытаясь объяснить происхождение объектного спряжения, полагал, что первоначально объектное спряжение ничем не отличалось от склонения имен с притяжательными суффиксами, а пре-

[4] Формы двойственного числа здесь не приводятся.

[5] В формах 3-го лица показатель объекта отсутствует.

[6] J. Szinnyei, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Leipzig, 1910, стр. 154, 155.

[7] Melich J., A magyar targyas igeragozás, «A magyar nyelvtudományi Társaság Kiadványai», 14, 29, стр. 43.

вращение посессивной конструкции в предикативную осуществилось благодаря изменению членения предложения [8].

Д. Пойш причину возникновения объектного спряжения искал в необходимости выразить заинтересованность субъекта действия в объекте [9]. По мнению Г. Барци, объектное и субъектное спряжения в венгерском языке выделились вследствие наличия там большого количества личных окончаний [10].

Многие исследователи считали возникновение объектного спряжения относительно поздним явлением. Й. Синней относил его возникновение к общеугорской эпохе [11]. Б. Коллиндер утверждает, что его возникновение нельзя отнести даже к общеугорской эпохе [12]. Совершенно иного мнения придерживается П. Хойду. По его предположению, уже в уральском языке-основе 3-е лицо ед. числа глагола могло иметь две формы выражения — у одной из них не было личного окончания, другая, наоборот, характеризовалась особым личным окончанием; кроме того, они различались и по функции. Отражением этой первоначальной двойственности, по мнению П. Хойду, является наличие неопределенного и определенного спряжения в венгерском, обско-угорских, ненецком и мордовском языках. Форма 3-го лица ед. числа с личным окончанием могла употребляться в том случае, когда объект действия был определенным. Источником этого личного окончания П. Хойду считает личное или указательное местоимение. В составе формы местоимение имело аккузативное значение. Позднее на базе формы 3-го лица была построена вся парадигма объектного спряжения [13].

Ф. Видеман, автор наиболее обстоятельной грамматики эрзя-мордовского языка второй половины прошлого века, предполагал, что в формах объектного спряжения объектные суффиксы слились с личными окончаниями [14]. Это предположение, фактически неверное, позднее повторил М. Е. Евсевьев [15].

Изучая историю форм объектного спряжения в эрзянском, Д. В. Бубрих при объяснении объектных форм непрошедшего времени принимал в расчет некоторые именные построения вроде *тумун'т' лопазу* «дуба-того лист-его». Совершенно того же рода построения вроде *нумулун'т' кундайзы* (ныне *нумолрн'т'кундызе*) «зайца-того ловец-его». Позднее форма *кундайзы* в силу известных причин преобразовалась в *кундас*, которое и легло в основу парадигмы форм объектного спряжения [16]. Формы типа

[8] В предложении *Nö fözte halam* «Женщина сварила мою рыбу» слово *halam* «моя рыба» первоначально было подлежащим, а не дополнением, *fözte* (*föztje*, *fözete*) «сваренное» было именем, снабженным притяжательным суффиксом 3-го лица ед. числа. Оно выполняло роль сказуемого, а слово *nö* «женщина» выполняло роль посессивного определения при подлежащем. Таким образом, предложению *nö fözte halam* придавался первоначальный смысл «моя рыба женщины сваренное» (*halam nö fözte*). Позднее имя с притяжательным суффиксом 3-го лица ед. числа превратилось в глагольную форму. Его посессивное определение (*nö* «женщина») было переосмыслено как подлежащее, а первоначальное подлежащее *halam* «моя рыба» стало объектом [Klemm A., Magyar történeti mondattan, Budapest, 1940 («A Magyar nyelvtudomány kézikönyve», II, 6), стр. 119—120].

[9] См.: Pais D., «Magyar Nyelv», XL, стр. 194—195.

[10] Bárczi G., A magyar nyelv életrajza, Budapest, 1963, стр. 58—60.

[11] J. Szinnyei, указ. соч., стр. 153.

[12] B. Collinder, Comparative grammar of the Uralic languages, Uppsala, 1960, стр. 244.

[13] Haidú P., Bevezetés az uráli nyelvtudományba, Budapest, 1966, стр. 75.

[14] F. J. Wiedemann, Grammatik der ersa-mordwinischen Sprache, St. Peterburg, 1865 («Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg», VIIe série, IX, 5), стр. 74—75.

[15] М. Е. Евсевьев, Избранные труды, 4 — Основы мордовской грамматики, Саранск, 1963, стр. 217.

[16] Д. В. Бубрих, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск, 1953, стр. 126, стр. 142—143.

кундам, кундат, кундас первоначально обозначали «ловец мой, ловец твой, ловец его». Позднее имя с притяжательным суффиксом *-с* (*кундас* «ловец его») было включено в парадигму сказуемостного изменения имени посредством притяжательных суффиксов. Появились формы типа *кундасам* «ловец его я», *кундасат* «ловец его ты» и т. д., которые в дальнейшем были переосмыслены как «я ловлю его; ты ловишь его» и т. д. Образование форм объектного спряжения настояще-будущего времени ряда «его» в мордовском языке, по мнению Д. В. Бубриха, испытало сильное влияние некогда существовавших в прошедшем времени так называемых форм единичного действия. На образование ряда «их» соответственно повлияли формы множественного действия. Происхождение форм ряда «его» и «их» в прошедшем времени Д. В. Бубрих считал результатом простого переосмысления форм единичного и множественного действия. Отсутствие специального показателя объекта в этих формах он признавал исконным явлением [17].

По мнению К. Редеи, исследовавшего проблему происхождения объектного спряжения в венгерском языке, глагол первоначально не имел никаких личных окончаний, например, венг. *én ad* «я даю», *te ad* «ты даешь», *ő ad* «он дает» и т. д. В том случае, если ударение перемещалось на субъект действия, выражающее его личное местоимение могло занимать конечное положение, например, *ad én* «даю я», *ad té* «даешь ты» и т. д. Позднее на базе постпозитивных личных местоимений могли развиться личные окончания. В 3-м лице, по-видимому, первоначально не было никакого личного окончания, и в ряде уральских языков 3-е лицо могло выражаться различными причастными формами. Развивая далее свою мысль, К. Редеи приводит примеры из различных уральских языков, когда притяжательные суффиксы используются для выражения определенности; например, коми-зырян. *ki̮te̮n biis* «где огонь (уже известный говорящему)?» (буквально: «его огонь»); удм. *ni̮lez* «дочь» (собственно «его дочь») и т. д. [18]. В артиклевой функции могут выступать также притяжательные суффиксы 1 и 2-го лица ед. числа; например, хант. *taŋkem juxa nŏχ χuŋχəs. juxem lakka mŏχəttəsəm* «Белка вскарабкалась на дерево. Я обежал вокруг дерева» (определенность имени «дерева» выражена здесь притяжательным суффиксом 1-го лица ед. числа: *juxem lakka* «вокруг моего дерева»); коми-зырян. *si̮li pani̮d loi̮i popi̮d* «ему встретился поп» (определенность выражена притяжательным суффиксом 2-го лица: *popi̮d* «твой поп»); марийск. *mikäləŋ kapkat ši kapkat* «Ворота у Михаила — серебрянные ворота» (буквально: «серебрянные твои ворота») [19]. Детерминирующей функцией венгерских притяжательных суффиксов объясняется в венгерском языке отсутствие суффикса винительного падежа *-t* при имени объекта действия в тех случаях, когда это имя снабжено притяжательным суффиксом, например: *Bocsásd meg bűnöm* «Прости мне мой долг» [20].

В результате К. Редеи приходит к следующему выводу: «На основе выше охарактеризованной детерминирующей роли притяжательных суффиксов легко представить, что притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа, который [в современном венгерском языке.— *Б. С.*] может также иметь детерминативную функцию, в древневенгерском присоединялся не только к субъекту, но также и к лишенной личного окончания форме 3-го лица ед. числа глагола, когда нужно было выразить определенность дей-

---

[17] См. об этом: Д. В. Бубрих, Сравнительная грамматика финноугорских языков в СССР, «Уч. зап. [ЛГУ]», Серия востоковедческих наук, 2 — Советское финноугроведение, I, 1948, стр. 71, 72, 73.

[18] K. Rédei, Die Entstehung der objektiven Konjugation im Ungarischen, «Acta linguistica Hung.», XVI, 1—2, 1966, стр. 111, 112, 117.

[19] K. Rédei, указ. соч., стр. 117.

[20] Там же, стр. 118.

ствующего субъекта. Позднее притяжательный суффикс, помещающийся на конце глагольной формы, стал, подобно окончанию винительного падежа *-t*, обозначать определенность объекта действия. Присоединение притяжательного суффикса не только к подлежащему, но и к сказуемому (глаголу) связано, по-видимому, с явлением конгруэнции (согласования). По моему мнению, притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа присоединялся к глаголу в роли элемента, выражающего определенность, а не притяжательность, как предполагалось раньше. Последнее было невозможно уже по той причине, что разделение имени и глагола в древневенгерском языке произошло до образования объектного и субъектного спряжения и притяжательный суффикс не мог уже присоединяться к глаголу» [21].

Далее объясняются отдельные детали образования форм объектного спряжения. Так, например, форма *várja* «он ждет его» возникла из *vár8j* > *várá*. Конечный гласный основы в результате переразложения основ превратился в специальное личное окончание, которое вновь стало присоединяться к основам на гласный (*vár8á* > *vár8ja*, откуда современное *várja*). Форма *kéri* «он просит (это)» возникла из *kér8j* > *kéré*. Формы 3-го лица ед. числа настоящего времени объектного спряжения *várá* «он ждет (это)» и *keré* «он просит (это)» первоначально совпадали с соответствующими формами имперфекта *várá* «он ждал» и *kéré* «он просил». Для устранения омонимии была использована в настоящем времени диалектная форма *kéri*. Из двух вариантов форм *várá* и *várja* в настоящем времени была использована в этих же целях форма *várja*. Формы 3-го лица мн. числа *várják* «они ждут (это)» и *kérik* «они просят (это)» возникли на основе соответствующих форм единственного числа путем присоединения показателя множественного числа *-k*.

Способность притяжательных суффиксов выступать в детерминирующей функции, а также наличие формального сходства окончания формы 3-го лица ед. числа объектного спряжения с притяжательным суффиксом 3-го лица ед. числа создали условия для того, чтобы в роли личных окончаний объектного спряжения стали выступать притяжательные суффиксы и в формах 1 и 2-го лица ед. и мн. числа: *-m*, *-d*, *-tok*,*-tëk*,*-tök*. Элемент *j*, который первоначально выступал как средство устранения зияния, приобрел функцию показателя объекта и в связи с этим получил распространенную форму, см. *várjuk* «мы ждем (это)», *kérjük* «мы просим (это)», *várjátok* «вы ждете (это)» [22]. Таким образом, отправным пунктом в развитии форм объектного спряжения, по мнению К. Редеи, следует считать 3-е лицо ед. числа, где раньше всего возникла специальная форма, указывающая на определенность объекта действия.

Тот же метод объяснения применяет К. Редеи, когда он исследует историю форм объектного спряжения в мансийском и хантыйском языках. По Редеи, в мансийском языке притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа *-ta*, *-te* также был присоединен к лишенной специального личного окончания форме 3-го лица ед. числа глагола, например *rätitä* «он бьет (это)». Притяжательный суффикс *-ta*, *-te*, как известно, является результатом исторической эволюции первоначального *s8*. Финно-угорское *s*, как утверждает К. Редеи, превратилось в мансийском языке через промежуточную ступень *l* в *t*. В тавдинском диалекте личные окончания 3-го лица ед. числа объектного спряжения до сих пор находятся на ступени *l*, например: *älăntil* «он убивает (это)», *älil* «он убьет (это)». Позднее детерминативный элемент *l* в целях обозначения определенного объекта проник во все лица единственного, множественного и двойственного чисел; см., например,

[21] Там же.
[22] Там же, стр. 118—120.

rätilëm «я бью (это)», *rätilën* «ты бьешь (это)», *rätilä* «он бьет (это)», *rätilūw* «мы бьем (это)», *rätilän* «вы бьете (это)» и т. д. В 3-м лице ед. числа элемент *l* некогда также присутствовал, но под влиянием притяжательного суффикса *-tä*, *-t* (< *l3*) *l* превратилось в *t* [23]. В хантыйском, как в венгерском и мансийском, сначала возникло 3-е лицо ед. числа объектного спряжения. В различных диалектах хантыйского языка в роли показателя определенности объекта были использованы разные элементы, в числе которых можно назвать: личное местоимение 3-го лица ед. числа, притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа и указательное местоимение [24].

Поскольку различные типы формы объектного спряжения в разных уральских языках имеют некоторые общие черты, в частности — личные окончания форм объектного спряжения во всех типах исторически восходят к притяжательным суффиксам, и главной функцией форм объектного спряжения является указание на определенность объекта действия, возникает два вполне правомерных вопроса: 1) каким путем глагольная форма могла получить притяжательный суффикс, если в уральских языках он вообще не может присоединяться к формам не именного происхождения, и 2) в *какой* логической связи находится комбинация «корень глагола + притяжательный суффикс» и *определенность объекта действия*. На эти вопросы ни К. Редеи, ни другие исследователи пока не дали достаточно ясного ответа.

Основной отправной точкой рассуждений К. Редеи, касающихся истории происхождения форм объектного спряжения, является гипотетическое допущение так называемой конгруэнции: сначала притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа обозначал определенность субъекта действия, позднее он стал присоединяться к глагольной основе и получил новую функцию указания на определенность объекта действия. Однако и допущение конгруэнции не позволяет еще дать достаточно ясный ответ на поставленные выше два вопроса.

Представляется, что К. Редеи слишком переоценивает артиклевые функции притяжательного суффикса 3-го лица ед. числа в уральских языках. Специальные исследования показывают, что ни в одном из ныне существующих уральских языков притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа не доходит в своем развитии до степени определенного артикля западноевропейских языков. В таких языках, как мордовский, ненецкий, мансийский и хантыйский, притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа в роли определенного артикля встречается крайне редко. Более часто в этой функции он встречается в коми и марийском языках, однако и здесь его нельзя полностью отождествить с определенным артиклем западноевропейских языков. Детерминирующая функция притяжательного суффикса 3-го лица ед. числа в коми и марийском языках скорее напоминает детерминирующую функцию постпозитивной частицы *-то*, *-та*, *-т* в севернорусских говорах (например: *Отец-то знает об этом*, *Почем картошка-то? Деньги-то не забудь получить*), где основное назначение этой частицы, восходящей к указательному местоимению *то*, *та*, состоит в особом эмфатическом выделении в речи названия предмета, в той или иной мере уже известного говорящему. Если надобность в эмфатическом выделении отсутствует, то название предмета, даже определенного, может употребляться без этой частицы.

Неразвитость артиклевых функций притяжательного суффикса 3-го лица ед. числа в уральских языках явно свидетельствует о том, что явление это относительно новое. Во всяком случае оно начало развиваться

[23] K. Rédei, указ. соч., стр. 128—129.
[24] Там же, стр. 129.

позднее возникновения форм объектного спряжения в целом ряде уральских языков.

Нельзя признать вполне удачными и примеры, приводимые К. Редеи для иллюстрации артиклевых функций притяжательных суффиксов 1 и 2-го лица ед. числа. Употребление этих суффиксов в артиклевой функции действительно встречается, но более глубокий смысл этого не подчинен непосредственно функции выражения определенности имен существительных. Например, в коми языке: *Ок сьӧкыд удж кер дорын уджалӧм! Пу-ыд биаиз кодь чорыд... Лым-ыд джуджыд!* (Тима Вень) «Ох, и тяжела работа с бревнами. Дерево мерзлое, крепкое, как кремень... Снег глубокий!» (буквально: «Ох, и тяжела работа с бревнами. Дерево-то-твое мерзлое, крепкое, как кремень. Снег-то-твой глубокий»). Нетрудно заметить, что назначение притяжательного суффикса 2-го лица ед. числа в данном случае состоит не столько в выражении определенности, сколько в выражении экспрессии, стремлении сделать высказывание более живым и доходчивым. То же самое и в марийском языке, например: *Ой олык-ет, олык-ет, шуд-ет уке шеремет* (из марийской песни «Ой коремет») «Ой, ты, лужок, лужок, травки нет желанной» (буквально: «Ой, твой лужок, твой лужок, травки твоей нет желанной»). Притяжательный суффикс 2-го лица ед. числа *-ет* здесь скорее выражает ласкательность, чем определенность, т. е. также подчинен цели выражения экспрессии.

Что же касается указания К. Редеи на детерминирующую роль венгерских притяжательных суффиксов, позволяющих обходиться без суффикса винительного падежа *-t*, то определенность в данном случае вытекает из значения форм с притяжательными суффиксами, а не заложена в самих притяжательных суффиксах.

Следует также отметить, что К. Редеи не учитывает еще очень важное обстоятельство. В настоящее время почти бесспорным представляется то положение, что личные окончания глаголов и притяжательные суффиксы в уральских языках восходят в конечном счете к одному источнику. Данные некоторых языков, например абхазо-адыгской группы, наглядно показывают, что одни и те же местоименные основы могут послужить материалом для образования не только личных окончаний, но и специальных показателей объекта действия. Так, в кабардинском языке один и тот же элемент может выступать то в роли личного префикса или специфического личного окончания, то в роли показателя объекта, ср. *у-ожей* «ты спишь», но *у-е-с-тащ* «я тебя [= у] ему отдал» [25],— элемент *у-* в данном случае выступает в двух ролях. Нечто подобное наблюдается и в абхазском языке: в 1, 2 и 3-м лицах ед. и мн. числа и в переходных, и в непереходных глаголах используются одни и те же местоименные префиксы для указания как на субъект, так и на объект действия, например: *Сара з-зах'уеит* «я шью» (субъектный префикс *с-*), *Сы-л-гг-ит* «меня она повела» (объектный префикс *с-*) [26].

Представляется, что подобные явления были возможны лишь при том условии, что показатели субъекта и объекта действия были одинаковы по форме и не достигли так называемого порога трансмутации. Яркое подтверждение этому дает мордовский язык, где в роли показателя объекта используются древние местоименные редуцированные основы *-m-*, *-t-*, *-s-*, но не притяжательные суффиксы: в период образования форм объектного спряжения притяжательные суффиксы уже формально отличались от исходных местоименных основ и были специализированы в своем употреблении — порог трансмутации был достигнут.

[25] «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», М., 1957, стр. 108.
[26] К. С. Ш а к р ы л, Аффиксация в абхазском языке, [Сухуми], 1961, стр. 17, 18.

Общеуральский притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа *-s8*, по всей видимости, был сложным по своему составу: он состоял из местоименной основы *s* и так называемого посессивного *a*, которое могло присоединяться только к именным частям речи, ср. коми-зырян. *гбг-а* «лесной», луг.- марийск. *кир-а-п* «болотистый» и т. д.

Если даже принять предположение К. Редеи о переосмыслении притяжательного суффикса 3-го лица ед. числа в показатель объекта, то роль других притяжательных суффиксов в составе парадигмы спряжения остается совершенно непонятной. К. Редеи фактически постулирует для уральских языков такую парадигму, где в 3-м лице ед. числа присутствует только показатель объекта действия, но нет показателя субъекта действия, т. е. нет личного окончания, а в других лицах притяжательные суффиксы выполняют роль и показателей субъекта соответствующего лица и показателя объекта 3-го лица. Построение явно неестественное. Предположение П. Хойду о возможном наличии в уральском языке двух форм 3-го лица ед. числа относится, по-видимому, скорее к тем языкам, где действительно существовала грамматически выраженная категория переходности, ср. такие ее реликты в языке коми, как *муні* «он ушел», но *босьті-с* «он взял». Но это явление уже другого плана.

Вряд ли можно согласиться и с утверждением К. Редеи о генетическом тождестве окончания 3-го лица ед. числа объектного спряжения *-ta* и показателя объекта того же лица *l* в формах 1 и 2-го лица ед. и мн. числа в мансийском языке, так как уральское *s* на пути превращения в *t* в обско-угорских языках в качестве промежуточной ступени скорее имело *ð*, а не *l*.

Притяжательные суффиксы, выполняющие роль личных окончаний в формах объектного спряжения, с самого начала могли указывать только на «принадлежность» действия субъекту действия, понимаемую определенно, например: «мое сожжение» = «я что-то сжег» и т. д.

Вновь возникает все тот же вопрос, почему притяжательные суффиксы оказались пригодными для выражения определенности объекта действия. Для того чтобы ответить на этот вопрос, попытаемся объяснить происхождение форм объектного спряжения в некоторых уральских языках по-иному, чем это делалось до сих пор. Прежде всего отметим, что употребление притяжательных суффиксов в роли личных глагольных окончаний встречается не только в уральских языках.

В тюркских языках существует прошедшее время, характеризуемое показателем *-dy-* или *-di-*, например, казах. *алды-м* «я взял», *алды-ң* «ты взял», *алды* «он взял», *алды-к* «мы взяли», *алды-ңыз(дар)* «вы взяли», *алды* «они взяли». Личные окончания этого времени, или, как их называют, личные окончания второй категории, исторически восходят к притяжательным суффиксам. Исключение составляют только формы 1-го лица мн. числа, представляющие, по-видимому, инновацию, и формы 3-го лица ед. и мн. числа, которые с самого начала не имели личных окончаний. Объяснить это явление нетрудно, если принять во внимание довольно широко распространенную точку зрения, согласно которой в основу прошедшего времени в тюркских языках легло отглагольное имя на *(y)t*, *-ty*, *-dy*, т. е. современное *aldym* «я взял» некогда означало «мое взятие» (*alyt-ym* > *aldym*).

В связи с этим напоминаем об интересной статье П. Равила «О происхождении спряжения в уральских языках» [27], где приводится известный факт о том, что в объектном спряжении, существующем в некоторых уральских языках, многие глагольные окончания совпадают по форме с

[27] P. Ravila, Om konjugationens uppkomst i de uraliska språken, «Kungl. humanistiska vetenskaps-samfundet i Uppsala, Årsbok, 1948», Uppsala, 1948.

притяжательными суффиксами, а личные глагольные окончания в формах безобъектного спряжения генетически связаны с личными местоимениями. На первый взгляд кажется, что такое положение вещей может существовать только в тех уральских языках, где имеется противопоставление объектного и безобъектного спряжения. Однако П. Равила обратил внимание на другой факт, прежде остававшийся незамеченным. В саамском языке, где, как известно, нет форм объектного спряжения, в так называемом имперфекте личные окончания 1 и 2-го лица множественного и двойственного числа совпадают с притяжательными суффиксами, тогда как в соответствующих лицах настоящего времени такого совпадения не наблюдается. Из этого Равила сделал вывод, что финитные формы в уральских языках возникли в результате наличия двух «точек зрения» — субъектной и посессивной; формы, в которых личные окончания совпадали с притяжательными суффиксами, выражали посессивную «точку зрения» и были представлены именами действия. Отражение посессивной «точки зрения» Равила находит и в тюркских языках, где также имеются две категории личных окончаний. Имперфект, по мнению Равилы, был представлен именем действия и обозначал истекшее действие, например «моя деятельность, моя работа» (т. е. что-то принадлежащее к прошлому и что-то выполненное) [28].

Представляется, что употребление отглагольного имени для создания форм прошедшего времени зависит не от особой посессивной «точки зрения», а от специфического понимания самой сущности форм прошедшего времени людьми древних эпох. В то время, как язык современных людей отличается чрезвычайным богатством различных планов употребления, в древности, надо думать, этих планов было очень немного, и употребление языка было более утилитарным в том смысле, что оно было предназначено для удовлетворения только самых насущных потребностей общения. Например, древнего человека вряд ли интересовал факт, что известное действие длилось в течение известного промежутка времени в плане прошлого,— такое использование форм прошедшего времени возникло позднее в связи с развитием так называемых повествовательных планов речи. Жизненно важным для древнего охотника или скотовода было выражение результата прошлого действия, сохраняющего свое значение в настоящее время (например, «я убил зверя», «я принес дичь», «я поранил себе руку», «костер потух» и т. д.). Можно предполагать, что в древние эпохи прошедшее время употреблялось преимущественно в перфектном значении. Определенный план содержания, естественно, требует по возможности адекватного плана выражения. Отглагольное имя в сочетании с притяжательными суффиксами представляло наиболее удобное средство для выражения перфектного значения.

Не исключена возможность, что так называемое объектное спряжение в некоторых уральских языках возникло в результате наложения друг на друга двух совершенно особых линий развития. На первом этапе могло возникнуть особое прошедшее время с перфектным значением, образовавшееся на базе отглагольного имени, сочетаемого с притяжательными суффиксами, типа «моя поимка» = «я поймал», «моя утрата» = «я потерял» и т. п. Отправным пунктом этого процесса развития могла быть форма 1-го лица ед. числа перфекта. Остальные формы могли быть образованы по аналогии.

Вероятность именно такого пути развития может быть доказана тем, что в структуре объектных форм самодийско-венгерского типа отсутствует

[28] Там же, стр. 63.

указание на объект действия, например, ненец. *хада-в* «я убил (одного)», *хада-да* «он убил (одного)», венг. *várom* «я жду (это)», *várod* «ты ждешь (это)», тогда как в некоторых языках эргативного строя такое указание имеется.

Предположение о том, что первоначальное зарождение формы объектного спряжения следует искать в сфере прошедшего времени, подтверждается тем, что во всех трех типах объектного спряжения в уральских языках в прошедшем времени показатель объекта может отсутствовать, ср. венг. *vártam* «я ждал (это)», *várta* «он ждал (это)», манс. *warəste* «он, сделал (это)», хант. *pŏnsəm* «я положил (это)», *pŏnsełe* «он положил (это)» ненец. *хада-да* «он убил (его)», *мада-да* «он срубил (это)», эрзя-морд. *кундызь*, мокша-морд. *кундазь* «они поймали его», эрзя-морд. *кундызе* «он поймал его» и т. д. [29].

В пользу того же предположения может свидетельствовать видовая направленность форм объектного спряжения, которая особенно ярко выступает в мордовских языках, где формы объектного спряжения обозначают законченное действие. Перфект, как известно, обозначает результат действия, уже завершившегося в прошлом.

Этим же объясняется и наличие притяжательных суффиксов, поскольку перфект развивался на базе отглагольного имени. Позднее, особенно при создании форм объектного спряжения настояще-будущего времени, притяжательные суффиксы могли присоединяться к глагольной основе, что могло служить импульсом для всякого рода выравнивания по аналогии.

Представление о завершенности и результативности действия имплицитно могло содержать в себе представление об определенности объекта действия, поскольку завершение действия и его результат, естественно, предполагают, что субъект действия в течение известного промежутка времени имел возможность ознакомиться с объектом, над которым производилось действие. Это обстоятельство могло послужить толчком для переосмысления перфекта указанного типа в ряде уральских языков в новое глагольное время, указывающее на определенность объекта действия.

Такое переосмысление с чисто формальной стороны облегчалось тем, что в языке существовало настоящее и прошедшее время, личные окончания которых не происходили от притяжательных суффиксов. Поэтому противопоставление объектных форм могло первоначально осуществляться только по линии различия личных окончаний. Формы, имеющие в качестве личных окончаний притяжательные суффиксы, были просто ассоциированы с действием, направленным на определенный объект. Только этим можно объяснить отсутствие показателя объекта в формах объектного спряжения, наблюдаемого в ряде уральских языков.

Превращение перфекта в особую временную форму объектного спряжения повлекло за собой создание целой системы особых времен. Появились формы не только прошедшего, но также и настоящего времен.

Отсутствие особого показателя объекта в этих условиях стало ощущаться как известный недостаток. По этой причине в некоторых уральских языках, помимо особых притяжательных суффиксов, появились также особые показатели объекта действия. Наибольшего совершенства это оформление достигло в свое время в мордовских языках, где возникло сразу три показателя объекта *-m*, *-t*, *-s*, относящихся соответственно к 1, 2 и 3-му лицам ед. и мн. числа.

---

[29] Возможно, что в мордовских языках показатель объекта позднее был введен, но потом вновь исчез.

Что касается мансийского языка, то там в сфере 1 и 2-го лица ед. и мн. числа в роли показателя объекта 3-го лица был использован переосмысленный суффикс многократности действия *l*. Такое переосмысление стало вполне допустимым потому, что суффикс многократного действия *l* может указывать на множественность объектов действия, например: коми-зырян. *Партизаньяс босьт-ал-ӧны каръяс* «Партизаны берут города», где суффикс *-ал* означает рассредоточенность действия по нескольким объектам.

Все это может свидетельствовать о том, что мансийский тип объектного спряжения первоначально ничем не отличался от самодийско-венгерского типа. Для обозначения показателя объекта непосредственная вставка местоименных основ была уже невозможна, а потому переосмысление других элементов стало единственным средством. Формы объектного спряжения в различных уральских языках, по-видимому, возникали в разное время. Можно предполагать, что раньше всего эти формы возникли в мордовских языках, на что указывает сильная изношенность этих форм и архаичный способ выражения показателей объекта действия.

Отсутствие объектного спряжения в целом ряде уральских языков можно объяснить тем, что особый перфект с притяжательными суффиксами вместо личных окончаний образовывался не во всех уральских языках и не всегда подвергался переосмыслению.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1968

Ю. Д. АПРЕСЯН

ОБ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

0. Замысел экспериментального толкового словаря, которому посвящена данная статья, возник отчасти в результате собственных исследований автора, отчасти под влиянием работ А. К. Жолковского и И. А. Мельчука по семантическому синтезу [1]. В частности, в экспериментальном словаре используются, с несущественными модификациями, развитые ими принципы описания лексической сочетаемости слов. Кроме того, мы многим обязаны работе над словарем семантического синтеза, которая велась совместно А. К. Жолковским, И. А. Мельчуком и автором этих строк в течение последнего года [2]. Наконец, очень важным источником идей были для автора исследования Лаборатории машинного перевода при 1-м МГПИИЯ им. Тореза, основные результаты которых изложены в статьях А. К. Жолковского, Н. Н. Леонтьевой, Ю. С. Мартемьянова, Ю. К. Щеглова [3].

0.1. Теоретической основой экспериментального словаря является то представление о существенных для лексикографии свойствах слова, которое изложено в нашей книге «Экспериментальное исследование семантики русского глагола» (М., 1967): «Во-первых, существенно противопоставление парадигматических и синтагматических свойств слова; во-вторых, существенно противопоставление его лексических и грамматических значений» (стр. 189). Названные признаки независимы, и поэтому получаются четыре группы свойств слова, существенных для лексикографии (помимо стилистических свойств, которые выходят за рамки этой схемы, но, разумеется, должны найти отражение в словаре): (1) парадигматические свойства в области грамматических значений [4], или система словоизменения; (2) парадигматические свойства в области лексических значений, или семантические дифференциальные признаки слова; (3) синтагматические свойства в области грамматических значений, или модель управления слова; (4) синтагматические свойства в области лексических значений, или лексическая сочетаемость слова. Словарь, целью которого является обеспечить не только правильность понимания, но и правильность говорения, должен содержать информацию обо всех четырех группах свойств.

---

[1] А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, О возможном методе и инструментах семантического синтеза, «Научно-техническая информация», 1965, 6; их же, О системе семантического синтеза. I. Строение словаря, там же, 1966, 11; их же, О системе семантического синтеза. II. Правила перифразирования, там же, 1967, 2; их же, О семантическом синтезе, «Проблемы кибернетики», 1967, 19.

[2] Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. О системе семантического синтеза. III. Образцы словарных статей, М., 1968 (в печати).

[3] См. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 8, 1964.

[4] Под парадигматическими свойствами слова в области грамматических значений мы понимаем наборы грамматических информаций, характеризующих каждую его словоформу; очевидно, что эти свойства слова легче всего описать указанием его системы словоизменения.

0.2. Толковый словарь должен не только обеспечивать практические нужды носителей языка, но и решать ряд теоретических задач. По-видимому, важнейшей из них является моделирование владения языком.

0.2.1. Владение языком проявляется, в частности, во владении его синонимическими средствами, т. е. в способности многократно перифразировать заданное предложение, оставляя неизменной обозначаемую им внеязыковую ситуацию (см. «Предисловие» к книге, упомянутой в примеч. 3); ср. *Ученый основывает гипотезу на фактах = Ученый базирует гипотезу на фактах = Гипотеза ученого основывается* (*базируется, зиждется*) *на фактах = Гипотеза ученого опирается на факты = Ученый кладет факты в основу* (*в основание*) *своей гипотезы = Факты лежат в основе* (*в основании*) *гипотезы ученого = Факты служат основой* (*основанием, базой, фундаментом*) *гипотезы ученого.*

0.2.2. Кроме того, владение языком проявляется в способности к семантическому выводу. Для всякого носителя русского языка смысл предложения *Иван потерял книгу* предполагает смысл предложения *Книга у Ивана пропала*, но не наоборот. В таком же отношении семантического следования находится смысл предложений *Иван принес книгу сюда* → *Книга находится здесь, Иван приносил книгу сюда* → *Книга находилась здесь, Иван унес книгу отсюда* → *Книга находилась здесь*; ср. также последовательную импликацию в тройке предложений *Дождь погасил костер* → *Костер* (*раньше*) *горел* → *Некто* (*еще раньше*) *зажег костер.*

0.2.3. Существенно, что формулировка правил равнозначного преобразования и семантического вывода позволяет грамотно поставить и исследовать вопрос о системности лексики. Системная организация лексики тем выше, чем меньше число таких правил и чем больше область действия каждого из них.

0.3. Экспериментальный словарь русского языка будет давать для каждой самостоятельной лексической единицы информацию по четырем перечисленным выше пунктам, а также сведения о лексических единицах, в которые она может превращаться по правилам равнозначного преобразования или семантического вывода. Чтобы дать представление о словаре, достаточно указать объем и способ организации этой информации в его рамках [5].

1. Вопрос о подаче словоизменительной парадигмы слова (первая группа свойств) в статье не рассматривается, так как в ныне разрабатываемом варианте экспериментального словаря он решается точно так же, как в существующих толковых словарях.

2. Толкование слова, или его разложение на дифференциальные семантические признаки (вторая группа свойств), подчиняется следующим принципам.

2.1. Вводится небольшое количество (в пределах трехсот) неопределяемых элементарных семантических признаков, с помощью которых описываются все лингвистически интересные значения [6]. Семантическое разложе-

[5] *Здесь не затрагиваются вопросы словника, иллюстрирования, стилистической* дифференциации, многозначности и омонимии, фразеологии и т. д., хотя в словаре они, естественно, находят определенное решение.

[6] Идеи компонентного анализа лексических значений, высказывавшиеся такими классиками лингвистики, как Э. Сэпир, Ш. Балли, Л. Ельмслев (а задолго до них — некоторыми логиками и философами), в 1957 г. были впервые реализованы в действующей системе информационного поиска (В. Перри и др.). Начиная с этого времени, они получают все более широкое применение в формальных системах анализа, синтеза и порождения текстов (работы М. Мастерман и ее группы в Великобритании, С. Чекато и его группы в Италии, А. К. Жолковского, Н. Н. Леонтьевой, Ю. С. Мартемьянова, И. А. Мельчука в нашей стране, Дж. Катца, Дж. Фодора, П. Постала, А. Бендикса, У. Вайнрайха в США). В нестрогой форме идеи компонентного анализа значений были усвоены и современной практической лексикографией. В этой связи заслуживают

ние значения русского слова считается корректным, если оно сводимо к элементарным семантическим признакам. Примеры (в разрядку напечатаны элементарные семантические признаки; толкуемые слова берутся в своих основных значениях, а редкие отступления от этого правила выделяются с помощью цифровых индексов или примеров): *А вынуждает В к С* = = «А каузирует для В невозможность не делать С»; *А нужен Х-у* = «Х-у трудно обойтись без А»; *В труден* = «Для реализации В необходимы усилия, большие нормы»; *А обходится без В* = «В не является необходимым для А»; *А гарантирует Х-у В* = «А сообщает Х-у, что А обеспечит[1] Х-у В»; *А сообщает Х-у В* = «А каузирует Х знать В»; *знать В* = «иметь объективную информацию о В» (в отличие от *думать В* = «иметь субъективную информацию о В»); *объективный* = «не зависящий от субъекта» (в отличие от *субъективный* = «зависящий от субъекта»); *обеспечить*[1] *В* = «каузировать необходимые и достаточные условия для В»; *ультиматум Y-а Х-у* = «требование Y-а Х-у, невыполнение [т. е. нереализация] которого Х-ом каузирует реализацию угрозы Y-а Х-у»; *А требует Х-а от В* = «А побуждает В сделать Х и А думает, что А имеет на это право» (см. определение *думать* выше); *А побуждает В к Х-у* = «А пытается каузировать Х со стороны В» [т. е. с субъектом В]; *А угрожает Х-у Y-ом* = «А сообщает Х-у, что А каузирует Х-у зло Y» (см. определение *сообщать* выше).

Гарантией правильности разложений является формальная обратимость семантических кодов выражений, интуитивно воспринимаемых как равнозначные. Если, например, мы истолковали глагол *обеспечивать*[2] в предложениях типа *Отец обеспечивает семью одеждой* как «каузировать иметь норму необходимой вещи», а *потребность* независимо от этого определили как «не имение нормы необходимой вещи»[7], и если затем мы заметили, что предложение *Отец обеспечивает семью одеждой* ситуативно равнозначно предложению *Отец удовлетворяет потребность семьи в одежде*, то семантические коды выражений *обеспечивать*[2] и *удовлетворять потребность* должны быть обратимы (переводимы один в другой) по формальным правилам равнозначных преобразований (примеры таких правил см. в 4.1.).

2.2. На каждом шаге разложения следует выделять самые крупные семантические составляющие толкуемого значения, например, *изменять* = «каузировать изменяться», *изменяться* = «становиться иным», *становиться* = «начинать быть», *иной, чем А* = «не равный А» или *покушаться* = «пытаться убить», *убить* = «лишить жизни», *лишить* = «каузировать утратить (лишиться)», *утратить* (*лишиться*) = «перестать иметь».

упоминания следующие словари: M. Ph. West, J. G. Endicott, The new method English dictionary explaining the meaning of 24 000 items within the vocabulary of 1490 words, London, 1954; G. Gougenheim. Dictionnaire fondamental de la langue française, Paris, 1958; J. Dubois, R. Lagane, G. Niobey, D. Casalis, J. Casalis, H. Meschonnic, Dictionnaire du français contemporain, Paris, 1966. Компонентному анализу подвергается в первую очередь абстрактная лексика, лингвистически более интересная, чем конкретная; конкретная лексика довольно часто толкуется с помощью прямого указания на обозначаемые предметы, имеющего, например, вид картинки. С последней точки зрения представляют интерес имеющие энциклопедический уклон толковые словари серии Larousse и Webster.

[7] В отличие от таких, например, слов, как *недостаток, нехватка. Испытывать недостаток, нехватку* = «иметь некоторое количество необходимой вещи, не являющееся нормой».

Таким образом вскрывается языковая основа некоторых правил равнозначного преобразования (*Все стало иным = Все изменилось*) и семантического вывода (*А изменил В → В изменился → В — иной* или *А лишил В Х-а → В лишился Х-а → У В нет Х-а*). Кроме того, демонстрируются семантические связи толкуемого значения с большим кругом слов данного языка, обнаруживаются интересные семантические классы, семантические пропорции и т. д.; ср. *залп : выстрел = аккорд : нота; прыгать : прыжок = = идти : шаг = кивать : кивок = бить : удар; тянуть : толкать = к себе: от себя; бороться : побеждать = искать : находить = стрелять : попадать = лечиться : выздоравливать = лечить : вылечивать; знать : иметь = сообщать : давать (работу) = забывать : утрачивать = помнить : сохранять.* Оказывается, что четкая и последовательная организация лексики, которую раньше усматривали лишь в очень немногих замкнутых лексических группах (терминологиях родства, военных номенклатурах), свойственна очень значительным по объему и разнообразным по семантике пластам словаря.

Особого упоминания заслуживает то обстоятельство, что подобные определения позволяют по-новому увидеть давно и хорошо изученные факты. Сошлемся в качестве примера на факт внешней неоднородности семантической структуры отадъективных глаголов с общим значением «постепенно приобретать свойство, указанное основой», таких как (а) *увеличиваться* = «становиться больше», *расширяться* = «становиться шире» и (б) *краснеть* = «становиться красным», *слепнуть* = «становиться слепым». Различие между двумя группами глаголов состоит в том, что в значение глаголов группы (а) прилагательное входит в сравнительной степени, а в значение глаголов группы (б) — в положительной.

Чтобы объяснить это различие, необходимо рассмотреть два класса качественных прилагательных, которые мы назовем соответственно непредельными и предельными. Непредельные прилагательные обозначают свойства, степень которых может быть бесконечно большой или бесконечно маленькой. К ним относятся, например, прилагательные размера (*большой, высокий, широкий, короткий, мелкий*). Предельные прилагательные обозначают свойства, степень которых может быть экстремальной (обычно максимальной). К ним относятся, например, прилагательные цвета (идеально красный цвет — это цвет крови).

Сравнительная степень непредельного прилагательного, подобно словам *величина, ширина*, просто задает шкалу соответствующего параметра. Высказывание *А больше В* в равной мере приложимо к большому и маленькому предметам, к двум большим предметам и к двум маленьким предметам. Что касается положительной степени непредельного прилагательного, то она задает только часть такой шкалы — направо или налево от ее «средней» точки, которой соответствует понятие нормы величины, ширины и т. п. Следовательно, положительная степень непредельного прилагательного должна быть истолкована через сравнительную: *большой* = «больше нормы», *широкий* = «шире нормы».

В противоположность этому, сравнительная степень предельного прилагательного задает не шкалу цвета вообще, а шкалу данного цвета, причем даже ее — не целиком, а за вычетом крайних точек. Высказывание *А краснее В* приложимо только к двум красным предметам; оно не может относиться ни к двум зеленым предметам, ни к красному и зеленому предметам. Что касается положительной степени предельного прилагательного, то она задает целиком всю шкалу соответствующего свойства. Крайняя точка шкалы красного цвета является красной, но она не может быть краснее какой-либо другой точки. Следовательно, сравнительная степень предельного прилагательного должна быть истолкована через положитель-

ную: *А краснее В* = «А красен; В красен; краснота А больше красноты В» (при *красный* = «похожий на цвет крови»).

Из сказанного следует, что у непредельного прилагательного сравнительная степень семантически проще положительной, а у предельного прилагательного, наоборот, положительная степень семантически проще сравнительной. Теперь понятно, почему различие семантических структур *краснеть* = «становиться красным» и *увеличиваться* = «становиться больше» было названо внешним: и в том и в другом случае прилагательное входит в значение глагола в семантически наиболее простой форме, и с некоторой более глубокой точки зрения семантические структуры глаголов оказываются однотипными.

2.3. Элементарные семантические признаки должны быть таковы, чтобы любые два интуитивно различных значения были различены и формально, а любые два интуитивно тождественных значения были формально отождествлены. *Толщина* и *ширина* — разные по значению слова; поэтому нельзя определять их как «величину (соответственно „протяженность") чего-н. в поперечнике», как это делается, например, в словаре С. И. Ожегова. *Толщина*, в отличие от *ширины*, содержит указание на о б ъ е м н о с т ь тела, остающееся не вскрытым в противопоставлении «величина — протяженность». В этой связи следует заметить, что при поиске толкования необходимо исходить не из отдельного слова, а из группы связанных по смыслу слов (например, *ширина*, *высота*, *глубина*, *толщина*, *длина*).

2.4. Семантическое разложение слова может удовлетворять обоим сформулированным в 2.3. требованиям и тем не менее быть недостаточным. Разложение слова должно, помимо прочего, объяснять его употребление в тексте; говоря более формально, оно должно быть в некотором смысле согласовано с семантическим разложением других слов текста. Так, определение слов *ползти*, *бежать* и *падать* должно включать признаки, которые делали бы бессмысленным или противоречивым сообщение о падении ползущего предмета на плоскости его движения и осмысленным — сообщение о падении бегущего предмета на плоскости его движения. Решение этой задачи обеспечивается построением «наивной» модели соответствующей ситуации. Например, для определения большинства слов, называющих чувства и другие эмоциональные и физические состояния человека, должна быть построена модель его психики, включающая по крайней мере два типа принципиально различных устройств: устройства, с помощью которых мы переживаем и ведем себя, и устройства, следящие за нашим поведением и контролирующие его. Тогда можно ясно описать семантические различия в парах *возбуждение — исступление*, *восторг — экстаз*, *страх — паника*, *замереть — оцепенеть*, отнюдь не сводимые к различиям в степени. *Возбуждение*, *восторг*, *страх*, *замереть* обозначают контролируемые эмоции и состояния. *Исступление*, *экстаз*, *паника* и *оцепенеть* называют родственные им эмоции и состояния, но при этом содержат указание на то, что поведение выходит из-под контроля следящего устройства.

2.5. Разлагая значение слова, недостаточно указать состав его дифференциальных семантических признаков; необходимо указать и отношения между ними [8] (этим семантический дифференциальный анализ отли-

[8] В наиболее отчетливой форме эта идея изложена в работах Кэмбриджского лингвистического кружка и Лаборатории МП при 1-м МГПИИЯ им. Тореза; см., например: М. М а с т е р м а н, Изучение семантической структуры текста для машинного перевода с помощью языка-посредника, сб. «Математическая лингвистика», М., 1964; А. Ф. П а р к е р - Р о у д с, О последних работах в области машинного перевода методом тезауруса и языка-посредника, там же; «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 8, 1964.

чается от фонологического). Словосочетание *переставать давать* (*работу*) и глагол *лишать* (*работы*) явным образом различаются по значению, но это различие касается не состава семантических признаков, а только их организации: *переставать давать* = «переставать каузировать иметь», а *лишать* = «каузировать переставать иметь». Следовательно, значение слова имеет определенную синтаксическую структуру, которую можно изображать в виде дерева зависимостей, скобочной записи или другим аналогичным образом. В экспериментальном словаре предполагается использование стрелочной или эквивалентной ей скобочной записи с указанием семантического содержания стрелок или скобок.

2.6. Таким образом, истолковать значение слова значит перевести его на искусственный семантический язык, у которого есть не только свой словарь, но и свой синтаксис.

2.6.1. В словарь семантического языка входят (1) элементарные предикатные слова типа *каузировать*, *начинать*, *находиться*, *двигаться*, *иметь*, *зависеть*, *колебаться* (о физических колебаниях), *быть больше*, *быть временем*, *быть возможным*, *быть законом*, *быть нормой* и т. п.; (2) символы предметных переменных A, B, C,..., X, Y; (3) кванторы общности (*всякий*) и существования (*существует*); (4) логические связки *и*, *или*, *не следовать* (*если... то*). Все эти элементы участвуют, например, в истолковании русского слова *причина* в предложениях типа *Остановка сердца является причиной смерти* (*A есть причина B* = «Для всякого A существует такое B, что из A следует B, и время A меньше времени B») или *Болезнь была причиной его отсутствия* (*X есть причина Y-а* = «Существуют такие X и Y, что из X следует Y, и время X-а меньше времени Y-а»).

Предикатные слова отличаются друг от друга числом мест, семантическим содержанием мест и порядком.

У предикатного слова *каузировать* — два места (две валентности), так как в обозначаемой им ситуации принимают участие два актанта: то, что каузирует, и то, что каузируют. У предиката *колебаться* — одно место, замещаемое именем самого колеблющегося предмета, а у предиката *двигаться* — четыре: субъект движения, его начальная точка, его конечная точка и его область (ср. *двигаться по чему*) [9].

У предикатов *иметь* и *находиться* — по два места; они различаются, помимо ситуативных значений, содержанием второго места — объектного в случае *иметь* (*кого-что*) и чисто локативного в случае *находиться* (*в чем*, *на чем*).

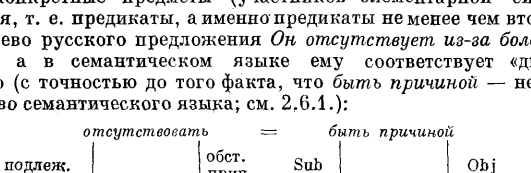
Предикаты *иметь* и *начинать* не отличаются друг от друга ни числом мест, ни их семантическим содержанием: первое место каждого из них — субъектное, а второе — объектное; различие между ними, помимо различия ситуативных значений, состоит в том, что места предиката *иметь* могут замещаться именами конкретных предметов (например, собственными именами), в то время как у предиката *начинать* по крайней мере одно место — второе — должно быть занято именем предиката (предмет начинать нельзя; можно начинать лишь действие, состояние и т. п.). Предикаты, все места которых могут быть замещены символами конкретных предметов, суть предикаты первого порядка. Предикатом n-го порядка называется предикат, хотя бы одно место которого замещено предикатом (n — 1)-го

[9] Поскольку элементарный предикат вводится без определения, число приписываемых ему мест не может быть объективно обосновано. Зато вся информация о местах неэлементарных предикатов (словах русского языка) должна быть автоматически выводима из информации о местах тех элементарных предикатов, которые входят в их состав.

порядка. Как следует из этого определения, *начинать* — предикат не менее чем второго порядка.

2.6.2. Синтаксис семантического языка — это отношения зависимости между его словами. Однако нельзя ограничиться фиксацией только отношений зависимости, никак не обозначая семантического содержания соответствующих стрелок, так как при таком способе изображения синтаксической структуры предложения семантического языка оно не будет однозначным. Если известно, что предикатному слову *зависеть* подчинены предметные слова A и B, остается все же неясным, зависит ли A от B, или B от A. Однозначность записи достигается указанием семантического содержания зависимостей с помощью индексов Sub (субъект), Obj (объект), Ab (исходная точка), Ad (конечная точка), Itin (область действия), Loc (место), Instr (инструмент).

В синтаксисе семантического языка предикату первого порядка могут быть подчинены только имена с указанными выше семью значениями. Имена со значениями причины, следствия (результата), условия, цели, способа, времени и некоторые другие в синтаксисе семантического языка, в отличие от синтаксиса естественного языка, не могут быть подчинены предикатам первого порядка. Слова с такими значениями обозначают не конкретные предметы (участников элементарной ситуации), а отношения, т. е. предикаты, а именно предикаты не менее чем второго порядка. Дерево русского предложения *Он отсутствует из-за болезни* «одноэтажно», а в семантическом языке ему соответствует «двухэтажное» дерево (с точностью до того факта, что *быть причиной* — не элементарное слово семантического языка; см. 2.6.1.):



2.6.3. Введение специального семантического языка для истолкования значений слов позволяет, между прочим, точнее сформулировать различие между дополнениями и обстоятельствами, с одной стороны, управлением и примыканием, с другой. Дополнения, как правило, суть такие подчиненные предикатному слову естественного языка словоформы, которые обозначают конкретные предметы (субъект, объект, начальную точку, конечную точку, место, область действия, инструмент) и вместо которых можно подставить имена собственные. Обстоятельства суть такие подчиненные предикатному слову естественного языка словоформы, которые обозначают предикат более высокого порядка, чем данный. Словоформа X управляет словоформой Y, если Y зависит от X и в синтаксическом дереве предложения на естественном языке, и в синтаксическом дереве соответствующего предложения семантического языка. Словоформа Y примыкает к словоформе X, если в синтаксическом дереве предложения на естественном языке она зависит от X, а в синтаксическом дереве соответствующего предложения семантического языка X и Y зависят от некоторой третьей словоформы (см. последний пример в 2.6.2.).

2.7. В общем случае предметом толкования должно быть не отдельное слово, а типовое предложение, которое его содержит. Нельзя, например, правильно истолковать значение глагола *допускать* не в сентенционной форме. *Допускать* значит, грубо говоря, «не делать так, чтобы не»; однако если мы этим ограничимся, мы оставим в толковании принципиальную неоднозначность. Действительно, остается неясной область действия второго отрицания.

Ничто в приведенной выше формулировке не указывает на то, что оно относится к действиям лица, не совпадающего с субъектом глагола *делать*. Эта неоднозначность снимается, если толкуется имеющее вид предложения предикатное выражение *А допускает, чтобы В делал С* = «А не делает так, чтобы В не делал С». Из сказанного следует, что между значением предикатного слова и значением целого предложения или даже совокупности предложений принципиального различия нет, а есть лишь то несущественное различие, что на местах предикатного слова при его истолковании в словаре стоят имена предметных переменных, а на соответствующих им местах в предложении — имена конкретных предметов. Таким образом, толкование слова в общем случае имеет структуру, не менее сложную, чем структура предложения.

2.8. Помимо толкования в указанном выше смысле, во второй части словарной статьи помещаются другие лексические единицы, семантически связанные с заглавным словом на парадигматической оси, т. е. имеющие семантические признаки, частично или полностью совпадающие с семантическими признаками заглавного слова [10]. К числу таких лексических единиц относятся синонимы (Syn, ср. *организатор* и *учредитель*); конверсивы (Conv, ср. *покупать* и *продавать*, *нуждаться* и *требоваться*, *поддерживать* и *опираться*); антонимы (Anti, ср. *уважать* и *презирать*, *одобрять* и *осуждать*, *хвалить* и *ругать*); квазисинонимы (QuasiSyn, ср. *любить* и *уважать*, *обожать* и *благоговеть*, *радость* и *удовольствие*); квазиконверсивы (QuasiConv, ср. *благоговеть* и *подавлять*); квазиантонимы (QuasiAnti, ср. *бить* и *ласкать*, *ударять* и *гладить*); слова с родовым значением (Gener, ср. *ультиматум* и *требование*, *карты* и *игра*, *любить* и *относиться*); слова с видовым значением (Species, ср. *ударять* и *пинать*, *бить* и *стегать*, *угроза* и *шантаж*). Кроме того, к ним относятся чисто синтаксические производные данного слова — слова другой части речи, не имеющие по сравнению с заглавным словом никакого семантического приращения; это — производные существительные (S_0, ср. *рожать — роды* и *рождаться — рождение*, *умирать — умирание* и *умереть — смерть*, *уставать — усталость* и *устать — усталость*), производные прилагательные (A_0, ср. *земля* [1] [планета] — *земной*, *земля* [2] [угодья] — *земельный*, *земля* [3] [материал] — *земляной*) и производные наречия (Adv, ср. *ошибаться — неправильно*, *скрывать — тайно*) [11]. Наряду с чистыми производными разумно помещать в словарь и некоторые квазипроизводные, ср. $QuasiAdv_0$ (*попадать*) = *метко*. В связи с тремя последними примерами следует заметить, что на равных основаниях учитывается обычное и супплетивное словообразование.

2.8.1. Слова перечисленных категорий помещаются в словарную статью заглавного слова по трем причинам. Во-первых, на этот материал опираются правила равнозначного преобразования и семантического вывода. Во-вторых, таким образом демонстрируются разнообразные семантические связи заглавного слова с другими лексическими единицами и обеспечи-

[10] Заметим, что в толковых словарях вебстеровской серии (см.: «Webster's new international dictionary of the English language») и некоторых недавно вышедших толковых словарях французского языка (см.: P. R o b e r t, Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Petit Robert, Paris, 1967, а также упомянутый словарь Дюбуа) в словарной статье заглавного слова даются его синонимы, антонимы, аналоги (тематически близкие слова) и некоторые типы производных. Достойно упоминания и то обстоятельство, что в словаре Дюбуа, рассчитанном на массового читателя, широко используются символические обозначения для указания смысловых различий между заглавным словом и его синонимом.

[11] Понятие Gener, некоторые обозначения, а также представление о супплетивном словообразовании заимствованы из цитированных работ А. К. Жолковского и И. А. Мельчука.

вается «наведение» говорящего на нужное выражение мысли или даже на нужную мысль. Пусть говорящий хочет описать ситуацию, в которой субъект в процессе своей деятельности создает некий объект. Самым общим наименованием этой ситуации является, по-видимому, глагол *создавать*. В зависимости от того, какой объект создается (книга, музыкальное произведение, скульптура и др.), различаются видовые понятия *писать*, *сочинять*, *ваять* и др., и говорящий может выбрать то из них, которое точно выражает его мысль. Пусть это будет глагол *ваять*; в его словарной статье говорящий найдет еще более детальную информацию, которая касается видов ваяния, отличающихся друг от друга по признаку материала (и, возможно, инструмента) ваяния: *высекать* (*в мраморе*), *вырубать* или *вырезать* (*из дерева*), *лепить* (*из глины*, *гипса*), *отливать* (*из металла*). Наконец, в-третьих, слова этих категорий, формально ничего не добавляя к толкованию значения данного слова, тем не менее способствуют более тонкому его пониманию. Возьмем три сходных по значению глагола: *помогать — способствовать — содействовать*. Их значения, равно как и семантические различия между ними, содержательно проясняются при сопоставлении с антонимами, ср. *помогать — мешать*, *способствовать — препятствовать*, *содействовать — противодействовать*.

2.8.2. Особого упоминания заслуживают синонимы, конверсивы и производные. Их семантическое разложение сводимо к разложению заглавного слова. Различия между ними — это различия не значения, но сочетаемости — лексической, синтаксической и семантической, т. е. различия в словах, конструкциях и дифференциальных семантических признаках, в контексте которых употребляется тот или иной синоним, конверсив или производное.

В каждом из трех перечисленных случаев возможны четыре логических типа отношений между исходным словом и его синонимом. Эти отношения будут проиллюстрированы на материале их лексической сочетаемости. (1) Лексическая сочетаемость синонимов может полностью совпадать, ср. *кидать* и *бросать*, *беспрерывный* и *беспрестанный*. (2) Множество лексических окружений одного из синонимов может включаться в множество лексических окружений другого; так, везде, где можно употребить слово *творец*, можно употребить и его синоним *создатель*, ср. *творец* (*создатель*) *статуи* [*романа*, *музыки*, *картины*; *машины*; *армии*, *партии*; *проекта*, *теории*]; однако только *создатель*, но не *творец*, может употребляться (в не ироническом контексте) в сочетании с существительными *группа*, *кружок*. (3) Множество лексических окружений одного из синонимов пересекается с множеством лексических окружений другого; так, возможно *автор* (*создатель*) *романа* [*музыки*, *картины*; *проекта*, *плана*, *теории*], но только *автор идеи* [*гипотезы*, *предложения*] и только *создатель группы* [*кружка*, *общества*]. (4) Множества лексических окружений синонимов не пересекаются, т. е. не существует ни одного лексического контекста, где они могли бы заменять друг друга [12]; так, прилагательные *верховный*, *высший*, *генеральный*, *главный*, *головной*, *государственный*, *первый* синонимичны в значении «главный в некоторой иерархии», но их лексическая сочетаемость совершенно различна; ср. *верховный главнокомандующий* [*суд*, *совет*], *высший орган*, *главный штаб* [*врач*], *головное предприятие* [*-ой институт*], *государственный экзамен*, *первый заместитель* [*секретарь*].

---

[12] Представление об этом типе отношений, т. е. о дополнительном распределении некоторых синонимов, по существу содержится в понятии лексического параметра, введенном А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком; см. 4.1. В свете этого представления нуждаются в уточнении ранее высказанные автором («Проблема синонима», ВЯ, 1957, 6) соображения об условиях взаимозаменимости синонимов.

Те же типы отношений между синонимами можно проследить и в области их синтаксической и семантической сочетаемости. Легко подсчитать, что с учетом всего сказанного возможны 64 вида отношений между исходным словом и его синонимом.

Что касается конверсивов и производных, то между ними и исходным словом возможны те же четыре типа отношений, но характеризуют они только две области из трех — лексическую и семантическую сочетаемость. Синтаксическая сочетаемость конверсива (производного) и исходного слова всегда различна, поскольку они никогда не употребляются в одних и тех же синтаксических конструкциях. Следовательно, число возможных видов отношений между конверсивом (производным) и исходным словом сокращается с 64 до 16.

В экспериментальном словаре предполагается ввести систему помет, точно указывающих, с какого рода синонимом (конверсивом, производным) мы имеем дело в каждом конкретном случае.

3. Синтагматические свойства слова в области его грамматических значений (третья группа свойств) описываются «моделью управления» и чисто синтаксическими трансформациями, помещаемыми в третьей части словарной статьи [13].

3.1. Модель управления — как и в словаре семантического синтеза (см. примеч. 1 и 2) — имеет вид таблицы, разделенной на n столбцов — по числу мест предиката (или активных синтаксических валентностей слова). Глагол *расти* — одноместный (*кто растет*); у существительного *атака* два места (*чья атака* и *атака против кого*); у существительного *беседа* — три (*чья беседа*, *беседа с кем*, *беседа о чем*); у глагола *покупать* — четыре (*кто покупает*, *что покупает*, *у кого покупает*, *за что покупает*). Нередки и пятиместные предикаты; таков, по-видимому, глагол *арендовать* (*кто арендует*, *что арендует*, *у кого арендует*, *за сколько арендует*, *на какое время арендует*; основанием для выделения его пятого места является тот факт, что *аренда* обозначает временное пользование).

Для каждого места указывается его семантическое содержание — сначала общее (субъект, объект, начальная точка, конечная точка, место, область действия, инструмент, причина, результат, условие, способ, время и пр.), а затем — частное (лицо, предмет, материал, аспект, машина, животное и т. п.). Несколько примеров. У слов *уважать* (*кого*), *уважение* (*к кому*), *влиять* (*на кого*), *расправа* (*с кем*), *верен* (*кому*), *торговать* (*чем*), *бояться* (*кого-чего*), *отражаться* (*на чем*) второе место — объектное. У слова *беседа* (*с кем*) второе место — субъектное, равно как и у слова *подобие* (*чего чему*). У слова *звонить* (*кому*) второе место — адресатное, у слова *вытекать* (*из озера*) — начальной точки, у слова *находиться* (*в чем*)— местное (см. также примеры из 2.6.1.).

Следует заметить, что синтаксические места русских слов (а не слов искусственного семантического языка) могут заполняться предложно-падежными формами со значением не только предмета, но и отношения (причинными, результативными, временными и т. п.).

Для каждого места указываются все возможные морфологические способы его выражения. Так, первое (субъектное) место глагола *анализировать* (в личной форме) выражается именительным падежом, а у производ-

[13] Наиболее развитая система помет, предназначенная для лексикографического описания синтаксических свойств слова, применяется в словарях английского языка А. Хорнби (см., например: A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield, The advanced learner's dictionary of current English, London, 1958). В ней различаются (для глаголов) около 30 типов моделей. Тем не менее даже эта система не отдает должного тому поразительному разнообразию и сложности синтаксических свойств слов, которые должны найти отражение в толковом словаре.

ного существительного *анализ* — родительным (ср. *анализ Соссюра*), творительным (ср. *анализ индоевропейского вокализма Соссюром*) и притяжательным прилагательным (ср. *соссюровский анализ*). Второе место слова *реформа* выражается существительным в родительном падеже (ср. *реформа экономики*) или прилагательным (ср. *экономическая реформа*). То же самое прилагательное, вместе с предложно-падежной формой *по экономике* (или *по вопросам экономики*), является морфологическим выразителем третьего места существительного *советник*, ср. *советник президента по экономике = экономический советник президента* (*советник* [*консультант*] — имя деятеля от трехместного глагола *консультировать*: *кто, кого, в какой области консультирует*).

В ряде случаев возможность — невозможность реализации того или иного места зависит от частного семантического содержания других мест. Первое — субъектное — место слова *молчание* может быть заполнено (а) именем лица (*молчание Вани*), (б) именем неодушевленного информационного деятеля (*молчание газет*). Помимо первого субъектного места, у слова *молчание* (=«не говорение») есть объектное место (*молчание о чем*) и второе субъектное (*молчание с кем*). В случае (а) второе субъектное место принципиально реализуемо, хотя не очень желательно (ср. *Его упорное молчание со мной начинало меня тяготить*), а в случае (б) — нет (ср. недопустимость фразы **Молчание газет с читателями*). Зависят от частного семантического содержания и различные морфологические способы реализации мест. Так, в случае (а) первое субъектное место может быть представлено не только существительным в родительном падеже, но и притяжательным прилагательным (ср. *Молчание Вани = Ванино молчание*), а в случае (б) — только родительным падежом существительного (нельзя **газетное молчание*) [14]. Информация такого рода играет важную роль при формулировке правил нормативного употребления слова и должна быть отражена в экспериментальном словаре.

Таким образом, схема модели управления каждого слова содержит, прежде всего, информацию следующих трех видов: синтаксическую (число синтаксических мест, или активных синтаксических валентностей слова), семантическую (*содержание* мест) и морфологическую (способы выражения мест). Кроме того, непосредственно в этой схеме фиксируется зависимость реализации — нереализации того или иного места от частного семантического содержания прочих мест, а также зависимость определенного морфологического способа выражения места от его частного семантического содержания. Однако все эти сведения еще не создают достаточно полного представления о синтаксических свойствах слова. Крайне существенной является также информация а) факультативности — обязательности мест, б) об отношениях между разными местами одного и того же слова, в) об отношениях между разными морфологическими способами выражения одного и того же места.

3.1.1. Место Y слова X называется факультативным, если фраза, содержащая слово X с незаполненным местом Y, правильна. Таково, например, объектное место слова *организатор*. Возможно как *организатор общества*, так и *хороший организатор*. Место Y слова X называется обязательным, если фраза, содержащая слово X с незаполненным местом Y, неправильна. Таково объектное место слова *учредитель*, являющегося

[14] Притяжательное прилагательное, образованное от основы неодушевленного существительного, может быть выразителем первого места при отглагольном существительном, обозначающем физическую деятельность (ср. *американская агрессия*), но не внутреннее состояние (плохо **американское недовольство*) и не воздержание от деятельности (плохо **американское молчание*).

синонимом слова *организатор*: возможно *учредитель общества*, но не **хороший учредитель*.

Особого упоминания заслуживают такие факультативные места слова, по крайней мере одно из которых (безразлично, какое именно) должно быть непременно реализовано. В качестве примера можно привести глаголы *грозить*, *махать*, *светить* и некоторые другие, обладающие способностью к двойному управлению дательным и творительным [15]. Можно либо *Он* (одушевленный деятель) *светил мне* (реализуется субъектное и адресатное места), либо *Он светил фонариком* (реализуются субъектное и инструментальное места), либо, наконец, *Он светил мне фонариком* (реализуются все три места), но плохо или невозможно **Он светил*.

3.1.2. Для описания отношений между разными местами одного слова важное значение имеют признаки соподчинимости — несоподчинимости мест и неупорядоченности — упорядоченности мест. Как показывает имеющийся у нас материал, оба эти признака существенны главным образом для описания отношений между факультативными синтаксическими местами слов [16]. Логически возможны три типа отношений между местами.

(1) Места соподчинимы и неупорядочены; ср. слово *наступление*, имеющее два места — субъектное и объектное. Оба места факультативны (ср. *Наступление предпочтительнее обороны*) и соподчинимы (ср. *наступление армии на последний укрепленный пункт противника*), причем любое из мест реализуемо в отсутствие другого (ср. *наступление армии*, *наступление на последний укрепленный пункт противника*).

(2) Места соподчинимы, но упорядочены. У слов типа *равенство*, *подобие*, *соответствие*, *противоречие* имеется по два субъектных места, ср. *равенство* [*подобие*, *соответствие*, *противоречие*] *чего чему*. Оба они факультативны, ср. *Противоречие* [*равенство*, *подобие*, *соответствие*] *найти нетрудно*. Центральным в модели управления является второе субъектное место (выражаемое дательным падежом), и его заполнение — необходимое условие реализации первого субъектного места. Словосочетания *противоречие фактам* и *противоречие учения фактам* правильны, а словосочетание **противоречие учения* невозможно.

3) Места несоподчинимы и неупорядочены. В качестве примера рассмотрим существительное *грех*, у которого есть три факультативных места: субъектное, ср. *грех Петра*, *его грех*; первое объектное, ср. *грех против религии*, *религиозный грех*; второе объектное, ср. *грех прелюбодеяния*, *грех воровства*. Как показывают приведенные примеры, любое место реализуемо в отсутствие двух других и, следовательно, ни одно не может претендовать на центральное положение в модели управления существительного *грех* (места неупорядочены). С другой стороны, субъектное и второе объектное места несоподчинимы; ср. невозможность **его грех воровства* (не говоря уже о **грех Петра воровства*, где действует чисто грамматический запрет — недопустимость одновременной реализации субъектного и объектного родительного).

(4) Места несоподчинимы, но упорядочены. Этот случай, по всей видимости, не имеет содержательной интерпретации.

[15] Имеется в виду личная форма данных глаголов; неличные формы в этом, как и во многих других случаях, ведут себя несколько иначе.

[16] Понятие соподчинимости — несоподчинимости, по-видимому, не нуждается в пояснениях. Определим понятие неупорядоченности — упорядоченности мест. Факультативные места x и y слова A называются неупорядоченными, если любое из них реализуемо в отсутствие другого (возможны: A, Ax, Ay, Axy). Факультативные места x и y слова A называются упорядоченными, если реализация y невозможна без реализации x (возможны: A, Ax, Axy, но не Ay). В этом случае место x можно считать более центральным в модели управления A, чем место y.

Рассмотренные три типа отношений могут связывать не только синтаксические места как таковые (независимо от морфологического способа их реализации), но и определенные морфологические способы реализации мест. Так, субъектное и объектное места в модели управления слова *анализ* соподчинимы только тогда, когда субъектное место выражается притяжательным прилагательным (ср. *соссюровский анализ индоевропейского вокализма*) или творительным падежом (ср. *анализ индоевропейского вокализма Соссюром*). Субъектное место, представленное родительным падежом, и объектное место, которое никаким другим падежом при слове *анализ* не выражается, по причине, указанной в (3), несоподчинимы.

3.1.3. Для описания отношений между разными морфологическими способами выражения о д н о г о и т о г о ж е м е с т а важное значение имеет признак соподчинимости — несоподчинимости, а в случае несоподчинимости — признак трансформируемости — нетрансформируемости.

Случай, когда разные морфологические способы выражения одного места соподчинимы, удобно иллюстрировать на материале моторно-некратных глаголов, второе место которых выражается формами *во что, на что, к чему* со значением конечной точки. В случае соподчинения таких форм они уточняют одна другую, не выходя за пределы данного места (данной синтаксической позиции), ср. *бежать* [*идти*] *в лес на поляну к источнику*.

Случай, когда разные морфологические способы выражения одного места несоподчинимы и нетрансформируемы, удобно иллюстрировать на материале тех же самых глаголов, но в сочетании с целевыми формами. Пятое — целевое — место моторно-некратных глаголов, которые обозначают автономное перемещение тела, выражается, в частности, предложно-падежной формой *за кем-чем* (*идти за покупками*, *бежать за книгами*) и инфинитивом (*идти гулять*, *бежать обедать*). Легко видеть, что такие формы принципиально несоподчинимы (нельзя **идти за покупками гулять*, хотя можно *идти за покупками и гулять*) и нетрансформируемы.

Что касается случая, когда разные морфологические способы выражения одного и того же места несоподчинимы, но трансформируемы, то с примерами такого рода мы уже неоднократно имели дело при рассмотрении существительных (ср. *соссюровский анализ* и *анализ Соссюра*, *реформа экономики и экономическая реформа*, *советник по экономике* и *экономический советник*). В моделях управления глаголов этот тип отношений между морфологическими способами выражения одного и того же места встречается реже, но достаточно регулярно; *ср. бежать обедать* (*на обед*), *идти гулять* (*на прогулку*), *каяться кому* (*перед кем*), *задевать что* (*за что*), *давить что* (*на что*), *обходить что* (*вокруг чего*) и многие другие.

В только что рассмотренных примерах выбор того или иного морфологического способа выражения места никак не влиял ни на *возможность* — невозможность реализации других мест, ни на морфологический способ их выражения. Обратимся теперь к более сложной ситуации, когда выбор определенного способа выражения места X автоматически исключает (а) либо возможность реализации места Y, (б) либо возможность реализации места Y способом Y_i. Случай (а) можно иллюстрировать глаголами *выметать* [*выбивать*, *выколачивать*, *выскабливать*, *выскребать*] (*что из чего*). Третье место таких глаголов может быть реализовано не только формой *из чего*, но и винительным падежом, но тогда их второе место нереализуемо, ср. *выметать сор из избы* — *выметать избу*, *выбивать* (*выколачивать*) *пыль из ковра* — *выбивать* (*выколачивать*) *ковер*, *выскабливать* (*выскребать*) *грязь из кастрюли* — *выскабливать* (*выскребать*) *кастрюлю*. Случай (б) можно иллюстрировать глаголами *забивать* [*закладывать*, *заливать*, *засыпать*, *затыкать*] (*что чем*). Если их второе место выражено винительным падежом, то третье непременно выражается творительным (верно и обратное);

если же второе место этих глаголов выражается формой *во что*, то третье реализуется винительным падежом (обратное тоже верно); ср. *забивать щели паклей — забивать в щели паклю, закладывать дымоходы кирпичом — закладывать в дымоходы кирпич* и т. д.

3.1.4. Для того чтобы в лаконичной и прозрачной форме отразить в экспериментальном словаре факты, рассмотренные в 3.1.1.— 3.1.3., предлагаются определенные способы расстановки круглых скобок, применения цифровых индексов и расщепления строк в схеме модели управления, обсуждать которые в рамках данной работы не представляется возможным.

3.2. Даже эта информация не исчерпывает описания синтаксических свойств слова. Действительно, в схеме модели управления невозможно или трудно естественным образом показать а) способность «симметричных» глаголов типа *воевать, дружить, разговаривать, спорить, знакомить, путать* к преобразованиям вида *A воюет [дружит, разговаривает, спорит] с B — A и B воюют [дружат, разговаривают, спорят]* или *A знакомит [путает] B с C — A знакомит [путает] B и C*; б) способность глаголов, управляющих синтаксическими комплексами, к преобразованию вида *Он поцеловал ее в плечо — Он поцеловал ее плечо, Звено проверяет семена на всхожесть — Звено проверяет всхожесть семян, Книга пленяет читателей юмором — Юмор книги пленяет читателя, Он смотрит мне в глаза — Он смотрит в мои глаза*; в) способность путативных глаголов к преобразованию глагольного словосочетания в придаточное предложение (ср. *считать его эрудитом — считать, что он эрудит*) и т. п. Поэтому, помимо модели управления, в третьей части словарной статьи помещаются чисто синтаксические трансформации, т. е. преобразования, не связанные с изменением лексического состава предложения.

4. Для описания лексической сочетаемости слова (четвертая группа свойств) используется, как было сказано выше, система лексических параметров, разработанная А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком [17]. Эта система подробно описана в серии их статей по вопросам семантического синтеза (см. примеч. 1) и здесь излагаться не будет. Ниже мы ограничимся несколькими примерами лексических параметров и самыми необходимыми пояснениями.

4.1. Лексический параметр — это значение, которое, подобно грамматическому, выражается при достаточно большом числе слов; при этом при разных словах оно, вообще говоря, выражается разными средствами. Иными словами, лексический параметр — это дополнительно распределенные (или комбинаторно обусловленные) варианты выражения одного и того же смысла при разных словах. Примерами могут служить: *Magn* («высокая степень»), ср. *Magn* (*брюнет*) = *жгучий*, *Magn* (*ошибка*) = *грубая*, *Magn* (*слух*) = *абсолютный*, *Magn* (*тьма*) = *кромешная*; *Bon* («хорошо», «хороший»), ср. *Bon* (*конец*) = *благополучный*, *Bon* (*порыв*) = *благой*; $Able_1$ («такой, который может)», ср. $Able_1$ (*биться*) = *хрупкий*, $Able_1$ (*пугаться*) = *пугливый*; $Able_2$ («такой, которого можно»), ср. $Able_2$ (*слышать*) = *слышный*, $Able_2$ (*осязать*) = *осязаемый*; $Oper_i$ (полувспомогательный глагол, связывающий название *i*-го участника ситуации в качестве подлежащего с ключевым словом в качестве дополнения), ср. $Oper_1$ (*прием*) = *оказывать*, $Oper_1$ (*приказ*) = *отдавать*, $Oper_2$ (*прием*) =

[17] Вопросы описания лексической сочетаемости слова всегда были в центре внимания составителей толковых словарей, но никогда не получали достаточно полной и последовательной разработки (*см. об этом:* Ю. С. Сорокин, О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка, ВЯ, 1967, 5, стр. 32). В качестве самых успешных с нашей точки зрения попыток решения этой задачи отметим учебные словари английского и французского языков, составленные А. Роймом (см.: A. Reum, A dictionary of English style, Leverkusen, 1955; его же, Petit dictionnaire de style, Leipzig, 1953).

встречать, $Oper_2$ (*приказ*) = *получать*; $Func_0$ («иметь место»), ср. $Func_0$ (*тишина*) = *царить*, $Func_0$ (*война*) = *идти*, $Func_0$ (*ветер*) = *дуть*, $Func_0$ (*событие*) = *происходить*; $Func_i$ (полувспомогательный глагол, присоединяющий ключевое слово в качестве подлежащего к названию i-го участника ситуации в качестве дополнения), ср. $Func_1$ (*власть*) = *принадлежать* [*кому-л.*], $Func_1$ (*предложение*) = *поступать* [*от кого-л.*], $Func_2$ (*власть*) = *распространяться* [*на кого-л.*], $Func_2$ (*предложение*) = *касаться* [*чего-л.*]; $Labor_{i,j}$ (полувспомогательный глагол, соединяющий название i-го участника ситуации в качестве подлежащего с названием j-го участника ситуации в качестве главного дополнения и ключевым словом в качестве второстепенного дополнения), ср. $Labor_{1,2}$ (*насмешки*) = *осыпать* [*кого-л. насмешками*], $Labor_{1,2}$ (*казнь*) = *предавать* [*кого-л. казни*], $Labor_{1,3}$ (*молчание*) = *обходить* [*что-л. молчанием*], $Labor_{3,2}$ (*аренда*) = *сдавать* [*что-л. в аренду*], $Labor_{1,2}$ (*аренда*) = *брать* [*что-л. в аренду*]; *Real* («реализовать требование, содержащееся в данной ситуации»), ср. $Real_1$ (*искать*) = *находить*, *Real* $Oper_1$ (*обещание*) = *исполнять*, $RealOper_1$ (*слово*) = *сдерживать*, $RealOper_2$ (*приказ*) = *выполнять*, $RealOper_2$ (*вопрос*) = *отвечать*, $RealFunc_0$ (*мечта*) = *сбываться*; ср. также *Caus* («каузировать»), *Liqu* («ликвидировать»), *Incep* («начинать»), *Fin* («прекращать»), *Prepar* («подготавливать») и ряд других.

В терминах лексических параметров и других лексических функций (производных, синонимов, конверсивов и т. п.) формулируются правила равнозначного преобразования выражений, например, x = $Oper_i$ + + $S_0(x)$ = $Func_i$ + $S_0(x)$ = $Labor_{i,j}$ + $S_0(x)$, ср. *Он влияет на меня* = *Он оказывает влияние на меня* = *Я нахожусь под его влиянием* = *Его влияние распространяется на меня* = *Он подвергает меня своему влиянию*; *Он предложил переименовать улицу* = *Он сделал (внес) предложение переименовать улицу* = *Переименовать улицу было его предложением* = *От него поступило предложение переименовать улицу* = *Его предложение касалось переименования улицы* и т. п.

4.2. К этой системе добавлено несколько параметров и преобразований, обнаруженных автором в ходе работы над экспериментальным словарем. В качестве примера можно привести параметры *Comp* («состав») и *Cond* («условие»), ср. *Comp* (*партия*) = *ряды*, *Comp* (*президиум*) = *состав*, *Comp* (*знания*) = *запас*, *арсенал*, *Comp* (*приемы*) = *арсенал*; *Cond* (*восстанавливать*) = *разрушиться*, *Cond* (*гасить*) = *гореть*, *Cond* (*лечить*) = *болеть*, *Cond* (*награждать*) = *отличиться*, *Cond* (*наказывать*) = *провиниться*, *Cond* (*отмывать*) = *запачкаться*, *Cond* (*отогревать*) = *замерзнуть*, *Cond* (*стричь*) = *отрастать* и т. п. С первым параметром связано равенство x = *Comp* (x) + x, ср. *быть в партии* = *быть в рядах партии*, *вступать в партию* — *вступать в ряды партии*, *быть в президиуме* = *быть в составе президиума* и пр.; со вторым параметром связано преобразование $x \rightarrow Cond(x)$; иными словами, x и $Cond(x)$ связаны отношением семантического вывода, ср. *А лечит В* → *В болен*, *А награждает В* → *В отличился*, *А чинит В* → *В испортился* и т. д.

Общее число обнаруженных к настоящему времени лексических параметров — около 40. Описать лексическую сочетаемость слов значит указать, какие из лексических параметров и как именно при нем выражаются.

5. В пятой части словарной статьи перечисляются все выражения, связанные с ее заглавным словом отношениями равнозначности и семантического вывода. Поскольку имеются универсальные правила преобразования выражений, находящихся в таких отношениях, эта часть словарной статьи может показаться излишней. Помещение ее в словарь оправдывается двумя соображениями. Во-первых, это делает словарь более удобным для пользования. Во-вторых, это делает более простым алгоритм автоматического

синтеза всех предложений, которые связаны с предложениями, содержащими заглавное слово, отношениями равнозначности и семантического вывода. Что же касается самого этого алгоритма, то даже если бы он не имел самостоятельной ценности, он все равно был бы нужен для того, чтобы ставить широкие машинные эксперименты со словарем. Как следует ожидать, они будут давать немалое число неожиданных или неверных результатов и таким образом указывать на те места словаря, где его составитель допустил ошибку. Таким образом, открывается перспектива экспериментальной проверки словаря и, следовательно, перспектива его совершенствования на основе экспериментальных данных.

6. В настоящее время работа над словарем находится в следующем состоянии: собран материал приблизительно для 1000 словарных статей (всего в экспериментальном словаре будет не более 2500—3000 статей); составлено имеющее форму дистрибутивно-трансформационного словаря описание синтаксических свойств около 1500 наиболее употребительных русских глаголов и список элементарных семантических признаков, включающий около 100 единиц. Разработан алгоритм синтеза предложений, которые находятся в отношении равнозначности или семантического вывода с некоторым исходным предложением, содержащим произвольно выбранное в словаре слово. Составлено около 50 пробных словарных статей, на материале которых проверялся алгоритм[18].

[18] В ходе работы над статьей автор обсуждал различные затрагиваемые в ней вопросы с М. Я. Гловинской, А. К. Жолковским, Е. А. Земской, Л. Н. Иорданской, О. А. Лаптевой, В. Д. Левиным, И. А. Мельчуком, М. В. Пановым, Д. Н. Шмелевым и Н. А. Янко-Триницкой; автор рад выразить им признательность за ценные замечания.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1968

Э. Г. ТУМАНЯН

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ТЕРМИНОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЖИВОТНЫХ, В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Армянский язык сохранил в своей лексике довольно значительный пласт общеиндоевропейских слов среди имен числительных, местоимений, названий частей тела, имен родства, названий металлов, деревьев, названий животных. Индоевропейские имена, сохранившиеся в армянском языке, претерпели ряд изменений не только в своем фонетическом облике, но также и в морфологическом выражении, утратив категории рода, двойственного числа, звательного падежа. Значительные изменения произошли в самой структуре слова: в результате переосмысления его морфологического состава произошла перестройка индоевропейской системы основ, в дальнейшем это привело к переходу имен из одних основ в другие и к возникновению в ряде случаев двух и более факультативных вариантов основ.

Изучая характер тех морфологических изменений, которым подверглись некоторые индоевропейские именные основы на армянской почве, автор пытался выяснить факторы, под влиянием которых произошла перегруппировка индоевропейских основ, а также их распределение в системе склонения в древнеармянском языке. Этимологическая часть статьи носит вспомогательный характер: этимологические данные использовались в качестве одного из критериев, позволяющих установить принадлежность анализируемых основ в армянском языке к исконным пластам индоевропейской лексики. Путем систематического сравнения индоевропейских форм и соответствующих форм древнеармянского языка (грабара) была сделана попытка выявить и охарактеризовать модификации, имевшие место на армянской почве в связи с процессом морфологического разложения индоевропейских основ. Вопрос распределения индоевропейских основ в армянском языке представляет интерес еще и потому, что армянский язык полностью элиминировал категорию рода, характерную для общеиндоевропейского состояния. Это не могло не отразиться на формировании основ, которые по своей природе не были безразличны к грамматическому роду. Факт тяготения определенных основ к тому или иному роду наблюдался еще в древнейшую эпоху развития индоевропейских языков [1] и обнаруживается позже в языках, сохранивших и развивших далее категорию грамматического рода. В армянском же языке родовые признаки в различного рода основах были утрачены еще в протоармянском, и только в отдельных случаях сохранились разрозненные следы этих признаков. В связи с потерей категории рода анализ типов склонения здесь можно, таким образом, произвести лишь с точки зрения распределения имен по основам.

---

[1] См. об этом: Э. А. Макаев, Именное склонение в германских языках, в кн «Сравнительная грамматика германских языков», III, М., 1963, стр. 136.

Путем анализа данных различных источников [2] было отобрано всего 47 названий представителей животного мира, которые признаны генетически восходящими к индоевропейским праформам. Все названия животных представлены формой со знаком астериска и имеют как минимум два-три соответствия в других индоевропейских языках. Ниже приводится список индоевропейских названий животных в армянском языке.

Домашние животные

«корова» *kov* < * g^{u}*ōu-*
«собака» *ǯun* < * *ku̯ōn-*, *k̂un-*
«теленок» *ortʿ* < * *porthu*
«коза» *ayc* < * *aiĝ-*
«ягненок» *gaṙn* < * *u̯əren*
«козленок» *ul* < * *pō̑-*, *pōu-*, *pu-* > *po-lo*
«ягненок» *buc* < * *bhūgo-*
«петух» *akʿałał* < * *kl̥-*
«вол» *ezn* < * *egh-*
«осел» *ēš* < * *eku̯o-*
«лошадь» *ǰi* < * *ghēi̯o*
«баран (самка)» *makʿi* < * *mek-* [3]
«курица» *haw* < * *au̯ei*
«бык» *çul* < * *skulu-*
«телка» *erinǰ* < * *er-*, *eri-*
«щенок» *skund* < * *ku̯on-to*, *-tā*
«гусь» *sag* < * *kău* > *kau̯ā-*
«теленок» *mozi* < * *mozgho-*

Дикие животные

«лиса» *ałuēs* < * *u̯l̥p* > *alōpekū́-*
«лев» *aṙiwc* < * *reug-*
«тур» *aṙn* < * *r̥sen-*
«орел» *arcui* < * *rgipio-*
«медведь» *arǰ* < * *rkpo-*
«волк» *gayl* < * *u̯ai-lo-*
«олень» *ełn* < * *el-en*
«барс» *inj* < * *sin̂gha-*
«еж» *ozni* < * *eĝhi-* > *og*^{u}*hi-n-io*?
«ласточка» *cicaṙn* < * *găr-*
«коршун» *çin* < * *kpīno-*
«журавль» *kṙunk* < * *ger-en*
«мышь» *mukn* < * *mūs* > *mu-k-n*
«рыба» *ǰukn* < * *ghođū-k-n*
«птенец» *ǰag* < * *ghāg*^{u}*h*
«птица (самка)» *mari* > *mrtī̂* < *mério*

Насекомые и земноводные

«лягушка» *gort* < * *wordo-*, *wordī*
«змея» *awj* < * *ang*^{u}*(h)i-*
«гадюка» *iž* < * *ēg*^{u}*hi-*
«змея (царственная)» *kˇarb* < * *kr̥p-*
«муха» *mun* < * *meus* > * *mūs-no*
«муравей» *mrǰimn* < * *moru̯ī-*, *mormo-*
«гнида» *anic* < * *knid-*
«бабочка» *tˇitˇeṙn* < * *ptr̥-n*
«блоха» *lu* < * *plou* > *plus*
«пчела» *mełu* < * *meli-t* > *mēdhu*?
«паук» *sard* < * *kr̥-ti*
«клещ» *tiz* < * *deiĝh-*
«овод» *boṙ* < * *bher-*

Индоевропейскими именами Покорный считает еще и названия *mlukn* «клоп» (IEW, 717), *sareak* «скворец» (IEW, 569), *urur* «чайка» (IEW, 325), *bu* «сова» (IEW, 97). Существительное *boreni* «гиена» некоторыми авторами (в том числе и Р. Ачаряном) принимается за индоевропейский корень. Что касается существительного *oǰil* «вошь», то как Г. Гюбшман, так и вслед за ним Покорный считают его сомнительной в армянском языке индоевропейской формой.

Изучение приведенного выше общего списка названий животных обращает внимание на некоторые любопытные детали: 1) в армянском языке отсутствует название животного, обозначающее «домашнюю свинью» [4];

[2] В числе их были использованы: А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.— Л., 1938; Р. Ачарян, История армянского языка, Ереван, I — 1940, II — 1951 (на арм. яз.); его же, Корневой словарь, I—VI, Ереван, 1926—1934 (на арм. яз.); Y. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I, Bern, 1959 (далее в тексте обозначается сокращенно — IEW); H. Hübschmann, Armenische Grammatik, Leipzig, 1897; Г. Б. Джаукян, Система склонения в древнеармянском языке и ее происхождение, Ереван, 1959 (на арм. яз.).

[3] Индоевропейский корень **ou̯i-*«овца» в армянском сохранился в слове *hoviw* «пастух», которое восходит к индоевропейскому производному слову *ovi-pa* «овчар, овечий пастух».

[4] А. Мейе высказал предположение, что название для «домашней свиньи» встречается только на севере и западе Европы и не засвидетельствовано ни в индо-иранском, ни в армянском, ни в греческом (см.: М. Мейе, указ. соч. стр. 395). В свете новых данных это положение А. Мейе нуждается в уточнении. Э. Бенвенист, например, внес

2) слово *jukn* «рыба» в армянском языке восходит к названию рыбы, распространенному в центре индоевропейского ареала (на западе употребительно другое слово). Армянское название «рыба» имеет соответствия с греч. ἰχθύς, литов. *žuvìs*. Названий отдельных видов рыб армянский язык, по-видимому, почти не имел или, во всяком случае, утратил; 3) в отличие от названия для обозначения рыбы, столь скупо представленного, армянский язык имеет три названия для обозначения «змеи», имеющих два различных корня [5] и восходящих к общеиндоевропейским именам: *awj* «змея» из **ang^{u}~hi*, лат. *anguis*, литов. *angìs* (с носовым расширителем); *iž* «ядовитая змея, гадюка» из **eg^{u}hi-* [6], др.-инд. *áhiḥ*, авест. *ažiš*, греч. ὄφις; *kʿarb* «змея (царственная)» из **(s)kṛp-*, греч. σκορπίος.

В тех случаях, когда названия животных, указанные в списке, восходят к ономатопоэтическим словам, принималось во внимание прежде всего морфологическое оформление этих слов, их словообразовательная модель и ее соответствие общеиндоевропейским моделям, а также фонетические соответствия.

Рассматривая список имен животных с точки зрения их архетипов в общеиндоевропейском [7] легко обнаружить наличие весьма разнообразных в структурном отношении типов корней. Здесь представлены основы тематические с чередующимися *e/o* и атематические, основы корневые и производные, с различными суффиксами и расширителями.

Наличие чередующихся гласных *e/o* в тематических основах можно рассматривать как признак, маркирующий тематическое склонение и тем самым противопоставляющий последнее атематическому, немаркированному [8]. Армянский язык сохранил противопоставление тематических и атематических основ, но в качестве критериев их определения избрал другие структурные признаки.

Трансформация индоевропейских основ в армянском языке произошла, главным образом, в результате изменения индоевропейского характера ударения, что, по мнению А. Мейе, сильно изменило индоевропейскую форму

существенные коррективы в широко распространенную точку зрения, согласно которой в общеиндоевропейском было представлено соположение **sū-* и **porko-* для обозначения соответственно дикой и домашней свиньи. Как показывает материал различных индоевропейских языков, особенно италийских и иранских, **sū-* и **porko-* обозначали лишь возраст животного [см.: E. Benveniste, Noms d'animaux en indo-européen, BSLP, 45, 1 (№ 130), 1949, стр. 74—91]. О. Н. Трубачев также считает, что «тезис об исконности значения и.-е. **porkos* „домашняя свинья“ при **sūs* „дикая свинья“ одновременно с тезисом о западноиндоевропейском распространении **porkos* опровергнут уточнениями в истории значений **porkos* по языкам, а также находкой слова *pasa* „свинья“ < **parsa-* в иранском словаре» (О. Н. Трубачев, Происхождение названий домашних животных в славянских языках, М., 1960, стр. 62—63); в частности, в Авесте (*yaδa vā azō scaēniš yaδa hušpərəsō*, см. Nirangistān, № 58, f. 114 v, 8) обнаружены слова *hū-* (*huš*) «свинья» (ср. лат. *sūs*) и **parəsa-* (*pərəsō*) «поросенок» (см.: K. Hoffmann, Drei indogermanische Tiernamen in einem Avesta-Fragment, «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 22, 1967, стр. 29, 37).

[5] Два корня армянский имеет и для обозначения понятия «ягненок». Один из них имеет соответствие с санскр. *úraṇaḥ*, пехл. *varrak*, греч. Ϝαρνήν, Ϝαρνός. Другой же с авест. *būza-*, др.-в.-нем. *boc*, др.-исл. *bokkr* со значением «козел». Армянский сохранил форму *buc* со значением «молочный ягненок, козленок» (см.: А. Мейе, указ. соч., стр. 395).

[6] Кстати, из того же корня произошло и слово *ozni* «еж», корень **eĝhi* > *og^{u}hi-nio* «принадлежащий к змее» (IEW, стр. 43).

[7] Индоевропейские соответствия, а также общеиндоевропейские корни, к которым восходят указанные армянские слова, извлечены главным образом из IEW.

[8] Э. А. Макаев, указ. соч., стр. 144.

слов на армянской почве [9] (например, лат. *pater*, греч. πατήρ, гот. *fadar*, арм. *hayr*). Еще в протоармянском свободный характер индоевропейского подвижного ударения изменился таким образом, что оно закрепилось за предпоследним слогом. Конечный безударный слог, который функционально наиболее нагружен, находясь в слабой позиции, стал претерпевать различные разрушительные изменения. В результате этого в структуре армянского слова произошел ряд трансформаций, которые, по данным Г. Джаукяна, вкратце сводятся к следующему [10]: 1) безударный конечный слог полностью редуцируется, в частности в именительном, винительном, звательном падежах единственного числа у слов, возникших из индоевропейских тематических основ, а также из атематических основ на *a/*$\bar{e}$, *i /$\bar{\imath}$/, *u/$\bar{u}$/. В армянском они все перешли в гласные основы. Например, и.-е. им. пад. *$\bar{e}g^{u}hi$-*s*, вин. *$\bar{e}g^{u}hi$-*n*, зват. *$\bar{e}g^{u}hi$ в армянском дает *iž* «уж, змея», основа *iž-i*; 2) наблюдается ослабление только гласного конечного слога и затем его выпадение, при сохранении последующих за ним согласных — главным образом у индоевропейских атематических основ с исходом на сонант, которые в индоевропейском, как известно, в именительном и звательном падежах были лишены окончаний. Например: и.-е. *$dhugh(ə)ter$, арм. *dustr* «дочь»; и.-е. *mātēr*, арм. *mayr* «мать»; 3) конечный индоевропейский слог в армянском сохраняется, например, в косвенных падежах некоторых основ, ср. и.-е. род. пад. *$vedos(-yo)$, дат. *$vedōi$, отлож. *$vedōt$, которые дают в армянском одну и ту же форму *getoy* для родительного, дательного и отложительного падежей единственного числа от слова *get* «река».

Укорачивание на один слог индоевропейских основ в армянском происходило обычно в именительно-винительном падеже единственного числа. В косвенных же падежах гласная выпавшего конечного слова, как правило, вновь восстанавливалась и сохранялась там уже в качестве тематической гласной. В результате постоянного и почти закономерного появления гласных в косвенных падежах и исчезновения их в именительно-винительном падеже (за некоторыми исключениями) гласные эти стали восприниматься как элемент, оформляющий основу косвенных падежей и маркирующий их; например: *sard* «паук» (именительно-винительный падеж единственного числа), *sard-i* (родительно-дательный падеж единственного числа), *haw* «птица, курица» (именительно-винительный падеж единственного числа), *haw-u* (родительно-дательный падеж единственного числа). Формирование основ косвенных падежей при помощи основообразующих гласных имело своим следствием возникновение в системе языка так называемых «грамматических» основ, при помощи которых осуществляется склонение имен. Основообразующий гласный стал необходим при построении всей парадигмы склонения (а также и спряжения) древнеармянского языка.

Если противопоставление прямых и косвенных падежей формирует систему склонения внутри одной парадигмы, то противопоставление тематических и атематических основ является признаком, на котором строится парадигматика склонения в целом.

«Грамматическая основа» слова в грабаре формируется при помощи основообразующих гласных *i*, *u*, *o*, *a*, *e*. В зависимости от локализации этих

[9] A. Meillet, Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne, 1936, стр. 19. Необходимо отметить, что в новейших исследованиях как это, так и другие положения Мейе в отношении армянского языка подвергаются пересмотру. Так, в частности, сейчас признается, что «структурное оформление слова в армянском языке поразительно близко к общеиндоевропейской модели структуры слова» (Э. А. Макаев, Значение армянского языка для реконструкции общеиндоевропейского состояния, «Историко-филологический журнал», 1967, 4 (39). стр. 85).

[10] Г. Б. Джаукян, указ. соч., стр. 153 и сл.

гласных в структуре слова «грамматические основы» могут быть гласными (или тематическими) и согласными (или атематическими). Кроме того, существует и промежуточный тип (гласно-согласный). При образовании гласных основ основообразующая гласная присоединяется к корню слова, являясь, таким образом, промежуточным элементом между корнем (или производной основой) и окончанием; например: *mard* «человек» (именительно-винительный падеж единственного числа), *mard-o-y* (родительно-дательный падеж единственного числа), *mard-o-c* (родительно-дательный падеж множественного числа). При образовании атематических основ основообразующая гласная появляется внутри корня перед конечным согласным-сонантом. Атематические основы в армянском языке сложились либо на базе индоевропейских атематических основ с исходом на сонант, либо по аналогии с ними; например: *eln* «олень», род.-дат. пад. ед. числа *el-i-n*, *astł* «звезда», род.-дат. пад ед. числа *ast-e-ł*.

После составления списка тех наименований животных, которые генетически восходят к индоевропейским корням, все слова были сгруппированы по основам, по которым они склоняются в армянском языке. Рядом с каждым словом указаны архетипы.

1. Гласные основы

Основы на *-i* в армянском языке, в целом представляя весьма продуктивную модель, насчитывают в своем составе (всего 810 корней) только семь индоевропейских названий животных [11]. Часть армянских *i*-основ восходит к индоевропейским атематическим основам с исходом на **-i/-ī/*, в том числе и к производным основам с суффиксами на **-ti-*, **-ni-* и др. К *i*-основам относятся:

ayc «коза» восходит к и.-е. жен. рода **aiĝī-* (ср. греч. αἴξ «коза», авест. *iz-aēna* «из козьей кожи»; иные, но близкие формы засвидетельствованы в санскр. *ajaḥ* «козел», литов. *ožỹs* «козел»).

iž «ядовитая змея, гадюка» может восходить к **eg^{u}̂his* (ср. греч. ὄφις, не носовые формы).

awj «змея» возводится к **ang^{u}̂hi* (ср. лат. *anguis-*, литов. *angìs* «змея», формы с носовым расширителем); Покорный (IEW, стр. 43) для понятия «змея, червь» приводил следующие корни: **ang^{u}̂hi* (> арм. *awj* «змея»), *eg^{u}̂hi* (>арм. дает *iž* «гадюка») и **eĝhhi-* (>арм. *ozni* «еж»).

tiz «клещ» восходит к и.-е. **deigh-* «щипающее насекомое» (ср. герм. *tīkan*, **tikkan-*, англ. *tike*, *tick* «жук-дровосек»).

k'arb «змея (царственная)»<**kṛp* или *(s)kṛp-* (с наращением *-p-*) восходит к и.-е. **ker-*, *sker-* «резать» (ср. греч. σκορπίος «скорпион, жалящая рыба», литов. *kerpù* «резать ножницами»).

gort «лягушка» < **wordo* или **wordł-*, которое, по мнению А. Мейе, напоминает балтийскую форму **wardyē-*(и.-е. основа на *-*yā*) [12]. В армянском наличествует еще и параллельная форма с основой на *-o*, которая, по-видимому, восходит к и.-е. **wordo-*. Другими словами, в армянском *o*-основа (*gort-o-y*) [13] восходит к и.-е. **wordo-*, а *i*-основа (*gort-i-*) — к и.-е. **wordł-*.

При анализе указанного списка названий животных, относящихся к *i*-основам, обнаруживается следующее: 1) часть этих основ происходит

[11] Количество основ подсчитано по спискам основ, помещенных в указ. соч. Г. Джаукяна, стр. 272—329.

[12] A. Meillet, указ. соч., стр. 75, 76.

[13] Возможны соответствия с санскр. *udra*, авест. *udra*, греч. ὕδρος «водяная змея» (см.: Р. Ачарян, Корневой словарь..., II, стр. 288).

из атематических индоевропейских *i*-основ (**angᵘ̯hi* > арм. *awj*, основа *awj-i* «змея»). Таким образом индоевропейские атематические основы с исходом на сонант *-i* (а также на *-ī*) в грабаре перешли в чистые *i*-основы. Причина этого — разрушение системы индоевропейских сонантов в армянском и их переход в разряд гласных; 2) другая часть гласных основ на *-i* восходит к индоевропейским основам женского рода на *-i̯ā* (**-ya*) или **-i̯e* (**-ye*), которые в именительном падеже принимали форму *-ī* (*ayc* «коза» < и.-е. **aigī*); 3) основы на *-i* в ряде случаев могут восходить к индоевропейским производным основам с суффиксами и различными расширителями. В таких случаях суффиксы в прямых падежах, теряя ударение, подвергаются разрушению: гласный элемент, как правило, выпадает, а согласный сливается с корнем, образуя новый корень, характерный для армянского языка. Так, корень **kr̥*-сочетаясь с суффиксом **-ti*, образовал производную основу **kr̥-ti*, а в армянском суффикс **-ti*, утрачивая в прямых падежах свой гласный элемент, сливается с корнем, образуя новый корень **krt* > *sard* со значением «паук» (ср. греч. καῖρος, **kəri-os* «ткань»); гласный суффикса вновь восстанавливается в косвенных падежах: *sard-i* (родительный падеж) уже в качестве основообразующей гласной [14].

Смешанные ***i/a*- основы** восходят во многих случаях к и.-е. **ā*-основам. В дальнейшем они стали вовлекать в свою орбиту и имена с другими основами, разрослись и образовали одну из наиболее распространенных в языке моделей. Тем не менее, индоевропейские названия животных здесь представлены в самом ничтожном количестве — всего 4 слова на 1040 основ.

buc «молочный ягненок» < **bhŭĝo-s*, ласкательная форма *bhukko-s* «козел, баран» (женский род на *-ā*, «коза») (ср. авест. *būza* «козел», новоперс. *buz* «коза, козел», в.-нем. *boc*, нов.-в.-нем. *Bock* «баран, козел»).

sag «гусь» возводится к **kău-*, **kĕu-*, **kū*. «кричащая птица» и непосредственно — к форме **kau̯ā-* (ср. церк.-слав. *sova* «сова», санскр. *śuka* «попугай»).

skund «щенок, собачка» [15] — по мнению Покорного (IEW, стр. 632), нет основания для объединения его со словом *šun* «собака» < **ḱu̯on-*, **kun-*, если последнее возвести к корню **ḱu̯on-to-*, *-tu*.

melu (род. пад. *melu-i*) «пчела» восходит к **mel-*, **meli-t*, род. пад. **melnes* «мед», который в армянском дает *metr* (род. пад. *melu*) «мед». По-видимому, последнее через форму **medhu-* перешло к *u*-основам. Арм. *melu* «пчела» (род пад. *melu-i*) соответствует греч. μέλισσα «пчела», алб. *mial'tse* «пчела». По мнению Бенвениста, индоевропейский корень **médhu*, от которого произошло слово «пчела», не поддается анализу: «... в таком существительном среднего рода, как **médhu*, членение на **médh-u-*, сколь бы правдоподобным оно ни выглядело, ни на что не указывает, так как его невозможно подкрепить ни веским доказательством того, что *-u-* является суффиксальным, ни установлением существования корня **médh-*» [16]; тем не менее, он все же считал возможным происхождение этого слова от глагольного или именного корня, распространенного посредством *-u* [17].

Основы на *-o* в армянском языке восходят обычно к индоевропейским тематическим *e/o*-основам, сохранившимся в довольно полном виде. На 617 имен с *o*-основами приходится 12 названий животных.

[14] В некоторых случаях переход индоевропейских основ в гласные основы в армянском представляется недостаточно ясным и требует дополнительного изучения.

[15] Г. Зольта считает *skund* сомнительным словом, так как оно, по его мнению, полностью отсутствует в современных армянских диалектах (см.: G. R. Solta, Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen, Wien, 1960, стр. 57, примеч. 54).

[16] Э. Бенвенист, *Индоевропейское именное словообразование*, М., 1955, стр. 206.

[17] Там же, стр. 77.

arǰ «медведь», для которого в армянском языке наряду с основой на *-o-* имеются факультативно основа на *-u-* и позже основа на *-i*, восходит к **ṛkpo-s* «медведь» (или *ṛk-s-o-s* рядом с *ṛk-to-s*?). Ср. санскр. *ṛ́kṣaḥ* «медведь» (муж. род.; жен. род *ṛkṣī*), авест. *arša*, осет. *ars*, белудж. *riš*, лат. *ursus*, греч. ἄρκτος. Некоторые авторы, полностью отрицая указанные соответствия слова «медведь», полагают, что в армянском языке это слово, как и в ряде других языков, восходит к слову «черный» (ср. нем. *Bär* «медведь», литов. *bė́ras* «темный»)[18]. Эта трактовка вызвана тем, что в слове *arǰ* (вместо предполагаемого **arc*) объяснение армянского *ǰ* вызывает большие трудности[19]. Зольта, категорически возражая против этих сомнений, признает армянское *arǰ* «медведь» бесспорной греко-албано-латино-армянской изоглоссой[20]. По данным В. И. Абаева, в осетинском языке сохранились общеиранские названия для двух последних «из трех крупных хищников, известных древнеиранскому миру — волка, медведя и лисицы» — *ars* и *rūvas*[21].

gayl «волк» — Покорный возводил слово «волк» к индоевропейскому корню **u̯ai-* (со значением междометия *Wehe!*), производная форма которого —** u̯ai-lo-s* стала выражением понятия «волк». Из формы *vay* «*Wehe*» образовалось арм. *gail* с первоначальным значением «воющий». Ср. галльск. **u̯ai-lo-s* в PN *Vailo*, *Vailico* (IEW, стр. 1110—1111). Для существительного «волк» в индоевропейском имеются два корня **u̯ai-lo-s* (*vḷyo-*) и **u̯l-qu*, для которых общим корнем считается **u̯el-*. Наличие этих двух корней подтверждается материалом армянского языка, в частности, здесь для склонения этого слова используются две основы — *o*-основа (*gayl-o-y*) и *u*-основа (*gayl-u*). По мнению А. Мейе, в число многих тематических имен, не входящих ни в какую определенную категорию, следует включить и наименование «волк», ср. санскр. *vṛ́kaḥ* «волк», авест. *vəhrkō*, др.-слав. *вльк*ъ (род. пад. ед. числа русск. *волка*), литов. *vil̃kas*[22]. Г. Зольта предложил вычеркнуть слово *gayl* из списка индоевропейских корней, так как армянская форма трудно поддается объяснению звуковыми соответствиями, и здесь, скорее всего, речь должна идти о табулированных образованиях первоначального слова, что характерно в данном случае не только для армянского языка — в кельтском, например, вообще нет слова «волк». Арм. *gayl* «волк» сравнивают иногда с др.-ирл. *fael*, *fael-chu* «волк» — по мнению Г. Зольта, это пример армяно-кельтских изоглосс[23]. В целом же этот вопрос еще более осложняется при сравнении арм. *gayl* с груз. *mgeli* «волк», ингушск. *gel*, мегр. *geri*, *ngeri*, лазск. *mgeri*[24].

ēš «осел» — согласно этимологии Педерсена, восходит к и.-е.**ek̑u̯o-s* «лошадь», авест. *aspa-*, греч. ἵππος, лат. *equus*[25], в осетинском оно отмечено с протетической *y-* в форме *jäfs*. В армянском наряду с основой на *o-* (*iš-o-y*) факультативно употребляется и основа на *-u* (*iš-u*). Связь арм. *ēš* «осел» с и.-е. *ek̑u̯os* ставится под сомнение, например, в словаре Вальде-Гофмана, где лат. *asinus* «осел» (а отсюда и гот. *asilus*, др.-в.-нем. *esil*, др.-болг. *osьlъ*, литов. *ãsilas*, др.-прусск. *asilis*) трактуется как заимст-

[18] См. об этом: F. Scheftelowitz, Zur Lautlehre der altarmenischen Sprache, «Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen», 28, 1904, стр. 293; 29, 1905, стр. 17.
[19] См.: Р. Ачарян, Корневой словарь..., I, стр. 841.
[20] G. Solta, указ. соч., стр. 132.
[21] В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, I, М.—Л., 1958, стр. 69.
[22] А. Мейе, указ. соч., стр. 269.
[23] G. Solta, указ. соч., стр. 32—33.
[24] См.: Р. Ачарян, Корневой словарь..., II, стр. 54.
[25] H. Pedersen, Zur armenischen Sprachgeschichte, KZ, XXXVIII, N. F. XVIII, 1905, стр. 197; его же, Armenisch und die Nachbarsprachen, KZ, XXXIX, N. F. XIX, 1906, стр. 404.

вование из одного из малоазийских языков на юге Понта (через фракийско-иллирийское посредство); то же самое утверждается и в отношении армянского *ēš* «осел», род. пад. *iš-o-y* (а отсюда уже и тюркское *ešék*, *ešik* «осел»). Ср. коллективную форму в арм. *išan-k‘* «ослы», греч. ἴννος «помесь жеребца и ослицы» из понт. *išno-* [26].

erinǰ «телка» восходит к **er-*, *eri-* «козел, овца, корова». Ср. арм. *or-oǰ* (ассимилированное из **er-oy*), греч. ἔριφος (**eri-bho*) «козлик, молодая коза», др.-ирл. *heirp* < **erbhī*.

ǰi «лошадь» восходит к корню **ĝhei-* «подгонять, приводить в действие», ср. санскр. *háya-ḥ* «конь» (поэтический термин) наряду с *áçvaḥ* «конь, лошадь». Арм. *ǰi*, род. пад. *ǰi-o-y* «живой (?)» имеет и вторую основу на *-u*. По мнению Э. Макаева, в армянском общеиндоевропейское название лошади не сохранилось, а слово *ǰi* является, по-видимому, консервацией из области индоевропейской поэтической или сакральной лексики, подвергшейся профанации на армянской почве [27].

mozi «теленок» возводится к **mozĝho-s* «молодой вол, бык», рефлексы которого сохранились только в армянском и в греческом, см. μοσχίον, уменьшительное от μόσχος муж. род «молодой теленок» (IEW, стр. 750).

lu «блоха» восходит к **blou-*, *plou-*«блоха», с индоевропейскими суффиксами *-k-*, *-s-* и изменениями, которые могли быть обусловлены табу. С начальным *p-* — санскр. *plúši-*; арм. *lu* от **plus-*; ср. др.-в.-нем. *flôh*.

boṙ «овод» восходит к форме **bher-* «жужжать»; ср. санскр. *bambara-ḥ* «пчела», греч. πεμφρηδών «оса», серб. *bümbar* «шмель». По наблюдениям Г. Зольта, все индоевропейские языки, за исключением армянского, образуют это слово путем редупликации корня [28].

ak‘ałał «петух» восходит к **kḷ-* «кричать, шуметь» и образовано в армянском путем редупликации корня (что характерно для образования названий птиц, например: *cicaṙn* «ласточка»). Ср. санскр. *uṣa-kala* «рано поющий; петух», *kalakala* «крик», греч. καλέω «кричу, зову», церк.-слав. *klakolъ* «колокол». Кельтское слово «петух» также восходит к этой форме—ср. др.-ирл. *cailech*. Этот корень имеет случайное сходство с кавказскими языками (авар. *keleko*, черкес. *atagə*) [29].

mun «муха» восходит к **mū-*, **mu-no* [30] от и.-е. **meus*, ср. др.-в.-нем. *mucka* «муха», русск. *муха*.

cin «хищная птица; сокол», ср. и.-е. **kyīno-*. В качестве параллельных форм можно привести греч. ἴκτῖνος, санскр. *çyēna* «орел, ястреб», авест. *saena* и перс. *sīmury* — Покорный, однако, не считал их таковыми. Ачарян возводит *ċin* к форме **kyīno* [31].

anic «гнида» восходит к **knid-* «вошь, гнида» через арм. **nid-s* (IEW, стр. 608).

Таким образом, многие из этих названий, которые в армянском перешли в *o*-основы, восходят к индоевропейским *o*-основам и сохранили тематический гласный *-o* (*ṛk̂po-s* «медведь», *ek̂uo-s* «осел», *mozĝho-s* «теленок»).

[26] См.: A. Walde — J. Hofmann, Lateinisches etymologisches Wörterbuch, I, Heidelberg, 1938, стр. 72—73. Следует, однако, указать на то, что Р. Ачарян в одной из своих работ настаивал на сопоставлении лат. *equus* с арм. *ēš* на основе действия закона перехода *e* в *ē* в позиции перед *š*, *ž* и некоторыми другими согласными. См.: H. Adjarian, Étymologies arméniennes, MSLP, 15, 4, 1908, стр. 243.

[27] Э. А. Макаев, Армяно-индоевропейские лексические изоглоссы и ареальная лингвистика, ZfPh, 20, 5/6, 1967, стр. 454—455.

[28] G. Solta, указ. соч., стр. 139.

[29] Р. Ачарян, Корневой словарь..., I, стр. 84.

[30] Для армянского языка выявляются две возможные формы: **mus-no* или **mu-no*. Суффиксы *s-/k-/*, *-n-* в индоевропейском вообще часто могут смешиваться (см.: G. R Solta, указ. соч., стр. 191, со ссылками на Бугге и Шпехта). Наиболее вероятной формой для армянского представляется форма **mu-no*.

[31] Р. Ачарян, Корневой словарь..., VI, стр. 1065.

Среди этих названий, сохранивших индоевропейские *o*-основы, можно найти как корневые слова, так и производные, образованные при помощи суффиксов **-lo-*, **-ро-*, **-no-* и др., например: *mū-no* (**mūs-no*) «муха» с суффиксом *-no-*, **pō-lo* с суффиксом **-lo-* > *ul* «козленок». При наблюдающемся здесь разрушении суффикса его консонантный элемент сливается с корнем, образуя с ним неразложимое целое, новую структуру — армянское слово. Гласная же, исчезнувшая в прямых формах имени, вновь восстанавливается в косвенных падежах, формируя «грамматическую» основу.

Вместе с тем, имена в грабаре, теряя категорию рода, часто переходят в *o*-основы. К числу этих слов относится, в частности, название «мухи» — *mun*, которое в других языках относится к женскому роду, например, др.-в.-нем. *mucka* «муха», русск. *муха* и др. В некоторых случаях основания для перехода индоевропейских корневых основ в армянском языке в *o*-основы остаются пока неясными.

Смешанные *o/a*-основы включают в себя группу слов, которая от чистых *o*-основ отличается тем, что образующая их гласная не остается неизменной во всех косвенных падежах, как это бывает у простых гласных основ, а чередуется с *a*, начиная с творительного падежа ед. числа. К этим основам относятся имена с исходом на *-i*, который восходит к индоевропейским суффиксам **-iio* или **-iiā* (**-iə*). Например, слова *makʿi* «баран-самка», *mari* «птица-самка» [32].

Смешанное *o/a*-склонение является результатом смешения индоевропейских основ муж. и ср. рода на **-iyo* (**-io*, **-yo*), который дает в армянском основу на *-wo*, и жен. рода на *-iyā*, который дает основу на *-ea* [33]. Сюда относятся всего четыре индоевропейских названия (они приходятся на 80 основ) на *-i*.

arcui «орел», корень которого восходит к **reg-* «направлять прямо»,— из **rgipyo*, с протезой *a* перед начальным сонантом и производной основой на **-yo* (**arcivi* > *arcwi*).

makʿi «баран-самка», восходит к ономатопоэтическому корню **mek-* со значением «блеять»; ср. санскр. *mēkā-* «козел», греч. гомер. μηκᾶσθαι «блеять», ср.-в.-нем. *mecke* «козел».

mari «птица-самка, курица» восходит к индоевропейскому корню **mṛtī* «молодуха» > **mério-*, ср. санскр. *maryá*, греч. μείραξ «девушка», литов. *martì* «молодая невестка».

ozni «еж» с корнем **eghi-* произошло из **oghinio*. Другие языки имеют параллельную форму из **eghi-*: греч. ἐχῖνος, англо-сакс. *igil*, нем. *igel*, голл. *egel*, др.-слав. *ježĭ*, польск. *jeż*, русск. *еж*, осет. *uzun*, *uzin* «еж»; случайное сходство — с чечен. *zu* «еж».

Основы на *-u* в грабаре включают в себя всего 103 корневых слова, и тем не менее, удельный вес индоевропейских корней — названий животных в системе этих основ весьма велик. Из 23 корней — названий животных, относящихся к *u*-основам, 9 имеют индоевропейское происхождение [34], а 14 являются либо заимствованиями, либо новообразованиями, либо имеют неизвестное происхождение. По мнению А. Мейе, *u*-основы в грабаре восходят к индоевропейским атематическим основам на *-u* и *-ū* [35]; сюда же можно отнести и основы с суффиксами **-tu*, **-teu*.

---

[32] См.: E. Gjandschezian, Beiträge zur altarmenischen nominalen Stamm bildungslehre, «Zeitschr. für armenische Philologie», 1, 1903, стр. 36—37.

[33] Г. Джаукян, указ. соч., стр. 240.

[34] К тому же существительное *arǰ* «медведь» относится одновременно и к *u*- и к *o*-основам.

[35] A. Meillet, указ. соч., стр. 76.

К *u*-основам относятся следующие названия животных.

kov «корова» восходит к *g^{u}ŏu-* «бык, вол», им. пад. ед. числа *g^{u}ŏus*, род. пад. *g^{u}os*, ср. санскр. *gáuḥ*, авест. *gāuš*, лат. *bōs*, *bovis* «вол», слав. *govędo* «крупный рогатый скот» [36]. По мнению Э. Бенвениста, «наименование „коровы, быка"... восходит к двум основам. Первоначальной формой, предшествовавшей грамматическому роду, является *g^{u}ōu̯*, род.-отлож. падеж *g^{u}ou̯-os-*(основа на согласный); ср. греч. βοῦς, лат. *bou-is*. В дальнейшем им.-вин. падеж *g^{u}ŏu̯* дифференцировался, образовав им. пад. одушевленного рода *g^{u}ŏu-s* (санскр. *gaúḥ*, греч. βοῦς, лат. *bōs* с диалектным *b-*) и вин. пад. *g^{u}ŏu-m* > *g^{u}ōm* (санскр. *gā́m*, авест. *gām*, дорийск. βῶν, умбр. *bum*). На базе первичного *g^{u}ŏ-u* возникло производное *g^{u}-é/ou̯-*, которое дало им. пад. санскр. *gáuḥ*, засвидетельствованное в сложении формой *gu-*, и косвенные падежи, вошедшие в индо-иранскую парадигму: род. пад. ...*g^{u}-ou̯-s* (авест. *gəuš*, санскр. *góḥ*...), дат. пад. *g^{u}-ŏu̯-ei* ... и т. п.» [37].

haw «птица, курица» возводится к и.-е. **au̯ei* «птица», возможно, имея в таком случае проклитическое *h-*; однако это слово может принадлежать и форме **pəu̯-*, *pōu̯* «молодь» (ср. слав. *pъta-* «птица»). В армянском *haw* представлено и смешанной основой на *o/a*.

aluēs «лиса» восходит к **u̯l̥p*, *-lup-*, обозначающему хищное животное (из породы собакообразных — например, «лисица», «шакал», «волк»). Армянское слово произошло из формы **alōpekú(s)*. Ср. др.-инд. *lōpā́śaḥ* «шакал; лиса», греч. ἀλώπηξ «лиса» (жен. род), литов. *lãpe* «лиса» (ср. и.-е. *u̯l̥-p-*, *lu-p-e*, **u̯l̥-q*^{u} «волк» в значении «рвущий зверь» наряду с более простыми корнями **u̯el*, *vellō*, *voltur* [38].

arīwc «лев», возможно, восходит к **reug*. Ачарян сопоставляет это слово с лат. *rugire* «реветь, рычать», литов. *rūgóti* «рычать».

inj или *inc* «барс», восходит к **singha-*; ср. санскр. *siṁhaḥ* «лев», в других языках не сохранилось.

ort^{c} «теленок» возводится к **per-* «рождать; производить»; ср. авест. *pṛthuka* «вол, теленок, детеныш» с частицей *-thu-*, греч. πόρις, πόρταξ, πόρτις «теленок, телка», чеш. *s-pratek* «недоношенный теленок». Армянская форма восходит к **pṛthu-*, с частицей *-thu-*.

ul «козленок» восходит к корням **pōu-*, *pəu-*, *pŭ-* «маленький, мало», которые часто употребляются для обозначения детенышей животных; *pō*[*u*]*-lo-s* «молодняк», в армянском *ul* < **pō*[*u*]*los-* «коза»; ср. арм. *amul* «бесплодный» из **n̥-pōlo* (IEW, стр. 818). Слово *ul* «козленок» в армянском параллельно имеет основу на *-o* (*ul-o-y*).

jag «детеныш животного, птицы» < **ĝhag^{u}h*. Ср. новоперс. *zag*. Покорный считает арм. *jag* заимствованием из персидского (IEW, стр. 409).

çul (***çlu***) «бык» восходит к **skulu-* «молодой бык», позже просто «бык». Корень сохранился только в греческом σκύλαξ «щенок» (где αξ — частица), σκύλιον «морская собака; щенок», лат. *juvencus* «детеныш животного, бычок». Педерсен форму *çul* возводил к *uqsōlo-*, а Марр считал ее соответствием абхаз. *açə*, аварск. *oç* [39].

В указанной группе имен животных, прежде всего, выделяются основы, которые восходят к индоевропейским атематическим основам на сонант **-u̯*. К ним следует отнести существительные *ort^{c}* «теленок» из **pṛtu-*; существительные *aluēs* «лиса» можно возвести, по-видимому, к и.-е. **alō-*

[36] По данным О. Н. Трубачева *govędo* как общее название животного известно всем славянским языкам (см. его указ. соч., стр. 35).

[37] Э. Бенвенист, указ. соч., стр. 85.

[38] A. Walde — J. Hofmann, Lateinisches etymologisches Wörterbuch, I, стр. 836—837.

[39] См. об этом: Р. Ачарян, Корневой словарь..., IV, стр. 1091.

peku-, *ɕul* «бык»— к **skulu*; впрочем эти слова по данным других языков подтверждаются недостаточно. Существительные *kov* «корова» и *haw* «птица, курица», восходящие соответственно к **g^{u}ōu-* и **aɣei-*, перешли в армянском в *u*-основы в результате того, что они в прямых формах оканчиваются на *v*, *w* [40]. Основы *inc*< **singha* «барс», *jag* >**ĝhāg^{u}h* «птенец», *aṙiwc*< **reug-* «лев» корневые, они перешли в *u*-основы, по-видимому, на основе семантического признака (как названия животных). Существительное *ul* «козленок» из **pō-lo* (корень **pō-*, **pou-*, **pu-*), повидимому, можно отнести скорее к *o*-основам и считать восходящим к индоевропейским производным основам. Наличие двух основ (одновременно основы на *-o-* и на *-u-*) отмечено не только у этого, но и у ряда других слов в грабаре. В названиях животных, относившихся первоначально к *o*-основам, довольно часто случается переход во вторичные *u*-основы — в источниках же в качестве первичных неточно приводятся *u*-основы. Переход *o*-основ в *u*-основы объясняется сближением гласных *o* и *u* в грабаре по месту образования — аналогичное явление наблюдалось в общеиндоевропейском в отношении сонантов **i̯* и **u̯*. Катализатором, способствующим переходу *o*-основ в *u*-основы, в армянском могла явиться развивающаяся тенденция группировать имена животных вокруг *u*-основ.

2. Согласные основы

Основы на сонант *-n* — наиболее продуктивные в грабаре среди согласных основ с исходом на один из сонантов (*-r*, *-l*, *-n*). Согласные основы на *-r*, *-l*, *-n* обнаруживают определенное структурное сходство, что, возможно, объясняется их общим происхождением. Характерно, что в то время как из 130 слов, относящихся к *n*-основам, 11 являются индоевропейскими названиями животных, в группах *l*- и *r*-основ не обнаружено ни одного такого названия.

В группу *n*-основ входят нижеследующие названия.

šun «собака» восходит к и.-е. **k̑u̯ōn*, *k̑un*, первоначальная форма им. пад. ед. числа **k̑u̯ō(n)*, род. пад. **k̑uu̯nós*. Ср. др.-инд. *ɕúvā*, *ɕvā*, авест. *spā*, греч. κύων, лат. *canis*, гот. *hunds*, тохар. *ku*, фриг.-фрак. καν-, хет. иероглиф. *šuwana-* [41].

gaṙn «ягненок» — из **u̯aren* «овца, ягненок»; ср. санскр. *uran-* (из **vuran-*), новоперс. *barra* (**varnak*) «ягненок», пехлев. *vaṙak* «баран».

aṙn «тур; дикий баран», корень **eres-* «течь», основа **ṛs-en* «самец». Ср. греч. гомер. ὀρς-ήν «мужской», авест. *arš-an* «самец, мужчина». Армянская форма образовалась при помощи вторичного индоевропейского носового суффикса **-en*.

eln «олень» возводится к **-el-*, **ol-*, «корням, обозначающим названия цвета». Армянская форма — из производной основы **el̥-n* >*el-en* > *eln* «олень»: нулевая ступень — *l-ŏn* (IEW, стр. 303). Бенвенист считает, что слово «олень» в индоевропейских языках явилось результатом древнего чередования, при котором форма на **-en-*, образующая основу косвенных падежей или производных основ, противополагается самому корню, образующему им.-вин. падеж без какого-то ни было распространения. Так, **elen-* «олень» (греч. ἔλα-φος, ст.-слав. *ѥлень*, арм. *eln*, ср. кимр. *elain(t)* «лань»), несомненно, является остатком древнего чередования **el-*: *el-en*, как **ok-*: **ok-en* и т. д. [42].

---

[40] A. Meillet, указ. соч., стр. 76.

[41] «Сохранение в славянском формы, продолжающей и.-е. **k̑u̯ōn*», следует, по мнению О. Н. Трубачева, «считать пока не доказанным» (указ. соч., стр. 22).

[42] Э. Бенвенист, указ. соч., стр. 49.

mrǰiwn (основа *mrǰean*), *mrǰimn* (основа *mrǰman*) «муравей» восходит к **moru̯ĭ*, *mormo* > **mur-*(*mōr-*?) + суффикс *ǰ* + суффикс *-iwn* (суффикс *-iwn* восходит к *i* + *ōn*) либо *moru̯i* + суффикс *i-mn̥* (суффикс *-imn̥* восходит к *i* + и.-е. *-mn̥*) [43]. Покорный считает армянскую форму **murǰ-imno-* неясной (IEW, стр. 749).

tʿitʿeṙn «бабочка» из корня **pter-*, *ptr̥* + *n* > *pet*, *petə*, *ptē-* «летать». Форма *ptō-* имеет основы на *-r/-n*. В армянском **ptr̥-* + частица *-n* дает *tʿitʿeṙn* при характерной для армянского редупликации корня.

Ономатопоэтическое слово *kṙunk* «журавль» из **ger-* «хрипло кричать» образовано с помощью форманта *-en*, расширенного через *-u-* и *-g-*: **ge-ru-n-g* > *kṙunk*. Ср. греч. γέρην, γέρανος «журавль», лат. *grūs*, др.-англ. *cran*, др.-в.-нем. *kranuh*.

cicaṙn «ласточка» из **gār-* «кричать» образовалось через посредство **ĝarā*, *ĝar-mo* «крик, жалоба» (палатализованная форма в осет. *zarun* «петь»). Арм. *cicaṙn* «ласточка», *cicaṙnuk* «соловей» представляют собой редуплицированную форму: **ĝoi̯-găr-ŏn* или *ĝoi̯-găr-no* (IEW, стр. 352).

jukn «рыба» восходит к *ĝhđū* + *kn* (или *ghi̯ū-*?) + расширитель. Г. Зольта считает, что на распространении этого слова особенно отчетливо видна индоевропейская диалектная членимость. Для западного ареала слово «рыба» имеет формы типа лат. *piscis*, др.-ирланд. *iasc*, гот. *fisks* санскр. *matsya*, слав. *ryba*. Армянское же слово входит в одну группу с греч. ἰχθύς и соответствующими словами балтийских языков: литов. *žuvìs*, латыш. *zùvs*, *zivs* «рыба», др.-прусск. *suckans* (вин. пад. ед. числа). В словообразовательном отношении армянское слово ближе к балтийским: гуттуральное расширение в *ju-k-n* напоминает др.-прусск. *suckans*, с которым можно связать литов. *žuklỳs*, *zuklė* «рыболовство», *žuklauti* «удить» [44]. Наподобие *ju-ku* в армянском образуется и существительное *mu-ku* «мышь».

mukn «мышь» из **mūs* «мышь». Ср. санскр. *mū́ṣ* «мышь», греч. μῦς с род. пад. μυός, лат. *mūs*, алб. *mi*, др.-в.-нем. *mūs* «мышь». Все формы обычно не имеют чередования гласных. По мнению Г. Зольта, армянская форма *mukn* «мышь» отличается от других индоевропейских языков благодаря своему суффиксу *-kn* [45]. По данным Ф. Шпехта суффикс *-k-* (и.-е. **-g-*) является характерным для индоевропейских названий животных [46]. Ср. *mlu-k-n* «клоп», *mžłu-k-n* «комар», *ju-k-n* «рыба». Исходной моделью для этих форм, по мнению Ачаряна, является форма *jukn* «рыба», где расширитель *-k-* наблюдается и в других индоевропейских языках, в частности в балтийских. Г. Зольта делает интересное наблюдение о том, что между *u*-основами и гуттуральным расширителем существует определенное сродство (Affinität) [47].

ezn (основа *ez-in*) «вол» восходит к **-eĝh-*, *aĝh-* «беременное животное». Ср. санскр. *ahī* «корова», авест. *azī* жен. род «беременная». По мнению Зольта, в армянском слове отражен индоевропейский *e*-вокализм (в кельтском — *a*-вокализм; санскрит и авестийский в вопросе об *a-* и *e*-вокализме безразличны [48]). Армянская форма с *-n* изолирует это слово от его соответствий в других индоевропейских языках. Выражались сомнения в индоевропейской принадлежности слова *ezn*, которое рассмат-

---

[43] См.: Г. Джаукян, указ. соч., стр. 176.
[44] G. Solta, указ. соч., стр. 317—319.
[45] Там же, стр. 189.
[46] F. Specht, Der Ursprung der indogermanischen Deklination, Göttingen, 1947, стр. 213.
[47] G. Solta, указ. соч., стр. 190.
[48] Там же, стр. 302.

ривалось как заимствование из кавказских языков — ср. чечен *ēsi* «теленок», удин. *uz* «вол», табасар. *unza*, лакск. *nic* (IEW, стр. 7). А. Мейе относится к этому осторожно [49].

Согласные (атематические) *n*-основы, генетически восходящие к индоевропейским атематическим основам на **n* (*-m*) (формы на **-m* утрачены в армянском), сохраняют здесь наиболее архаичную черту — чередование гласных, например: *harsn* «невеста», род.-дат. пад. *hars-i-n* «невесты», твор. пад. *hars-a-mb* «невестой», им. пад. мн. числа *hars-un-kʿ* «невесты», где чередование *-in-*, *-an-*, *-un-* отражает и.-е. чередование **-en-$^{e}/_{o}$s* [50].

При рассмотрении списка индоевропейских корней, перешедших на армянской почве в *n*-основы, обнаруживается сложная картина трансформаций индоевропейских основ в армянском. К *n*-основам относятся следующие группы слов.

1. Слова, которые генетически восходят к корневым, атематическим индоевропейским *n*-основам. Например, *šun* «собака» из и.-е. **kṷōn-/ *kwōn*, которое в протоармянском дало **kuun* (> *šuun*); а оно развилось в **kun* (*šun*) путем стяжения *šuun* > *šun*. Имея в виду, что род. падеж в протоармянском потерял окончание, следовало бы ожидать одинаковые формы для род.-дат. падежа. Но язык пошел по другому пути; он разработал средства различения им. падежа от род.-дат. имен *n*-основ путем использования гласного *a*, имеющегося в твор. падеже, т. е. и.-е. форма твор. падежа* *kṷn̥bhi* в армянском дала **kuánbi* > *šámbi* > *šamb* [51].

Существительное *gaṙn* «ягненок», в свою очередь, произошло из и.-е. **uəren* «баран, овца, ягненок» при выпадении гласного конечного слога: **vərēn* > *vərn* > *gaṙn*.

2. Производные индоевропейские основы, образовавшиеся в индоевропейском при помощи носовых суффиксов *-no*, *-mo*; *-en*, *-on*, *-n*, *-n̥*; *-men*, *-mon*, *-mn*, *-mn̥*, которые присоединяются к индоевропейским атематическим согласным основам: а) при этом согласные основы могут образоваться в результате потери гласного элемента в суффиксах типа **-no*, **-mo*, имеющего следствием переход имени из *o*-основ в армянском в группу согласных *n*-основ. Например, *mūs-no* (*mu-no*) > *mun* «муха», где носовой элемент суффикса *-no*, после утери гласного *-o* сливаясь с корнем, стал восприниматься как основообразующий элемент; б) армянские согласные основы на *-n* могли образоваться из производных корней с суффиксами **-en*, **-on*, **-n*, *-n̥*. Существительное *aṙn* «тур» образовалось из основы с нулевым аффиксом при помощи вторичного суффикса **-en-*: **ars-en*, ср. авест. *arš-an-* «самец», гомер. ἄρσ-εν-, ἔρσ-εν «мужской» [52]. То же самое и со словом *eln* «олень» из **el* + **en*. Существительное *mṙǰiwn*, *mṙǰimn* «муравей» восходит к корню **mur-*(*mōr-*) и получает суффиксы *-ˇ-*, *-iwn-* (< и. е. **i* + *ōn*) [53].

Существительное *tʿitʿeṙn* «бабочка» из *pter* «летать». Конечное *-n* в армянском прибавилось позже. В существительном *jukn* «рыба», образовавшемся, по-видимому, из **ĝhdu* + *kn* (или *ghu̯ī̆*?),где *-kn* — расширитель, как и в существительном *mu* + *kn* «мышь».

3. В ряде случаев появление конечного *-n* и переход имен из группы других основ в *n*-основы является результатом аналогии, под влиянием индуцирующего воздействия *n*-основ на другие основы (например, в случае *ez-n* «вол»).

[49] A. Meillet, Etymologies arméniennes, MSLP, X, стр. 278.
[50] Там же, стр. 61.
[51] См.: Г. Джаукян, указ. соч., стр. 175.
[52] А. Мейе, указ. соч., стр. 274.
[53] См.: Г. Джаукян, указ. соч., стр. 176.

На материале индоевропейских названий животных, сохранившихся в армянском языке, выше была сделана попытка проследить те трансформации индоевропейских основ указанных имен, которые происходили на армянской почве. При этом было установлено следующее.

1. Все 47 индоевропейских названий животных, сохранившихся в армянском языке, распределились по типам основ так, как показано в табл. 1.

Таблица 1

Типы основ в арм. языке	Кол-во слов	Общее кол-во всех названий животных	Из них названия и.-е. происхождения
Гласные *i*-основы	810	15	7
Гласные *i/a*-основы	1040	22	4
Гласные *o*-основы	617	30	12
Гласные *o/a*-основы	80	8	4
Гласные *u*-основы	103	24	9
Согласные *n*-основы	130	13	11
Согласные *r*-основы	40	1	—
Согласные *l*-основы	6	1	—
Гласные *a*-основы	24	1	—
			Всего 47

Из табл. 1 видно, что распределение индоевропейских названий животных по основам в армянском языке происходило весьма неравномерно. В некоторые типы основ (например, согласные *r*- и *l*-основы, гласные *a*-основы) не попало ни одного такого названия. В то же время, наибольшее количество названий животных приходится на долю тех основ, которые в языке имеют наименьший удельный вес, — это *u*-основы и частично *o/a*-основы; именно на эти основы и на гласные *o*-основы приходится подавляющее большинство названий животных (25 слов из 47). На долю согласных *n*-основ выпало 11 названий. Среди же продуктивных в армянском языке *i*-, *i/a*-основ насчитывается наименьшее количество индоевропейских названий животных (всего 11) [54].

2. Основы имен индоевропейского происхождения в армянском несут в себе различные модификации и трансформации, произошедшие с ними на собственно армянской почве. Сопоставительный анализ индоевропейских основ названий животных и их армянских соответствий показал следующее: а) в одних случаях сохранилось соответствие армянских основ индоевропейским основам: армянские гласные *o*-основы, например, сформированы, в основном, на базе индоевропейских тематических *e/o*-основ, которые оказались наиболее стойкими, как нам представляется, потому, что первоначально не были дифференцированы по роду, противопоставляясь в целом женскому роду (*a*-основам), и тем самым более соответствовали характеру армянского языка, элиминировавшего категорию грамматического рода [55]; б) армянские основы являются трансформацией индоевропейских основ на армянской почве. Например, индоевропейские

[54] Согласно наблюдениям Джаукяна к типам гласным *u*-, *o*-основ и согласным *n*-основ в грабаре могли относиться, за некоторым исключением, только одно- или двусложные имена, которые представляют наиболее архаичный слой в языке (Г. Джаукян, указ. соч., стр. 116 и сл.).

[55] Это наше предположение вызывает возражения; в частности, по мнению Э. А. Макаева, «стойкость» индоевропейских *o*-основ можно объяснить скорее всего тем, что указанные основы имели наиболее четко дифференцированную падежную парадигму и являлись наиболее стандартной парадигмой (из личной беседы).

атематические основы с исходом на сонанты *ī*, *ū* преобразовались в армянском в гласные тематические основы [56].

3. На формирование основ в армянском языке влиял не один фактор, а целый комплекс, из которого можно в общих чертах выделить фонетические, морфологические и семантические факторы:

а) фонетический фактор (наиболее существенный). Переход индоевропейских атематических *ĭ̆*-, *ŭ*-основ в армянском языке в тематические гласные *i*- и *u*-основ произошел вследствие разрушения индоевропейской системы сонантов на армянской почве. В результате этого *i* и *u* перестали восприниматься как позиционные варианты сонантов и превратились в самостоятельные гласные.

Другой пример: индоевропейские атематические основы с исходом на осонанты (**r*, **l*, **n*) послужили в армянском языке базой для формирования согласных основ на *-r*, *-l*, *-n*. В целом индоевропейские атематические основы на **n* (а также **r*, **l*) в армянском представлены их сочетанием с предшествующим гласным (**n̥*, **r̥*, **l̥* > **an*, **ar*, **al* и **-en*, **-on*, как и **-in*, **-un*) [57], которые появляются лишь в косвенных падежах и воспринимаются в качестве основообразующего гласного, формирующего согласные атематической основы.

б) Морфологический фактор. Здесь прежде всего стоит указать на интенсивно протекающий процесс разрушения индоевропейских суффиксов (как носовых, так и не носовых) в производных основах, что приводило к сдвигам на границах морфемных швов и преобразованию корней. Так, индоевропейская производная основа **mu-no* > арм. *mun* «муха» с основой *mn-o-y* из корня *mun*; и.-е. **pō-* (*pou-*, *pu-*) > **pō-lo* преобразовалась в арм. *ul* «козленок», **gheyos* > арм. *ji* с основой *ji-o-y*. Морфологическая трансформация вела, главным образом, к тому, что индоевропейские суффиксальные основы, благодаря частичному или полному разрушению суффикса на почве потери ударения, превращались в армянском в корневые слова со структурно иной моделью корня — консонантный элемент суффикса сливался с корнем, а гласный элемент исчезал в прямых падежах, восстанавливаясь в косвенных падежах, уже в новом значении, а именно в качестве основообразующего гласного. Так, и.-е. корень **kr-*, снабженный суффиксом,—**kr + ti* — в армянском дает корень *sard* «паук», где гласный элемент суффикса восстанавливается лишь в косвенных падежах, образуя так называемую «грамматическую» основу *sard-i*. В результате аналогичного преобразования возникло арм. *mard* «человек; смертный» из и.-е. **mr̥-to* «мертвый» (ср.санскр. *mr̥ta* = авест. *mərəta* «мертвый»). Здесь произошло слияние суффикса **-to* с корнем, что в протоармянском дало, по-видимому, **mart* > *mard*, где исчез гласный компонент суффикса — он восстанавливается в косвенных падежах: *mard-o-y* (род.-дат. падеж ед. числа).

Поскольку в подавляющем большинстве изучаемых случаев представлены индоевропейские производные образования с первичными или вторичными суффиксами и расширителями, можно утверждать, что так называемые корневые слова в армянском — результат преобразования индоевропейского корня и суффикса и дальнейшего их слияния.

Индоевропейские суффиксы на армянской почве могли разрушаться либо полностью, либо частично. Из одного и того же индоевропейского корня, в зависимости от распространявшего его комплекса суффиксов и расширителей, в армянском языке могли образоваться различные корни

---

[56] Индоевропейские атематические основы с исходом на гласный в армянском, как, впрочем, и в ряде других языков, исчезли.

[57] См.: Г. Джаукян, указ. соч., стр. 159.

с различными значениями: один и тот же индоевропейский корень **eĝhi-* в распространенной форме **eĝhi-no-s* дал начало слову *ozni* «еж», а в форме **eg^{u}hi* — слову *iž* «ядовитая змея» и, наконец, в форме **ang^{u}hi* (с носовым расширителем) — слову *awj* «змея». Причем первое из них — *ozni* «еж» относится к *o*-основам, а вторые два — к *i*-основам.

в) Семантический признак. В грабаре, как нам представляется, в связи с утратой грамматического рода наблюдается тенденция к группировке имен с общим лексико-семантическим признаком вокруг определенных типов основ. Так, вокруг *u*-основ, которые сами по себе являются наименее продуктивным типом, сгруппировалось относительно большое количество названий животных — почти $^1/_4$ общего количества всех слов, относящихся к этому типу основ.

Группировка имен вокруг тех или иных типов основ на базе лексического признака, по-видимому, может свидетельствовать еще и о том, что в эпоху обособления армянского языка от общеиндоевропейского, когда при трансформации имен происходило разрушение конечного слога, выполнявшего ряд важных функций, тяготение лексических групп имен (для обозначения животных, деревьев, камней и т. д.) к определенным основам было средством сохранения равновесия в языке. Другими словами, семантическое распределение имен по основам могло явиться, как нам представляется, своего рода компенсацией за потерю грамматического рода. Однако это предположение нуждается еще в подкреплении дополнительными фактами [58].

4. Несмотря на ряд процессов морфологического переразложения индоевропейских основ индоевропейский принцип морфемной членимости слова в армянском языке не изменился. Здесь, особенно в системе гласных основ, четко сохранилась трехчленная структурная модель, с прозрачными морфемными швами (корень + основообразующий гласный + окончание). Морфемная членимость слова в армянском сохранилась потому, что принцип контрастного противопоставления тематических и атематических основ, подмеченный Э. А. Макаевым для общеиндоевропейского состояния, в армянском языке не только не свертывается, но получает четко выраженное оформление.

---

[58] Факт тяготения имен животных к *u*-основам, а также и другие факты семантического распределения имен по типам основ констатировались рядом авторов грамматик грабара, однако, без попыток трактовки этого явления. Г. Джаукян считает, что в случае лексико-семантической группировки имен вокруг того или иного типа основ основообразующий гласный выступает как «своеобразный именной классный показатель, т. е. показывает, на какие классы или виды распределяли имена люди, говорящие на древнеармянском языке, при их склонении» (Г. Джаукян, указ. соч., стр. 119).

Согласно высказанному в устной беседе предположению Э. А. Макаева, экспансии *u*-основ в армянском языке и втягиванию в этот тип терминов животных способствовали следующие два фактора: 1) фонетический фактор. В индоевропейском существовал ряд слов, которые обозначали животных и принадлежали к корневым или атематическим основам с исходом на лабиальный сонант *v*, *w* (пример: и.-е. **g^{u}ôu* «рогатый скот, корова»). По фонетическим условиям последний элемент в армянском языке на основе действия законов конечных гласных и согласных отходил к основе на *-u*, таким образом у слов этого типа первоначальная корневая основа закономерно превращалась в *u*-основу. В дальнейшем это послужило индуцирующим фактором для развертывания *u*-основ в армянском языке; 2) семантический фактор. В индоевропейском к *u*-основам принадлежали, по большей части, имена прилагательные (см. об этом: А. Мейе, указ. соч., стр. 272). Как известно, для обозначения многих животных в индоевропейских языках, насколько это позволяет установить этимология, первоначально использовались субстантивированные прилагательные (пример: *eln* «олень» < и.-е. **el-en* с первоначальным значением «светло-коричневый, желтый»).

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. С. АВИЛОВА

ДВУВИДОВЫЕ ГЛАГОЛЫ С ЗАИМСТВОВАННОЙ ОСНОВОЙ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Принято считать, что глаголы с заимствованной основой в русском языке являются двувидовыми. В работах последнего времени высказывалась точка зрения, согласно которой явление двувидовости в современном языке — явление продуктивное, опирающееся на количественное увеличение заимствованных глаголов в русском языке [1], и даже качественно новое выражение вида [2]. Между тем, если обратиться к истории глаголов с заимствованной основой со времени их массового появления в Петровскую эпоху и проследить, как они изменяются в отношении выражения видового значения, то эта точка зрения не подтвердится.

Известно, что так называемые двувидовые глаголы не нейтральны в отношении вида [3]. Всякий изолированный двувидовой глагол в условиях контекстного окружения обнаруживает значение совершенного или несовершенного вида. Однако, не имея формально выраженного вида, и в условиях контекста двувидовые глаголы обладают известной двусмысленностью значения. Потребность в устранении этой неясности приводит к постепенному развитию формального выражения вида у этих глаголов.

Развитие формального выражения вида происходит не у всех глаголов с заимствованной основой, а лишь у тех, семантика которых выражает стремление к достижению внутреннего предела действия. Таких глаголов большинство. К ним преимущественно относятся переходные глаголы со значением воздействия на объект, достижения результата и т. п. Глаголы с заимствованной основой, не означающие стремления к достижению предела действия, являются глаголами только несовершенного вида и коррелятивных пар не образуют [4].

---

[1] А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, II, Братислава, 1960, стр. 144.

[2] И. П. Мучник, Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке, ВЯ, 1966, 1.

[3] Под термином «вид» здесь понимается бинарная оппозиция глаголов, в которой совершенный вид обозначает достижение внутреннего предела действия, а несовершенный вид этого значения не имеет. Эта оппозиция является структурно оформленной оппозицией между глаголами, образованными от одного корня с помощью разных формантов, причем эти глаголы находятся в отношениях различной степени семантического сближения—от тождественной семантики у пар типа *арестовать — арестовывать, разрисовать — разрисовывать, моделировать — смоделировать* до более далеких семантически, но сопоставимых на уровне вида пар *гипсовать — загипсовать, репетировать — прорепетировать*. Противоположение глагольных видов выражается противоположением формантов (суффиксов и префиксов).

[4] См.: Ю. С. Маслов, Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке, М.— Л., 1963, стр. 94 и сл.

Кроме того, разные глаголы с заимствованной основой приобретают формальное выражение вида по-разному и входят в видовую систему не все в одинаковой степени.

Эта статья ставит своей целью проследить, как глаголы с заимствованной основой входят в видовую систему русского глагола, начиная с Петровского времени и до современности.

В русском языке вид формально выражается суффиксацией и префиксацией. Для глаголов с заимствованной основой возможность суффиксальной корреляции ограничена: у глаголов с суффиксами *-и́рова-*, *-фици́рова-*, *-изи́рова-* (с ударением на *-и́р-*) вторичная суффиксация невозможна из-за громоздкости и трудности произношения таких образований [5]. Они допускаются только у глаголов с суффиксом *-ова́-* и, отчасти, *-ирова́-* и *-изова́-* при условии, что ударение падает на конечный гласный суффикса.

Относительно префиксального образования совершенного вида, как известно, у ряда исследователей существует сомнение в лексическом тождестве производного и исходного глаголов. Думается, что это обстоятельство не должно препятствовать рассмотрению префиксации в системе средств достижения бинарности видовой оппозиции [6].

Сопоставляя беспрефиксные глаголы с префиксальными и показывая их семантические расхождения, часто прибегают к анализу полисемантических глаголов. Считается, что, например, глагол *бить* одновидовой и не имеет соотносительной пары совершенного вида. Между тем у многозначных глаголов типа *бить* приставочные видовые пары образуются к их отдельным значениям. Так, глагол *бить* в значении «разбивать» (*бить посуду*) имеет видовую префиксную пару *разбить*; в значении «убивать» (*бить врага*) — *убить*; в значении «забивать» (*бить птицу*)—*забить*; в значении «наносить побои» (*бить собаку*)—*побить* и т. п. [7].

Глаголы с меньшим количеством значений легче образуют префиксальные пары совершенного вида, не расходящиеся в своем значении с беспрефиксными глаголами несовершенного вида. Ср. *золотить* — *позолотить*, *гасить*— *погасить*, *губить* — *погубить*, *жечь* — *сжечь*, *сеять* — *посеять* и др. Здесь дело не в десемантизации приставки, а в более легком выборе для глагола с узким значением близкой по значению приставки [8].

Процесс заимствования, явление сравнительно позднее, нашел в русском языке сложившееся приставочное видообразование глаголов с определенным кругом приставок. В соответствии с семантикой своих основ заимствованные глаголы постепенно вовлекаются в приставочное видообразование, причем наиболее употребительными приставками оказались такие, как *за-*, *о/об-*, *про-*, *с-*, в меньшей степени *вы-*, *на-*, *от-*, *по-*, *раз-*, *у-*, т. е. приставки, способные десемантизироваться в соединении с близкими семантически основами. При этом далее могла возникнуть и вторич-

---

[5] Известно, что только у глаголов III класса суффикс имперфективации *-ыва-* присоединяется к классному показателю *-ов-*, а не вытесняет его, как у глаголов других классов.

[6] См.: А. В. Бондарко, Глагольный вид и способы действия, в кн.: А. В. Бондарко и Л. Л. Буланин, Русский глагол, М., 1967.

[7] Ср.: А. В. Бондарко, Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола, «Уч. зап. Ин-та славяноведения [АН СССР]», XXIII, 1962, стр. 180; Л. Н. Быкова, Несоотносительные глаголы несовершенного вида в современном русском языке, «Труды филологического ф-та Харьковского гос. ун-та», 6, 1958, стр. 119.

[8] Это хорошо показал П. С. Сигалов на примере инхоативных глаголов с суффиксом *-ну-* [Об одной группе приставочных глаголов см. в кн.: «Труды по русской и славянской филологии», VII. Серия лингвистическая («Ученые труды Тартуского гос. ун-та», 166), 1965, стр. 71].

ная имперфективация, однако суффиксация, как уже было отмечено, была ограниченной [9].

Наконец, существует несколько глаголов, которые выражают видовое соотношение присоединением суффикса *-ыва-* к бесприставочной основе. Это глаголы с суффиксом *-ова-*: *арендовывать*, *атаковывать*, *арестовывать*, *конфисковывать* и с суффиксом *-изова-*: *организовывать*. Этот способ не стал продуктивным, очевидно, в силу той же излишней осложненности основы, да и эти несколько глаголов укрепились в русском языке только в самое последнее время [10].

Таким образом, наиболее развитым способом формального выражения вида у глаголов с заимствованной основой следует признать префиксацию. Она оказалась удобной и потому, что лексическое значение этих глаголов гораздо уже русских, оно более специально, более терминологично. Заимствованный глагол, как правило, отражает только одно значение глагола языка-источника [11]. В силу этого префиксация глаголов с заимствованной основой дает достаточно чистые видовые пары. Материалы литературных памятников и словарей показывают увеличивающееся количество глаголов с формально выраженным видом за период XVIII — XX вв.

Глаголы с суффиксом *-ова-*. Глаголы с заимствованной основой, оформляемые суффиксом *-ова-*, были наиболее близки русским глаголам с суффиксом *-ова-* и в силу этого раньше других начали соединяться с приставками и образовывать вторичные глаголы несовершенного вида. Однако в ранний период основное количество этих глаголов употреблялось в совершенном виде без формального выражения совершенности. Значение совершенности для них устанавливается из общего значения контекста и из употребленных рядом с заимствованными глаголами русских глаголов совершенного вида. Ср.: «*встречены* и *комплиментованы* от рижских бургомистров» (Смирн., 151) [12]; «рота *определена* и впредь *комплектована* была» (ПСЗ, XII, № 9565, 20 XII 1748); «чрез указы *публиковать* и в оных публиках *объявить*» (ПСЗ, XI, № 8300, 15 XII 1740).

Приставочные глаголы совершенного вида, парные с бесприставочными глаголами по виду, для этого периода отмечены как единичные. Ср.

---

[9] См. также: И. П. Мучник, указ. соч.

[10] См.: Ю. Бельчиков, О развитии русской лексики в советскую эпоху, «Р. яз. в шк.», 1965, 6, стр. 8.

[11] Ср. русск. *аранжировать* и франц. *arranger* «устроить»; русск. *авансировать* и франц. *avancer* «следовать впереди»; русск. *аккомпанировать* и франц. *accompagner* «сопровождать» и мн. др. Развитие на русской почве у многих из заимствованных глаголов переносных и отвлеченных значений и выход их в связи с этим в общелитературный язык дела не меняет.

[12] В статье приняты следующие сокращения: БАС — «Словарь современного русского литературного языка АН СССР», 1—17, М.— Л., 1950—1965 (Большой академический словарь); Бильфельдт — «Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart», unter Leitung und Redaction von H. H. Bielfeldt, Berlin, 1958; Даль — В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, 1—4, М., 1861—1862; Нордстет — И. Нордстет, Российский с немецким и французским переводами словарь, ч. 1—2, СПб., 1780—1782; Ож.—С. И. Ожегов, Словарь русского языка, М., 1949; 2-е изд., М., 1952; ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи с 1649» г.», СПб., 1830, Росс. Целар.— Ф. Гелтергоф, Российский Целлариус, или этимологический российский лексикон, М., 1771, Сл. АР — «Словарь Академии российской, по азбучному порядку расположенный», СПб., 1806—1822; Сл. 1847 — «Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Имп. Акад. наук», 1—4, СПб., 1847; Сл. 2-го отд. АН — «Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Имп. Акад. наук», 1—4, 1891—1911; Сл. 1731 — Э. Вейсман, Немецко-латинский и русский лексикон, СПб., 1731; Смирн.— Н. А. Смирнов, Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого, Сб. ОРЯС, LXXXVIII, 2, 1910; Сокол.— П. Соколов, Общий церковнославяно-российский словарь, ч. 1—2, СПб., 1834; Уш.— Д. Н. Ушаков, Толковый словарь русского языка, 1—4, М., 1934—1940.

замуровать (как старое заимствование отмечено еще у Срезневского, I); *заарестовать* [13]; *нарисовать* (Сл. 1731); *ошелмовать* (там же); *отдеташовать*, *скасовать* (Ав. 32). Глаголы *заарестовать* и *скасовать* могли быть заимствованы непосредственно из польского языка (ср. польск. *zaaresztować*, *skasować*). Впоследствии глагол *заарестовать* ограничивается просторечным употреблением [14], а глагол *скасовать* выходит из употребления.

В этот ранний период находим ряд глаголов с суффиксом *-ова-* несовершенного вида, сама семантика которых не допускала значения совершенности (в силу отсутствия в их основе значения стремления к достижению внутреннего предела действия) [15]. Таковы, например, *кампировать* «стоять лагерем»; *ложеровать* «находиться в ложементе» (Ав., 37); *трактовать* в значении «заключать трактат» (Ав, 36).

К концу XVIII — началу XIX в. глаголы с суффиксом *-ова-* стали присоединять приставки значительно легче. Корреляты совершенного вида стали образовываться с приставкой *за-*, например *заарендовать*, *завербовать*, *законтрактовать*; *о-*: *обмундировать*, *обраковать*, *обревизовать*, *оштрафовать*; *от-*: *отрапортовать*, *отрекомендовать*; *про-*: *проэкзаменовать*; *с-*: *скомпановать*; *у-*: *укомплектовать* (Ав., 59).

Одновременно находим еще употребление бесприставочных глаголов в значении совершенного вида, например: «найдены вновь батальоны, которые и *мундированы*» (Нащекин, Зап.); «все ошибки выписаны, за кои они *штрафованы*...» (Н. Лопухин, Письмо А. М. Кутузову 18 XI 1790).

В конце XVIII — начале XIX в. получает развитие образование заимствованных глаголов несовершенного вида от глаголов совершенного вида при помощи суффикса-*ыва* -. Так, «Словарь Академии Российской» указывает глаголы: *забраковывать*, *заснуровывать*, *оттушевывать*, *отшлифовывать*, *проснувывать*, *прорисовывать*, *разлиневывать*, *разрисовывать*, *срисовывать*; «Российский Целлариус» 1771 г. указывает глаголы: *вымалевывать*, *подмалевывать*, *размалевывать*, *заснуровывать*, *расснуровывать*.

Вместе с тем находим глаголы по самой своей семантике абсолютного несовершенного вида. Таковы непереходные глаголы *протестовать*, *диспутовать*, *павзовать* «делать паузу», *фришстыковать*, *рапировать* «упражняться на рапирах», *пуншевать* «пить пунш», *корреспондовать*, *репетовать*, *крейсеровать*, *президовать* и некот. др.

К 30—50-м годам XIX в. количество приставочных образований совершенного вида у заимствованных глаголов с суффиксом *-ова-* возрастает. Их регулярно указывают словари — Даля [16] и Академический 1847 г. Кроме ранее зафиксированных, отмечаются такие глаголы, как: *запаковать*, *запеленговать*, *зарекомендовать*, *зафрахтовать*, *зашпаклевать*, *зашпиковать*, *зашпунтовать*, *обмуровать*, *отбраковать*, *отпробовать*, *пропезовать*, *стасовать*, *сформовать* (Даль); *загрунтовать*, *обмачтовать*, *опробовать*, *проспиртовать*, *профильтровать*, *прошпиговать*, *упаковать*, *утрамбовать* (Сл. 1847). В текстах того периода встречаются приставочные глаголы *затрамбовать*, *отретироваться*, *процензоровать*, *продиктовать*, *протанцевать*, *сфабриковать* (Ав., 90).

[13] В контекстном окружении см.: Н. С. Авилова, Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени (Глаголы с заимствованной основой), М., 1967, стр. 32 (далее — Ав.).

[14] Впрочем этот глагол употребляется в языке художественной литературы. См. приводимые в т. IV Большого академического словаря примеры употребления глагола *заарестовать* Достоевским, Чеховым, Горьким.

[15] В соответствии с принятой терминологией назовем их глаголами абсолютного несовершенного вида. Подобные глаголы в спрягаемой форме всегда остаются глаголами настоящего времени. Будущего простого у них нет.

[16] Материалы 1-го изд. «Толкового словаря» В. Даля включаются в период 30—50-х годов XIX в.

Словари отмечают увеличивающееся количество вторичных глаголов несовершенного вида, образованных от приставочных глаголов совершенного вида. Это уже десятки глаголов, образованных с помощью суффикса *-ыва-* от приставочных глаголов совершенного вида с приставками *в-* (*втасовывать*), *вы-* (*вышлифовывать*), *до-* (*дорисовывать*), *за-* (*заарендовывать*), *из-* (*изрисовывать*), *на-* (*навербовывать*), *об-* (*обмундировывать*), *от-* (*отшлифовывать*), *пере-* (*перетасовывать*), *под-* (*подмуровывать*), *про-* (*прошпиговывать*), *раз-* (*раскритиковывать*), *с-* (*стасовывать*), *у-* (*упаковывать*) [17].

Отмечается суффиксальное образование несовершенного вида у бесприставочных заимствованных глаголов: *атаковывать*, *конфирмовывать*, зафиксированное в грамматике Востокова. Впрочем в той же грамматике утверждается возможность и двувидового употребления глагола *атаковать*.

Одновременно фиксируется употребление этих глаголов в совершенном виде без формального его выражения, например: «принесли 10 оттисков речи твоей, *брошюрованной* для наследника» (Плетнев, письмо Гроту 30 X 1843) (ср. позднее *сброшюровать*); «теперь *публикована* небольшая часть опытов» («Современник», 1847, № 11) (ср. позднее *опубликовать*); «не *рекомендовавшись* еще хозяйке» (Вельтман, Саломея, 3, I) (ср. *отрекомендовать*) [18]. Однако таких случаев уже значительно меньше.

Таким образом, к 30—50-м годам XIX в. мы видим расширяющееся видообразование заимствованных глаголов с суффиксом *-ова-*.

Одновременно среди вновь заимствованных глаголов находим глаголы абсолютного несовершенного вида, такие, как: *бастовать*, *боксовать*, *матовать*, *контролировать*, *маклеровать*, *штормовать*, *штилевать*.

В конце XIX — начале XX в. приставочное видообразование глаголов с суффиксом *-ова-* является уже вполне сложившимся и развитым способом формальной дифференциации глаголов совершенного и несовершенного вида, которое не нуждается в подробных перечнях. К этому времени различие в видообразовании между исконными глаголами с суффиксом *-ова-* и глаголами с заимствованной основой стирается, и заимствованные глаголы с этим суффиксом получают регулярные приставочные пары совершенного вида. Глаголы с приставками *за-*, *о-*, *с-* регулярно указываются Словарем Второго отделения АН и встречаются в текстах того времени. Впервые лексикографически фиксируются следующие вторичные суффиксальные образования от приставочных глаголов, формирующие глаголы несовершенного вида: *втрамбовывать*, *забинтовывать*, *заинтриговывать*, *замариновывать*, *зарекомендовывать*, *зарисовывать*, *заспиртовывать*, *зафрахтовывать*, *зашвартовывать*, *зашпунтовывать*, *заштемпелевывать*, *заштуковывать* (Сл. 2-го отд. АН). В текстах отмечаются: *отпрепаровывать* (Сеченов), *отштамповывать* (Мамин-Сибиряк), *распаковывать* (Гончаров), *стушевывать* (Короленко).

По-прежнему среди неологизмов этого периода имеются глаголы абсолютного несовершенного вида, как, например, *вистовать* «играть в вист», *флиртовать*, *политиковать* «заниматься политикой», *кейфовать* «пребывать в кейфе». Случаев употребления глаголов с формально невыраженным совершенным видом становится все меньше.

В современном литературном языке глаголы с заимствованной основой с суффиксом *-ова-* обладают развитыми формальными средствами выражения вида, префиксальными и суффиксальными. Из приставочных новообразований современного языка можно отметить: с приставкой

[17] См. словарь Даля, словарь 1847 г. и словарь Соколова.

[18] Ср. разное образование совершенного вида у разных значений глагола *рекомендовать*: *зарекомендовать себя* (в значении «представить с выгодной стороны») и *отрекомендовать кого кому* (в значениях «дать отзыв», «представить при знакомстве»).

за-: *запатентовать* (Уш.), *запрессовать* (БАС, 4), *зарифмовать* (там же), *затюковать* (Уш.), *зацентровать* (Бильфельдт), *зашифровать* (Уш.), *зашлаковать* (БАС), *заштамповать* (там же), *заштриховать* (Уш.); с приставкой *о-/об-*: *огрунтовать* (БАС), *окантовать* (Уш.), *опрессовать* (БАС), *офутеровать* (Уш.), *ошлаковать* (там же), *ошиновать* (БАС); с приставкой *от-*: *откалибровать* (Сельск. жизнь, 24 IV 1963), *отпасовать* (БАС), *отпрессовать* (Ож, 1952), *отрепетовать* (Степанов, Порт-Артур), *отфактуровать* (Бильфельдт), *отфильтровать* (БАС), *отформовать* (Уш.), *отфрезеровать* (БАС), *отцентровать* (там же); с приставкой *про-*: *прогипсовать* (Уш.), *продисковать* (БАС), *прокалибровать* (там же), *промариновать* (Ож. 1952), *протриеровать* (Уш.), *прошлифовать* (БАС), *прошпаклевать* (Уш.), *проштамповать* (БАС), *проштемпелевать* (там же); с приставкой *раз-*: *разрустровать* (БАС), *расфасовать* (Уш.), с приставкой *с-*: *скомплектовать* (Уш.), *спрессовать* (там же), *срифмовать* (Ож., 1952), *сфуговать* (Бильфельдт).

Все эти приставочные глаголы являются в своем большинстве терминологическими. В области терминологии особенно важно точное обозначение характера действия, а поэтому и формальное выражение совершенного/ несовершенного вида приобретает особую важность. По этой же причине — необходимости точного выражения значения — обычно образуются вторичные глаголы несовершенного вида. Практически от любого приставочного глагола совершенного вида с суффиксом *-ова-* можно образовать вторичный глагол несовершенного вида с суффиксом *-ыва-*.

Бесприставочные глаголы, образующие суффиксальным путем несовершенный вид, остаются единичными: *арестовывать* (Уш.), *конфисковывать*: «власти неоднократно конфисковывали еженедельник» (Пр. 3 X 1963).

Глаголы абсолютного несовершенного вида: *буксовать*, *грипповать*, *интриговать* (в непереходном значении), *конфликтовать*, *митинговать*, *паниковать*, *прессинговать*, *психовать*, *регентовать*, *твистовать*, *фехтовать*.

Необходимо отметить, что несмотря на развитое видообразование, имеется ряд глаголов с суффиксом *-ова-* двувидового значения: *адресовать*, *аккредитовать*, *арендовать*, *ассигновать*, *аттестовать*, *глазуровать*, *иллюминовать*, *короновать*, *оркестровать*, *презентовать*, *стартовать*, *титровать*, *титуловать*.

Таким образом, в целом можно констатировать, что глаголы с заимствованной основой, оформленные посредством суффикса *-ова-*, постепенно приобрели характер глаголов с формально выраженным значением несовершенного и совершенного вида.

Глаголы с суффиксом *-ирова-*. До 40-х годов XVIII в. глаголы с суффиксом *-ирова-* отличались случайностью появления в русском языке и имели ярко выраженный иноязычный характер. Поэтому практически они с приставками не соединялись. В наших материалах можно отметить только образование приставочного отглагольного имени: *сформирование* (Ав., 46). В конце XVIII в. у Фонвизина находим употребление глагола *формировать* в совершенном виде без приставки. Лексикографически глагол *сформировать* отмечается впервые в Словаре 1847 г.

К концу XVIII — началу XIX в. глаголы с суффиксом *-ирова-* стали многочисленнее и устойчивее в русском языке. Развивается и их приставочное видообразование.

С приставкой *вы*: *выгравировать*, *выполировать*, *вырепетировать* (Ав, 72); с приставкой *за-*: *загласировать* (Ав., 72),; с приставкой *на-*: *налакировать намаркировать*, *нафаршировать*, *набальзамировать* (Ав., 72); с приставкой *о-/об-*: *обмеблировать* (Ав., 72); ср. более позднее бесприставочное употребление глагола *меблировать* в совершенном виде: «моя квартира...

меблирована в счет фабрики» (Чехов, Учитель) [19]; с приставкой *от-*: *откомандировать* (Ав., 72); с приставкой *про-*: *пробанкировать* (Росс. Целар.); *продепансировать*, *проштудировать* (Ав., 72); с приставкой *раз-*: *раскассировать* (Ав., 72); с приставкой *с-*: *скопировать* (Нордстет).

Одновременно еще имеются многочисленные случаи употребления: бесприставочных глаголов совершенного вида, у которых вид устанавливается только в контексте: «не будучи *полированными* спицы... не дадут яркого отблеска» («Отечеств. зап.,» 1839, 2); «с портретом и заглавным *гравированным* листком» («Московский Телеграф», 1826, 6); «надобно *визировать* здесь паспорт» (Н. И. Тургенев, письмо брату, 1811 г.) (глагол *завизировать* впервые лексикографически отмечается у Даля); «выстрелил в *маскированного* разбойника» (Пушкин, Дубровский) (глагол *замаскировать* впервые отмечается в Словаре 1847 г.); «*прожектировав* план..., как умел так и расчертил» (Болотов, Зап., письмо 103) (глагол *запроектировать* в другом звуковом варианте впервые отмечен лишь у Ушакова); «общество наше было разрушено, корпус *кассирован*» (Болотов, Зап., письмо 8) [20]; «головка спасителя... *копированная* Шаповаловым» (Гоголь, письмо Смирновой, 1845).

Ряд глаголов имел значение абсолютного несовершенного вида, например, непереходные глаголы *дрейфировать*, *комплиментировать*, *контрастировать*, *резонировать* «выдвигать резоны» *жестировать* «делать жесты», *негоциировать*, *вольтижировать*, *квартировать*, *триумфировать*, *экстазироваться*.

В 30—50 годах XIX в. приставочное видообразование глаголов с суффиксом *-ирова-* расширяется. С приставкой *вы-*: *выбронзировать* (Даль) *выдрессировать*, *вылитографировать* (Ав., 102); с приставкой *за-*: *забуксировать* в значении «взять на буксир» (Сл. 1847); *замаскировать* (Ав., 102); с приставкой *на-*: *нафаршировать* (Даль); с приставкой *от-*: *отбуксировать* в значении «отвести на буксире» (Даль); *отлакировать* (там же); *отлитографировать* (Ав., 102); с приставкой *про-*: *пробаллотировать*, *продекламировать* (Ав., 102); *промаршировать* (Сл. 1847); *процензировать* (Белинский); с приставкой *с-*: *сгруппировать*, *спланировать* (Даль), *скомпрометировать* (Ав., 102); *спонтировать* (Пушкин, Пиковая дама); *срепетировать* (С. Аксаков, Биография М. Н. Загоскина); с приставкой *раз-*: *разанатомировать* (Белинский, Объяснение на объяснение); *рассортировать* (Сл. 1847).

Ср. бесприставочное выражение совершенного вида: «те были слишком *дрессированы*» (Гончаров, Мильон терзаний); «тщательно списанный и *литографированный* снимок» («Отечеств. зап»., 1839, VII); «необходимость *анализировать* их причины» («Современник», 1847, 11) (глагол *проанализировать* находим позднее у Салтыкова-Щедрина); «лучи, *концентрированные* графином» («Отечеств. зап.», 1839, 3) (глагол *сконцентрировать* впервые отмечаем у Плеханова—Ав., 138).

В это время словари начинают отмечать вторично образованные от глаголов совершенного вида глаголы несовершенного вида с суффиксом *-ыва-* (если ударение в глаголе совершенного вида падает на третий слог суффикса *-ирова-*): *выполировывать*, *забаллотировывать* (Даль), *замаскировывать* (Сл. 1847), *набронзировывать* (Даль), *налакировывать* (Сл. 1847), *наполировывать*, *насортировывать*, *нафаршировывать* (Даль), *откоман-*

[19] В современном языке глагол *обмеблировать* имеет некоторый оттенок просторечия.

[20] Глагол *раскассировать* является парой совершенного вида к глаголу несовершенного вида *кассировать* в значении «уничтожать, разрушать». В другом значении «отменять» (приговор) (юрид.) глагол *кассировать* формально выраженного совершенного вида не имеет.

дировывать (Сл. 1847), *перелакировывать*, *пересортировывать* (Даль), *прикомандировывать* (Сл. 1847), *распланировывать* (Даль), *рассортировывать* (Сл. 1847).

Отметим глаголы абсолютного несовершенного вида: *боксировать*, *пируэтировать*, *позировать*, *рикошетировать*, *тактировать* «отбивать такт», *эксплуатировать*, *конкурировать*, *прелюдировать*, *вольтижировать*, *доминировать*, *бивакировать*, *гармонировать*, *рефлектировать*, *кульминировать*.

В конце XIX — начале XX в. приставочное видообразование еще более расширяется. Помимо прежних, отметим: *забалластировать*, *заагитировать*, *забаррикадировать* (Сл. 2-го отд. АН); *загримировать*, *забрапировать*, *запротоколировать*, *зарегистрировать*, *захлороформировать* (Ав., 138); *нагофрировать* (Куприн, Поединок); *налакировать* (Ав., 138); *окомпрометировать* (Достоевский, Двойник, VII), *отгектографировать* (С. А. Толстая, письмо Л. Н. Толстому 12 II 1892); *отпарировать* (Ав., 138); *отпрепарировать* (Пирогов, Дневн. старого врача); *проанализировать* (Ав., 138); *продирижировать* (там же); *проинспектировать* (Салтыков-Щедрин, Потеш. рассказы, 5); *прокорректировать* (Ав., 138); *проманкировать* (Писемский, Тысяча душ); *проредактировать* (Панаева, Воспоминания, 5); *прорекламировать* (Чехов, письмо Лейкину, 28 III 1887); *прорепетировать* (Григорович, Капельмейстер Суслов); *протелеграфировать* (Чехов, письмо Книппер, 22 III 1903); *протелефонировать* (Станюкович, Ист. одной жизни); *процитировать* (Ав., 138); *сбалансировать* (Вересаев, На японской войне, 5); *скомбинировать* (Ав., 138); *скомпилировать* (Лесков, Смех и горе, 58); *скомпонировать* (Чехов, письмо Трефолеву, 20 III 1886); *сконцентрировать* (Ав., 138); *славировать* (Писемский, Ипохондрик, II, 9); *спровоцировать* (Горький, Жизнь Клима Самгина); *сфантазировать* (Чехов, письмо Лаврову, 11 III 1895); *сформулировать* (Салтыков-Щедрин, Невинные рассказы); *сфотографировать* (Суворин, Дневн. 11 IX 1894); *урегулировать* (Чехов, письмо Лейкину, 31 III 1890).

Одновременно в текстах, в значительно большем количестве, чем у глаголов с суффиксом *-ова-*, встречаются глаголы совершенного вида без приставки, значение которых вытекает из контекста: «не принимать, не *анализировав* наперед» (Салтыков-Щедрин, Противоречия); «Мост... *минирован*» (Л. Толстой, Война и мир, I, 2, X); «давно *проектированные* кровати» («Будильник», 1865, 16); «я *фиксировал* трахею крючком» (Вересаев, Зап. врача, VI); «стремление отличиться и *маневрировать*» (Л. Толстой, Война и мир, IV, 4, IV); «я не могу указать положительно на писателя, у кого это мнение *формулировано*» (М. Погодин, О древнем языке русском); «исправить их простые описки, т. е.... *корректировать* их сочинения» (Римский-Корсаков, Летопись..., IV); «Я же не понесу убытка, если эта плата будет *регулирована*» (Чехов, письмо Лейкину, 1887) (ср. выше *урегулировать* у того же Чехова); «я дурно *редактировал* свою мысль (Крамской, письмо Булгакову, 1884) (ср. выше глагол *проредактировать* у Панаевой).

Отметим из вновь укрепившихся в этот период такие глаголы абсолютного несовершенного вида, как *прогрессировать*, *регрессировать*, *тонировать* («задавать тон»), *детонировать*, *фразировать* («произносить громкие фразы»), *фрондировать*, *спекулировать*, *циркулировать*, *диссонировать*, *журировать*.

В современном русском литературном языке приставочное видообразование является развитым и продуктивным способом для тех глаголов с суффиксом *-ирова-*, которые по своей семантике способны иметь видовую соотносительность. Таковы глаголы совершенного вида с приставкой *за-*: *заавансировать* (Уш.), *заактировать* (Ож. 1952), *заасфальтировать* (Симо-

нов, Люди с характером), *забазировать* (Первенцев, Честь смолоду), *забетонировать* (Попов, Сталь и шлак), *завизировать* (Ож. 1949), *завуалировать* (Уш.), *закамуфлировать* (БАС), *закомпостировать* (там же), *законсервировать* (Лит. газ. 15 X 1963), *законспектировать* (Ож. 1949), *законспирировать* (Уш.), *заминировать* (Ож. 1952), *запланировать* (Уш.), *запломбировать* (там же), *запроектировать* (Пр. 9 X 1963), *зарезервировать* (Изв. 8 I 1960), *заретушировать* (БАС), *застенографировать* (Гладков, Клятва), *зафаршировать* (БАС), *зафиксировать* (Пр. 10 X 1963), *зацементировать* (БАС); не отмечены в современных словарях: *заавтографировать* (Лит. газ. 20 II 1965); *загазировать*: «104 русских военнопленных... были загазированы» (Пр. 24 V 1965); *закодировать* (Лит. газ. 3 IV 1965); *замульчировать* (ВМ 3 VIII 1953); *запеленгировать* («Радио», 5 IV 1964); *запрограммировать* (Пр. 6 II 1964); *зарегламентировать* (К. пр. 7 X 1958); *зарегулировать*: «орошение здесь базируется на незарегулированных источниках...» (Пр. 25 X 1963); *зафотографировать*: «он будет зафотографирован» (Пром.-эконом. газ. 5 VIII 1958); *заэкранировать*: «Все проверить, заэкранировать...» (Гранин, Иду на грозу).

Таким образом, для современного языка приставка *за-* является продуктивным способом образования видовых пар глаголов с суффиксом *-ирова-*. В целом наблюдается значительно более широкое, чем раньше, присоединение этой приставки к основам с суффиксом *-ирова-* для образования совершенного вида.

Другие продуктивные в современном языке приставки для образования видовых пар: приставка *от-*: *отбалансировать* (машину) в значении «уравновесить вращающиеся части» (БАС); *отдекатировать* (ткань) (там же), *отдифференцировать* (там же), *отникелировать* (Уш.), *отполировать* (там же), *отреагировать* (на что): «я просил вас отреагировать на жалобу жильцов» (Лит. газ. 10 X 1963) [21]; *отрегулировать* (Уш.), *отредактировать* (там же), *отремонтировать* (там же), *отрепетировать* (Пр. 1 IV 1965), *отретушировать* (Ож. 1949), *отрецензировать* (Пр. 26 II 1965); *отсепарировать* (Лит. газ. 25 II 1964); *отсортировать* (Лит. газ. 11 X 1966); *отцентрировать* (БАС); приставка *про-*: *проанатомировать* (БАС), *провентилировать* (Уш.), *проградуировать* (БАС), *продебатировать* (там же), *продемонстрировать* (Уш.), *продублировать* (БАС), *проиллюстрировать* (Ож. 1952), *проинкубировать* (БАС), *проинструктировать* (Казакевич, Весна на Одере), *проинформировать* (Ож. 1952), *прокомментировать* (БАС), *прокомпостировать* (Уш.), *проконспектировать* (там же), *проконсультировать* (БАС), *проконтролировать* (Уш.), *прокультивировать* (БАС), *пролессировать* (там же), *прологарифмировать* (там же), *промаркировать* (там же), *промизансценировать* (Н. Черкасов, Из зап. актера), *пронивелировать* (БАС), *прорецензировать* (Уш.), *простенографировать* (БАС), *прохронометрировать* (там же); приставка *с-*: *сагитировать* (Уш.), *сдезертировать*: «я-то четыре пятилетки переживу, а вот вы.... сдезертируете» (Н. Островский, письмо А. И. Пузыревскому, 10 VI 1935); *скалькировать* (Уш.), *скалькулировать* (там же), *скапотировать* (о самолете) (там же), *скатапультироваться* (БАС), *скомпенсировать* (Уш.), *сконденсировать* (БАС), *сконструировать* (Уш.), *скооперировать* (БАС), *скоординировать* (там же), *скорректировать* (там же), *сманеврировать* (Ож. 1952), *смонтировать* (Уш.), *соперировать* (разг.), *спарашютировать* (Ож. 1952), *спикировать* (Ож. 1949), *спланировать* (Уш.), *спроектировать* (там же), *спроецировать* (БАС), *среагировать* (из устной речи), *средактировать* (Бильфельдт), *срежиссировать*: «несрежиссированная жизнь»

[21] Ср. синонимические *прореагировать* и новое просторечное *среагировать* (из устной речи).

(«Юность», 1964, 3); *сфокусировать*: «сфокусированный луч...» (Пр. 5 XI 1964); не отмечены в словарях: *саккомпанировать*: «режиссер просил саккомпанировать эту песню» («Телевидение», 26 V 1965); *смоделировать* (Лит. газ. 3 IV 1965); *сориентировать*: «я должна была сориентировать Восток-6 в пространстве» (В. Николаева-Терешкова, Вселенная — открытый океан)[22]; *сплагиировать*: «роман скомпилирован и сплагиирован» (Сов. культ. 8 II 1955); *сфлотировать*: «минерал, который необходимо сфлотировать» (Пром.-эконом. газ., 4 I 1957). Как видим, наиболее легко десемантизирующийся префикс *с-* получает особую продуктивность в современном языке. Присоединяясь даже к основам как будто бы семантически непредельным, т. е. к глаголам абсолютного несовершенного вида, префикс *с-* образует и у них видовые пары, ср. *дезертировать — сдезертировать, режиссировать — срежиссировать, аккомпанировать — саккомпанировать, маневрировать — сманеврировать* и под. Менее продуктивны приставки *раз-, на-, о-*: это немногочисленные глаголы типа *расклассифицировать, распропагандировать* и *разрекламировать* (БАС, 12); *натренировать* (Уш.); *опломбировать* и *оскальпировать* (БАС, 8).

Таким образом, мы видим широкое развитие приставочного видообразования у глаголов с суффиксом *-ирова-* с заимствованной основой, причем для современного языка характерны, главным образом, приставки *за-, от-, про-* и *с-*. Некоторые из этих глаголов свободно образуются от вновь образованных на русской почве глаголов (*запрограммировать, срежиссировать*); другие образуются от ранее заимствованных глаголов (*запланировать, заасфальтировать*).

Из приведенных примеров приставочного видообразования у глаголов с суффиксом *-ирова-* можно видеть, что и в XIX в. и в современном языке наблюдается приставочная синонимия, т. е. что у многих глаголов для образования совершенного вида могут быть использованы разные десемантизированные приставки. Так, например, к глаголу *компрометировать* находим образования *окомпрометировать* и *скомпрометировать*; к глаголу *литографировать — вылитографировать* и *отлитографировать*; к глаголу *репетировать — прорепетировать, отрепетировать* и *срепетировать*; к глаголу *анатомировать — разанатомировать* и *проанатомировать*; к глаголу *редактировать — отредактировать, проредактировать* и даже *средактировать*; к глаголу *агитировать — заагитировать* и *сагитировать*; *запроектировать* и *спроектировать*; *простенографировать* и *застенографировать*; *проконспектировать* и *законспектировать*; *прокомпостировать* и *закомпостировать* и некот. др. Иногда один из приставочных глаголов выходил из употребления или получал позднее определенную стилистическую окраску (ср. глаголы *окомпрометировать, срепетировать* с просторечным оттенком). В литературном употреблении остается форма, семантически наиболее близкая бесприставочному глаголу.

Значительно менее продуктивен суффиксальный способ образования глаголов несовершенного вида. Практически образование вторичного глагола несовершенного вида с суффиксом *-ыва* возможно только от глаголов совершенного вида с ударением на конечном гласном суффикса (*-ирова-*). Отметим ранее не зафиксированные глаголы, перечисленные в современных словарях: *загримировывать, задрапировывать, запломбировывать, обмеблировывать, опломбировывать, отполировывать, отсортировывать, перегруппировывать, переформировывать, подлакировывать, расквартировывать; разгравировывать, разгримировывать, расформиро-*

[22] Глагол *сориентироваться* (в возвратной форме) более раннего происхождения и отмечается словарями (БАС, 14).

вывать (Уш.), *раскомандировывать*, *распикировывать*, *сгруппировывать* (БАС).

Наконец, некоторое количество современных глаголов с суффиксом *-ирова-* продолжает оставаться в силу своей семантики глаголами абсолютного несовершенного вида: *контактировать*, *контрастировать*, *фонтанировать*, *виражировать*, *миражировать*, *резонировать* «производить резонанс», *диссоциировать*, *интонировать*, *мигрировать*, *модулировать*, *конкурировать*, *флексировать*, *фракционировать*, *функционировать*, *эквилибрировать*, *синонимировать*, *паразитировать*, *ассистировать*, *оппонировать*, *доминировать*, *вакуумировать*, *вибрировать*, *галлюцинировать* и некот. др.

Многие новообразованные и вновь заимствованные глаголы с суффиксом *-ирова-* в современном литературном языке остаются глаголами без формально выраженного вида, значение которого выявляется из контекста. Глаголы с суффиксом *-ирова-* в большой своей части сохраняют известную чуждость русскому языку и в отношении их вхождения в систему словообразования [23]. Наименее вошедшие в систему русского языка глаголы, т. е. не имеющие словообразовательно мотивирующих имен, и в видовом отношении обычно не имеют формально выраженного вида, значение его вытекает обычно из окружающего контекста. Впрочем у отдельных глаголов и здесь наблюдается приставочное видообразование, например *зарегистрировать*, *зафиксировать*, *отреагировать* и некот. др. (см. выше). Даже наиболее чуждые русскому языку глаголы стремятся войти в русскую видовую систему. Это доказывает, что и для глаголов с суффиксом *-ирова-*, хотя и в меньшей степени, чем для глаголов с суффиксом *-ова-*, основной тенденцией является стремление к формальному выражению вида, что явствует из увеличения количества приставочных и вторичных суффиксальных глаголов в современном языке. При этом существенным является то, что эта тенденция затрагивает как старые, так и новые заимствования и образования от заимствованных основ. Тем самым расширение процесса заимствования глаголов не влияет на увеличение двувидовости в русском языке.

Глаголы с суффиксом *-изирова-/-изова-* появились в русском языке наиболее поздно и до сих пор сохраняют известную чуждость системе русского глагола. По своей семантике это глаголы преимущественно отвлеченного, книжного характера.

До 40-х годов XVIII в. глаголы с суффиксом *-изирова-/-изова-* были единичны. К концу XVIII — началу XIX в. они становятся несколько регулярнее, но по-прежнему сохраняют свой ярко выраженный иноязычный характер. Только отдельные глаголы соединяются с приставками: *наэлектризовать* (Ав., 83), ср. двувидовой: *электризованные тела* (Ломоносов); *опоэтизировать* (Ав., 84). Большинство же глаголов не выражают формально вида, ср. бесприставочное выражение совершенного вида у глагола *характеризовать*: «мысль очень верно характеризована» (И. В. Лопухин, письмо А. М. Кутузову, 14 X 1790).

К 30-м годам XIX в. вместе с расширением круга этих глаголов расширяется и их приставочное видообразование. Но свободного присоединения приставки у этих глаголов так и не устанавливается. В это время отмечаются отдельные глаголы совершенного вида с приставками: *намагнетизировать* (Вельтман, Саломея, 2, II); *окристаллизировать*, *ометаллизировать*, *охарактеризовать* (Ав., 116), окказиональное образование *орелигизировать* (Ав., 118). Находим также вторичные глаголы несовершенного

[23] См.: Н. С. Авилова, указ. соч., стр. 23, 194.

вида от старых приставочных: *наэлектризовывать*, *охарактеризовывать* (Даль).

В конце XIX — начале XX в. находим новые приставочные глаголы совершенного вида: *загипнотизировать*; *оспециализировать*; *оцивилизовать* (Ав., 159); это образование в употребление не вошло, ср. в том же периоде бесприставочный совершенный вид того же глагола: «один из его сыновей довольно цивилизован» («Русский вестник», 1870, т. 85, № 1); *проиронизировать* (Гл. Успенский, Грехи тяжкие, V, 5); *сыронизировать*, *сорганизовать*, *съимпровизировать* (Ав., 159).

В современном литературном языке образование приставочных глаголов несколько свободнее, но в целом глаголы с суффиксом *-изирова-/-изова-* сохраняют свой иноязычный двувидовой характер, не входят в русскую видовую систему. Обычно некоторые приставки — *за-*, *от-*, *про-*, *с-* дают новые образования совершенного вида: *заинвентаризовать* (Бильфельдт), *закристаллизовать* (Ож. 1949), *зацентрализовать* (Пром.-экон. газ., 10 V 1957), *застабилизировать* («Наука и жизнь», 1965, 1); *заакадемизировать*: «заакадемизировали нашу кинопропаганду» (Лит. газ. 28 XI 1963); *отвулканизировать* (БАС), *отмобилизовать*: «немецко-фашистские войска были заранее отмобилизованы» (Пр. 9 V 1965); *просигнализировать* (Ож. 1952), *проявровизировать* (БАС, 11); *самортизировать* (Пр. 14 IV 1965).

Характерно, что, употребляясь с приставками в значении совершенного вида, бесприставочные глаголы сохраняют свое двувидовое значение, т. е. имеют значение как несовершенного, так и совершенного вида: ср. *мобилизовать* и *отмобилизовать*, *инвентаризовать* и *заинвентаризовать* и др. Интересен окказиональный глагол *заакадемизировать*, образованный сразу в приставочной форме.

Отметим один случай суффиксального образования несовершенного вида у бесприставочного глагола *организовывать* (Уш.).

Таким образом, представляется возможным констатировать, что глаголы с заимствованной основой, оформляемые суффиксом *-изирова-* и его вариантом *-изова-*, в русскую видовую систему еще не вошли.

Продемонстрированный материал показывает общую тенденцию глаголов с заимствованной основой к формальному выражению вида, хотя эта тенденция у разных глаголов с заимствованной основой неодинаково активна. Наиболее прочно вошли в систему видов глаголы с суффиксом *-ова-*, активно входят глаголы с суффиксом *-ирова-*, наиболее упорно сохраняют двувидовость глаголы с суффиксом *-изирова-/-изова-*. Это показывает, что точка зрения на видообразование заимствованных глаголов как на процесс, все время тормозящийся новыми заимствованиями, не имеющими формы вида [24], нуждается в значительном уточнении.

Столкновение двух грамматических систем — видовой глагольной системы заимствующего русского (шире — любого славянского) языка и невидовой глагольной системы заимствуемого языка порождает неяс-

[24] А. В. Исаченко, указ. соч., стр. 144; Л. П. Демиденко. К проблеме двувидовости в современном русском языке, «Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка», Новосибирск, 1966, стр. 151; И. П. Мучник, Двувидовые глаголы в русском языке, «Вопросы культуры речи», 3, М., 1961, стр. 103 и сл.; его же, Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке, ВЯ, 1966, 1, стр. 61—75. В последней работе, как видно из заглавия, автор развивает точку зрения на двувидовые заимствованные глаголы как на «подсистему, подчиненную основным закономерностям (разрядка наша.— *Н. А.*) развития системы видов» (стр. 75); в советский период, по мнению автора, «процесс развития двувидовости активизировался» (стр. 67). Здесь рост количества заимствованных глаголов и глаголов, образованных от заимствованных основ, неправомерно смешивается с изменением в системе видовых корреляций в современном русском языке.

ность в видовом значении заимствованного глагола. Выходом из этой неясности становится на разных исторических этапах заимствования и у разных глаголов или контекстное окружение, или развитие формального выражения видовых значений у заимствованных глаголов. Сохранение до самого последнего времени формально невыраженного видового значения у ряда заимствованных глаголов не оказывает влияния на видовую систему современного русского глагола, а в условиях активного заимствования является лишь неизбежным проявлением асимметрии в системе русского глагола [25]. При понимании видовой системы как системы бинарных оппозиций совершенного/несовершенного вида очевидно выпадение глаголов с заимствованной основой из этой системы. Выражением стремления языка к устранению асимметрии и восстановлению симметрии является тенденция к формальному выражению вида у глаголов с заимствованной основой.

---

[25] См.: Л. С. Бархударов, К вопросу о бинарности оппозиции и симметрии грамматических систем, ВЯ, 1966, 4, стр. 97 и сл.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1968

М. Л. ГАСПАРОВ

ТАКТОВИК В РУССКОМ СТИХОСЛОЖЕНИИ XX в.[1]

1. Тактовик — понятие, в современном стиховедении мало популярное. Пользовались им только четыре автора: ввел это понятие в теорию стиха А.П. Квятковский [2], пересказ первой статьи Квятковского дал в своей книге В. Пяст [3]; своеобразное развитие одного мимоходом брошенного в этой статье замечания предложил Г. А. Шенгели [4]; наконец, сильно упрощенный вариант теории Квятковского излагает И. Сельвинский [5]. Критиков у этого понятия было гораздо больше [6]. Тем не менее, вопрос о тактовике заслуживает более серьезного рассмотрения. Дело в том, что он неожиданным образом помогает решить одну очень важную проблему всего русского стиховедения.

За исходное здесь принимается представление о тактовике, содержащееся в работах А. П. Квятковского,— потому что в трактовке Г. Шенгели это понятие оказывается слишком узким (стихи, написанные на определенный музыкальный мотив), а в трактовке И. Сельвинского — слишком широким (любые стихи, прочитанные в определенной декламаторской манере) [7].

Пересказывать и критиковать теорию А. П. Квятковского здесь нет надобности [8]. Напомним только то определение, которое он дает понятию «тактовик»: это система, допускающая «гармоничное сочетание в стихе любых ритмических модификаций краты: полносложных и неполносложных (паузных); ритмической разнодлительности слогов (долгие, краткие

---

[1] Автор обязан многими ценнейшими консультациями открывателю тактовика — покойному А. П. Квятковскому (1888—1968), который не был согласен с положениями этой статьи ни в чем, кроме самого главного — признания рассматриваемых примеров тактовиком.

[2] См.: А. К в я т к о в с к и й, Тактометр, в сб. «Бизнес. Сборник литературного центра конструктивистов», М., 1929; е г о ж е, Словарь поэтических терминов, М., 1940; е г о ж е, Русское стихосложение, «Русская литература», 1960, 1; е г о ж е, Поэтический словарь, М., 1966.

[3] В л. П я с т, Современное стиховедение, Л., 1931, стр. 62—68.

[4] Г. Ш е н г е л и, Техника стиха, [М], 1940, стр. 106—110 (в изд. 1960 г. этого раздела нет).

[5] И. С е л ь в и н с к и й, Студия стиха, М., 1962, стр. 59—92.

[6] Свод этой критики см.: А. С. К а р п о в, Стих и время, М., 1966, стр. 384—398; ср. также: В. Е. Х о л ш е в н и к о в, [рец. на кн.:] А. П. Квятковский, Поэтический словарь, «Вопросы литературы», 1968, 1.

[7] В том числе и правильные дактили, и обычные гексаметры, и правильные дольники — см.: И. С е л ь в и н с к и й, указ. соч., стр. 60, 71, 83.

[8] Стоит, однако, указать на большую близость теории Квятковского к теории Taktmessung и Taktfüllung, разработанной в 1910—1920-х годах А. Хойслером (см.: A. H e u s l e r, Deutsche Versgeschichte, I—III, Berlin — Leipzig, 1925—1929) и до сих пор влиятельной в немецком стиховедении; но Квятковский, разрабатывая свою теорию, работу Хойслера не знал. Генетически важнее сходство теории Квятковского с незадолго до того изложенной «метротонической» теорией Малишевского (М. М а л и ш е в с к и й, Метротоника. Краткое изложение основ метротонической междуязыкой стихологии, ч. I, М., 1925); можно сказать, что Квятковский в своей теории упрощает Малишевского так же, как Сельвинский в своей теории упрощает Квятковского.

и кратчайшие); разноакцентных ритмов — константных и инверсированных» [9]. Даже если отвлечься от очень индивидуальной терминологии Квятковского и от его принципиального смешения метрики с декламацией, определение это приходится признать неудовлетворительным: что такое «гармоническое сочетание»—остается нераскрытым, а из перечисляемых четырех метрических примет (в традиционной терминологии — это паузы, растяжение и сокращение слогов, сдвиги ударения [10]) первые две, по признанию самого же Квятковского, очень часто встречаются и помимо тактовика, а последние две очень редко встречаются и в самом тактовике.

Если исходить только из этих примет, то вроде бы следует вывод, что тактовика не существует, он просто выдуман; такое заключение и сделал Карпов в своей критике. Однако не нужно забывать, что Квятковский не ограничивается определением: он приводит еще более 20 примеров из разных стихотворений, написанных тактовиком. Задача исследователя— проверить эти примеры и выяснить, не найдется ли в них объективного метрического признака, объединяющего их между собой.

Такой признак есть. Это — объем междуударных интервалов.

2. Общеизвестно, что объем междуударных интервалов — это и есть тот признак, который объективнее всего отличает размер от размера. В ямбе, например, понятным образом, интервалы могут быть только 1-сложные или — при пропуске ударения — 3-сложные, а нулевые и 2-сложные встречаются лишь при сверхсхемных ударениях («Швед, русский...», «Бой барабанный...»); в трехсложных размерах почти все интервалы — 2-сложные; в дольниках — 1-сложные и 2-сложные (а при пропуске ударения — и 4-сложные). Обратимся теперь к статистике междуударных интервалов в тех стихотворениях, которые Квятковский приводит в качестве примеров тактовика.

Сравнительные показатели употребительности междуударных интервалов в различных стихах даны в табл. 1. Материал по ямбу взят из «Евгения Онегина», по амфибрахию из «Мороза Красного носа», по дольнику — из лирики Ахматовой, по акцентному стиху — из ранних поэм Маяковского, по прозе — из его же очерков. По тактовику из 25 стихотворений, приводимых А. П. Квятковским, выбрано 19; остальные оказались при ближайшем рассмотрении дольниками (например, «В небе, ржавее жести» Цветаевой, «Левый марш» Маяковского) или логаэдами («Сельская гравюра» Кирсанова). По составу междуударных интервалов оставшиеся 19 случаев тактовика четко разделились на две группы: в первой— «Сказ о Степане Разине» Рукавишникова (первые 100 строк), два отрывка из «Улялаевщины» Сельвинского («Ехали казаки...» — 20 строк, «Вдруг загудели сонные шпалы» — 100 строк), отрывок из «Боженьки» Третьякова, «Перекоп» Луговского, «Синие гусары» Асеева, «Топчук» и «Дундербундер» Агапова, «Цыганская венгерка» Казина, «Веселые ребята» и «Физкультурный марш» Лебедева-Кумача, лезгинка из поэмы «Керим» Жарова, «Из газет» и «По городу бегал черный человек» Блока, «Лето господне благоприятно» Кузмина; во второй группе — «Наш марш» и «Барабанная песня» Маяковского, «Реквием» Асеева, «Тринадцать» Кирсанова.

Из табл. 1 — особенно из ее последней графы — отчетливо видно, что междуударные интервалы в тактовике имеют ясную организацию: в тактовике I группы употребляются, по существу, только три междуударных

---

[9] А. П. Квятковский Поэтический словарь, стр. 295.

[10] Заметим, что И. Сельвинский (указ. соч., стр. 63—71), демонстрируя особенности тактовика на частушках и экспериментальном стихотворении «Синий конь», также не выходит из круга этих четырех признаков.

интервала — в 1, 2 и 3 слога:

Така́я была но́чь, что ни ве́тер гулево́й,
Ни ру́сская стару́ха земля́
Не зна́ли, что поде́лать с тяже́лой голово́й,
Золото́й голово́й Кремля́ . . .

(В. Луговский, «Перекоп»),

в тактовике II группы — тоже только три междуударных интервала, но на этот раз — в 0,1 и 2 слога:

На́ш оте́ц — заво́д,
Кра́сная ке́пка — фла́г.
Е́сли заво́д позове́т —
Ру́ку про́чь, вра́г!

(В. Маяковской, «Барабанная песня»).

Эти ограничения в подборе междуударных интервалов не могут быть случайными. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить показатели по тактовику с показателями по акцентному стиху (в самой организованной из ранних поэм Маяковского, в «Человеке», сумма 1-, 2- и 3-сложных интервалов не превышает 93,2%) и тем более с показателями по прозе. Здесь налицо сознательный ритмический отбор. А это значит, что тактовик действительно существует как самостоятельный вид стиха, ритмические закономерности которого соблюдаются поэтом и ощущаются читателем. Растворять его отчасти в дольнике, а отчасти в неопределенном «тоническом стихе», как это делает А. С. Карпов, нет никаких оснований.

Эти ограничения в различных стихотворениях соблюдаются в различной мере. В «Перекопе», «Топчук», «По городу бегал...», стихах Лебедева-Кумача и Жарова, «Барабанной песне» Маяковского три характерных для дольника междуударных интервала составляют все 100%. В других стихотворениях время от времени появляются нестандартные интервалы — нулевые и 4-сложные в I группе (а у Сельвинского даже единичные 5—6-сложные), 3-сложные и 4-сложные во II группе. 4-сложные интервалы часто возникают в результате простого пропуска ударения (как в дольнике типа «Неожиданный аквилон») и даже не ощущаются как нарушения ритма — например, в «Реквиеме» Асеева: «С горем наперевес,/Зубы тоской сжав,/Фабрик и деревень/ ширься, сплошной шаг...». Наименьшей строгостью отличаются тактовики Сельвинского (сумма трех характерных интервалов — около 94%) и «Из газет» Блока (92,2%, т. е. ниже, чем в «Человеке» Маяковского).

Это напоминает, что четких рубежей между тактовиком и более вольным акцентным стихом (равно как и между тактовиком и более строгим

Таблица 1

Междуударные интервалы в различных стихотворных размерах

Интервал / Размер стиха	0	1	2	3	4	5	6	7	8	Господствующие интервалы	
Ямб	3,6	64,3	1,5	30,6	—	0,1	—	—	—	1+3	94,9%
Амфибр.	7,5	4,3	88,2	—	—	—	—	—	—	2	88,2%
Дольник	—	35,4	61,3	0,8	2,5	—	—	—	—	1+2	96,7%
Тактовик I	1,0	26,7	46,4	24,1	1,1	0,6	0,1	—	—	1+2+3	97,2%
Тактовик II	30,8	23,8	41,1	—	4,3	—	—	—	—	0+1+2	95,0%
Акценти. стих	3,2	32,5	45,0	13,7	4,3	0,9	0,3	0,02	—	1+2+3	91,2%
Проза	7,1	25,4	27,9	21,6	12,4	4,2	0,9	0,3	0,2	1+2+3	74,9%

дольником) не существует: на стыке более строгих и более вольных размеров всегда может лежать бесконечное множество переходных форм. Выделить их и провести наиболее удобные демаркационные линии между тактовиком и иными размерами — дело будущего. Но определение основного, типического признака тактовика может быть дано уже сейчас.

Тактовик — это стих, в котором объем междуударных интервалов колеблется в диапазоне трех вариантов, 0—1—2 или 1—2—3 слога, — как правило, не меньше и не больше. Это — объективный метрический признак, определяющий строение стиха; на его основе возможны различные способы произнесения стиха, одним из которых является «тактометрическая читка», описанная Квятковским: по существу, она есть не что иное, как скандирующее чтение применительно к тактовику [11]. Заслуга Квятковского — в том, что он первый расслышал и выделил из массы тонического стиха тактовик как особый его вид; ошибка Квятковского — в том, что он дал найденному стиху определение, основанное не на объективных признаках, а на субъективных, не на метрических, а на декламационных, и этим надолго задержал плодотворное изучение им же открытого стиха.

До сих пор мы не выходили из узкого круга примеров тактовика, приводимых Квятковским. Теперь, располагая объективным критерием определения тактовика, можно выявить в русской поэзии XX в. довольно большое количество стихотворений, написанных этим размером. Такая работа только начата; для удобства будущих исследователей приводим перечень стихов-тактовиков, выявленных на первых же этапах работы: К. Бальмонт — «Замок», «Болото», «Старый дом», «Заинька», «Гимн бессмертию (из Эспронседы)»; А. Блок — «Отворяются двери — там мерцанья», «У берега зеленого...», «Я был весь в пестрых лоскутьях...», «Просыпаюсь я — и в поле туманно», «На Вас было черное закрытое платье», «Ей было пятнадцать лет...», «Не строй жилищ у речных излучин»; В. Иванов — «Хвала Солнцу», «Вечеровое коло», «Из далей далеких», «Под березой», «Двойник»; М. Кузмин — «Ах, уста, целованные столькими», «В театре», «На вечере»; О. Мандельштам — «Летают валькирии, поют смычки»; И. Рукавишников («Сочинения», кн. 10) — «Скоморошья», «Белые колонны, аллея тенистая», «От моря Заката и до моря Восхода», «Я тень безвременно ушедшей царицы»; В. Нарбут — «Блоку», «Тиф»; Б. Агапов — «Любовь», «Отрывок детства»; В. Луговской — «Молодежь», «Волчий вой», «Биография Нечаева», «О друзьях», «Черноморская эскадра в Ялте», «Девичья полночная», «Рубка под Воронежем» Э. Багрицкий — «Бессонница»; Н. Панов — «Дело Корнилова»; Н. Тихонов — «Ремонт», «Выра» (гл. 2, 10, 14, 19, 21); Б. Корнилов — «Дед», «Рассказ моего товарища», «Весенние тезисы»; П. Васильев — «Песня о гибели казачьего войска» (гл. 9, 10, 13—16); М. Луконин — «Признание в любви» (ч. 2, гл. 1, 4, 6, 12, 13); Н. Матвеева — «Древесина», «Караван», «Фокусник», «Предки Джимми»; Б. Окуджава — «Король». Особенно много тактовиков у Р. Рождественского: 2-иктным тактовиком написаны «Весенняя Валя», «Сердце в руках», «Ревность», «На плесе», «Полны подвалы Эгера»; 3-иктным — «В защиту воспоминаний», «Окна, которые

[11] Собственно, само название «тактовик» неудобно тем, что как бы подчеркивает требование декламационной изохронности тактов, нимало не обязательное. (Ср. такой же декламационный призвук в термине «паузник».) Лучше было бы взять за основу терминологию Квятковского не 1966 г., а 1929 г., и называть наш размер «ударником», а термин «тактовик» оставить для «Лыжного пробега» Агапова, «Цыганской рапсодии» Сельвинского и трех стихотворений самого Квятковского, напечатанных в «Госплане литературы» и «Бизнесе» с декламационной разметкой. Но это слишком усилило бы и без того тяжелую терминологическую неразбериху в нашем стиховедении.

нарисованы», «Отволнуюсь, отлюблю...», «Следы», «Я лирические вздохи забыл», «У планеты сон не слишком глубокий», «Назым», «Третий лишний», «Парни с поднятыми воротниками», «Научили человека разговаривать», «Ответ на записку из зала»; 4-иктным — «Стихи о моем имени», «Кино в Улан-Баторе», «Вольф Мессинг», «Вслушайтесь!», «Базар того года», «Деревья», «Кстати об обычаях», «В клубе миллионеров», «Взял билет до станции Первая Любовь»; чередованием 4- и 3-иктного — «Али-Бала», «Говорила мама...», «Родине». Целый ряд стихотворений, принадлежность которых к тактовику более сомнительна (например, из цикла «Город» Блока), в этот список не вошел.

Все перечисленные стихотворения написаны тактовиком I типа — с интервалами 1—2—3 слога. Примеров тактовика II типа не нашлось ни одного; почему этот размер так редок, можно лишь гадать. В дальнейшем речь будет идти почти исключительно о тактовике I типа.

3. Посмотрим, какое место занимает тактовик в системе русского стихосложения. Система русских стихотворных размеров представляется в настоящее время большинству стиховедов в таком виде. Три основные группы размеров русского стиха — это силлабо-тоника, дольники и чистая тоника. Силлабо-тоника — это стих, который имеет внутренний ритм, образуемый чередованием сильных мест (иктов) и слабых мест (междуиктовых интервалов), причем объем последних есть величина постоянная — один слог в ямбе и хорее, два слога в дактиле, амфибрахии и анапесте; наименьшая единица метра — постоянная стопа. Дольники — это стих, который тоже имеет внутренний ритм, но в котором объем междуиктовых интервалов есть величина переменная, с небольшим диапазоном — обычно 1—2 слога; наименьшая единица метра — переменная доля. Чистая тоника — это стих, уже не имеющий внутреннего ритма, потому что в нем диапазон колебания объема междуударных интервалов так велик, что теряется само противопоставление сильных и слабых мест; наименьшая единица метра здесь — целая стихотворная строка.

Между этими тремя основными типами стиха имеются переходные виды. Между дольниками и силлабо-тоникой лежат логаэды — стих, в котором объем междуиктовых интервалов на протяжении строки переменен, но на одном и том же месте всех строк постоянен: например, в переводах античных лирических размеров. Между дольниками и чистой тоникой тоже, несомненно, лежит какая-то переходная форма; но до сих пор она оставалась ненайденной и неизученной. А форма эта очень важна: это — недостающее звено, которое позволило бы выяснить, где тот порог, до которого в стихе еще ощущается внутренний ритм, ощущается объем междуударных интервалов, и после которого он перестает ощущаться, после которого начинается чистая тоника.

Думается, что теперь кандидат на эту роль недостающего переходного звена в системе русских размеров найден: это тактовик [12]. Действительно, в силлабо-тонике объем междуударных интервалов имеет только один вариант, 1 или 2 слога; в дольниках — два варианта, 1—2 слога; в тактовике — три варианта, 0—1—2 или 1—2—3 слога; и, наконец, там, где число вариантов превышает три, слух перестает их различать, и мы ощущаем просто «многосложный» интервал, не улавливая, 4-сложный он или 6-сложный. Тактовик — это стих, который работает на пределе нашего ритмического ощущения, у самого его порога. Почему этот порог лежит

[12] Соответственно, нет никаких оснований помещать тактовик как некий венец развития стиховой культуры «по ту сторону» акцентного стиха, как делает И. Сельвинский (указ. соч., стр. 60: «...ударник приходит к какой-то новой просодии, когда обретает кантилену» — и неожиданный пример в виде чистого дактиля!).

именно между 3 и 4 слогами — вопрос особый, останавливаться на котором здесь не место [13].

Промежуточное положение тактовика между дольником и акцентным стихом на этой лестнице постепенного расслабления ритма можно уловить даже непосредственно на слух. Вот для сравнения образцы дольника, тактовика и акцентного стиха, написанные 4—3—4—3-иктной строфой. Рядом приводится их схематическая запись: цифры между двумя точками означают число слогов в междуударных интервалах, цифра перед точками — длину безударного зачина (если анакруса несет сверхсхемное ударение, цифра подчеркивается), цифра после точек — длину окончания.

Дольник:

В Одессе каштаны оделись в дым,	1.221.
И море по вечерам,	1.4.
Хрипя, поворачивалось на оси,	1.25.
Подобное колесу.	1.4.
Мое окно выходило в сад,	1.121.
И в сумерки, сквозь листву,	1.4.
Синели газовые рожки	1.14.
Над вывесками пивных.	1.4.
И вот на этот шипучий свет,	1.121.
Гремя миллионом крыл,	1.21.
Летели скворцы, расшибаясь вдрызг	1.221.
О стекла и провода.	1.4.
Весна их гнала из-за черных скал	1.221
Бичами морских ветров . . .	1.21.

(Э. Багрицкий, «Последняя ночь»)

Тактовик:

Такая была ночь, что ни ветер гулевой,	1.323.
Ни русская старуха-земля	1.32.
Не знали, что поделать с тяжелой головой—	1.323.
Золотой головой Кремля.	2.21.
Такая была ночь, что костями засевать	1.323.
Решили черноморскую степь.	1.32.
Такая была ночь, что ушел Сиваш	1.321.
И мертвым постелил постель.	1.31.
Такая была ночь — что ни шаг, то окоп,	1.322.
В присядку выплясывал огонь,	1.23.
Подскакивал Чонгар, и ревел Перекоп,	1.322.
И рушился махновский конь.	1.31.
И штабы лихорадило, и штык кровянел,	1.332.
И страх человечий смолк,	1.21.
Когда за полками перекрошенных тел	1.232.
Наточенный катился полк . . .	1.31.

(В. Луговской, «Перекоп»).

Акцентный стих:

Граждане, /у меня/ огромная радость.	.412.1
Разулыбьте /сочувственные лица.	2.23.1
Мне /обязательно/ поделиться надо.	.241.1
Стихами /хотя бы/ поделиться.	1.23.1
Я /сегодня/ дышу, как слон,	.121.
Походка /моя/ легка.	1.21.
И ночь /пронеслась,/ как чудесный сон,	1.221.
без единого /кашля и плевка.	2.23.

[13] О «вставке безударных слогов в переходный стих с основой трехстопного анапеста» писал А. Артюшков («Основы стиховедения», М., 1929, стр. 42—45), о «слогоизлишках» в метре — Г. Шенгели («Техника стиха», М., 1940, стр. 96—97), о «сложном дольнике» с дозволением интервалов в 3 слога и более говорил в лекциях С. М. Бонди, но все они ограничивались приведением единичных примеров.

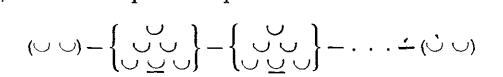
Неизмеримо /выросли/ удовольствий дозы. 3.141.1
Дни осени /баней воняют, 1.22.1
а мне /цветут, /извините,/ розы, 1.121.1
и я их, /представьте,/ обоняю. 1.23.1

И мысли /и рифмы/ покрасивели/ и особенные, 1.234.3
аж вытаращит /глаза/ редактор. 1.41.1
Стал вынослив /и работоспособен, .16.1
как лошадь /или даже — /трактор. 1.31.1

(В. Маяковский, «Я счастлив»).

Разница ритма вполне ощутима; однако видно, что для ясности такого ощущения необходимо иметь перед собой более или менее длинный кусок текста (порядка вышеприведенных), иначе нас может ввести в заблуждение, скажем, случайное скопление «анапестических» строчек в дольнике, «дольниковых» — в тактовике, «тактовиковых» — в акцентном стихе; дело в том, что каждый более строгий размер на ступеньках этой лестницы неизбежно является частным ритмом более свободного размера.

4. Итак, можно изобразить строение тактовика такой схемой:



Теперь необходимо сказать о двух видоизменениях, которым может подвергаться эта схема: о пропуске ударений на сильных местах (знак —) и о сверхсхемных ударениях на слабых местах (знак ⏝).

Пропуск ударений в тактовике не представляет собой ничего нового по сравнению с пропуском ударений, скажем, в анапесте («Русокудрая, голубоокая...») или в дольнике («Неожиданный аквилон»): это такое же простое удлинение междуударного интервала или безударного зачина стиха, и встречается оно весьма редко (чаще других — у П. Васильева). Примеры:

Если не по звездам — по сердцебиенью .35.1
Полночь узнаешь, идущую мимо 222.1
Сосны за окнами — в черном опереньи, .223.1
Собаки за окнами — клочьями дыма . . . 1.222.1

(Э. Багрицкий, «Бессонница»).

Нет, я гораздо, и довольно чемоданов! .223.1
Писем! духов! и фокстротов! . . Что ж, .221.
Как конструктивист, я, учитывая данные, 4.23.2
Заявляю: ребята! Учебу даешь! 2.222.

(Б. Агапов, «Любовь»).

Сверхсхемные ударения в тактовике представляют собой гораздо более новое и важное ритмическое явление. Сверхсхемные ударения — не редкость и в дольнике, и в классической силлаботонике. Но так как там возможны лишь односложные и двухсложные междуиктовые интервалы, то сверхсхемное ударение неизбежно оказывается рядом со схемным и атонируется. В тактовике же сверхсхемные ударения могут попасть и на средний слог трехсложного интервала, не соприкасающийся со схемными ударениями, и избежать атонации. Вот простейший пример:

Ну-ка, **ну-ка**, топни ногою! .112.1 (=.32.1)
Ну-ка, **ну-ка**, топни другою! .112.1 (=.32.1)
Где ты, **моя** травка-былинка .32.1
Галочка, Галюшка, Галинка!.. .32.1

(А. Жаров, «Керим»)

В слове *моя* сверхсхемное ударение соприкасается со схемным и звучит отчетливо слабее его. Но в слове *ну-ка* сверхсхемное ударение не со-

прикасается со схемным и звучит без всякого ослабления. Для остальных видов русского стиха «сверхсхемное ударение» и «ослабленное ударение» синонимичны; для тактовика — нет: сверхсхемные могут звучать так же точно, как и схемные, и только при скандовке их различие становится явным. Именно поэтому в схеме на среднем месте трехсложного интервала поставлен знак $\underset{\smile}{\ }$: здесь может стоять и звучать как безударный слог, так и ударный.

Особенно наглядно видно, что эти сверхсхемные ударения в тактовике звучат ничуть не слабее схемных, в том случае, когда они попадают в начало стиха. Тогда нередко схемное ударение, первое в стихе, пропускается, а сверхсхемное ударение в последующем трехсложном интервале сохраняется. Пример:

. . . **И по этим** водам, по злому вою	2.121.1 (=.321)
Крыльями крыльца раздвигая сосны,	.321.1
Сруб начинает двигаться в прибое,	.213.1
Круглом и долгом, как гром колесный . . .	.221.1
. . . Это — черноморская ночь в уборе	.321.1
Вологодских звезд — золотых баранок.	2.121.1 (=321.1)
Это расступается Черное море	.322.1
Черных сосен и черного тумана . . .	.123.1

(Э. Багрицкий, «Бессонница»)

Все стихотворение Багрицкого выдержано с постоянной нулевой анакрусой; поэтому предполагать, что в двух выделенных стихах неожиданно происходит простое удлинение анакрусы, не приходится. Перед нами — смещение ударения в такте: схемное пропущено, сверхсхемное сохранено. Такой ритм вполне естествен в начале стиха; в середине стиха он, понятным образом, невозможен (разве что при сильной цезуре — например, в стихотворении Б. Корнилова «Открытое письмо моим приятелям»).

Таким образом, можно сказать, что тактовик допускает пять вариантов такта (междуиктового интервала):

1-сложный — $\smile$ — (обозн. «1»)
2-сложный — $\smile$ $\smile$ — (обозн. «2»)
3-сложный:
(A) без сверхсхемного ударения — $\smile$ $\smile$ $\smile$ — (обозн. «3»)
(B) со сверхсхемным ударением — $\smile$ — $\smile$ — (обозн. «3»)
(C) со смещенным ударением $\underset{=}{\smile}$ $\smile$ — $\smile$ — (обозн. «3») — возможен только в начале стиха!

Из этих пяти вариантов такта, как из кирпичей, составляются строки тактовика. Все возможные сочетания этих тактов в стихе могут быть рассчитаны заранее.

2-иктный тактовик может иметь пять ритмических форм: .1., .2., .3., .$\underset{=}{3}$., .$\underset{=}{3}$.

3-иктный тактовик — 29 ритмических форм: 20 полноударных (с интервалами 11, 21, 31, $\underset{=}{3}$1, 1$\underset{=}{3}$; 12, 22, 32, $\underset{=}{3}$2, 2$\underset{=}{3}$; 13, 23, 33, $\underset{=}{3}$3, 3$\underset{=}{3}$; 1$\underset{=}{3}$, 2$\underset{=}{3}$; 3$\underset{=}{3}$, $\underset{=}{3}$3, $\underset{=}{3}\underset{=}{3}$) и 9 — с пропусками схемных ударений.

4-иктный тактовик — 144 ритмические формы: 80 полноударных (111, 211, 311, 3$\underset{=}{1}$1, 31$\underset{=}{1}$; 121, 221, 321, $\underset{=}{3}$21, 3$\underset{=}{2}$1 и т. д.) и 64 — с пропусками схемных ударений[14].

[14] Точнее, 136 ритмических форм, из них 72 полноударных: дело в том, что некоторые формы со сверхсхемными ударениями по звучанию совпадают. Так, начальная строка Бальмонта «В старинном доме есть высокий зал,/Ночью в нем слышатся тихие шаги...» может быть интерпретирована и как 1.311, и как 1.1$\underset{=}{3}$1, и как 1.11$\underset{=}{3}$. Такие формы малоупотребительны, поэтому в настоящем разборе, при первом подступе к изучению ритма тактовика, мы позволяли себе без большого риска интерпретировать их непосредственно на слух (например, вышеприведенную строку Бальмонта — как 1.131). При более тщательном исследовании их, конечно, придется выделять особо.

Вот образцы звучания 2-иктного, 3-иктного и 4-иктного тактовика из стихов Р. Рождественского. В скобки взяты схемы строк, выпадающих из ритма тактовика.

Двухиктный тактовик

С ней бы плыть на лодке.	.3.1	«Сколько сэкономлено?»	.3.2
Долго. / Медленно.	.1.2	«Когда установлено?»	1.2.2
Взять ее за локоть	.3.1	Цифры. / Цифры	.1.1
Нежно. / Намеренно.	.2.2	Прыгают, как в цирке.	.3.1
Побродить просто . . .	(2.0.1)	Ничего не сделаешь —	.3.2
А я вот ей / муторно	1.2.2	Служба / такая . . .	.2.1
Задаю вопросы	.3.1	А за окном / с дерева	(3.0.2)
С видом / мудрым:	.1.1	Катятся капли . . .	.2.1)

(«Весенняя Валя»).

Трехиктный тактовик (с 2-сложной анакрусой):

Я лирические вздохи / забыл.	2.32.
Прозаичные слова / идут / на ум.	2.33.
А вокруг — / Сибирь. / Сплошная / Сибирь.	2.32.
Городок / Академии наук.	2.23.
Юный физик / видно, очень педант /	2.32.
объясняет мне, / где дом, / где река.	2.32.
Он спокоен. / Он зело / бородат,	2.32.
только шея / тонковата слегка.	2.32.
Он величественно / к плазме / перешел,	2.33.
И слова его / округло скользят.	2.32.
Для него я наивен, / как детсад,	2.23.
И поэтому / немного смешон . . .	2.32.

(«Я лирические вздохи забыл . . .»)

Четырехиктный тактовик:

Скачки на экране! / Скачки! / Скачки!	.311.1
В клубе Улан-Батора / народу полно . . .	.332.
Пожалуйста, не ждите / восточной / сказки	1.321.1
Я расскажу о том, / что было / в кино.	.232.
А в кино было вот что: / летели по экрану	2.223.1
кони, / распластанные / в серой пыли.	.232.
И было непонятно, / и было очень странно,	1.323.1
что они / должны еще / касаться / земли!	.332.
Наверное, сейчас они / копытами бабахнут!	1.333.1
И растают в небе / на несколько дней . . .	.322.
Сзади / старичок / причмокивает губами	(.314.1)
и стонет / в истоме, / глядя на коней! . .	1.213.

(«Кино в Улан-Баторе»).

Задача исследователя — подсчитать частоту употребления различных форм тактовика и выявить тенденции распределения различных тактов в различных позициях в стихе.

5. Приведем таблицы распределения различных видов междуиктового интервала в тактовике некоторых поэтов. Все цифры даны в процентах: для интервалов 1-, 2- и 3-сложных — от общего числа всех интервалов на данном месте из исследуемого объема стихов, для вариантов (A, B, C) 3-сложного интервала — от общего числа всех 3-сложных интервалов на данном месте в том же материале. Для сравнения приводятся теоретические показатели «естественного» распределения интервалов, рассчитанные на основе прозы (были взяты первые 450 двух- и трехсловных сочетаний из «Пиковой дамы», укладывающиеся в ритмы междуиктового интервала в тактовике: «Ночь прошла», «Однажды играли», «Которые остались», «Что ты сделал, Сурин», «Инженеру; отроду» и т. п.). Для стихов Рождественского дополнительно указывается распределение интервалов (сум-

Таблица 2

Теоретическое распределение интервалов

Интервалы	1-й такт	2—3-й такты
1	15,5	18,0
2	35,4	40,9
3	49,1	41,1
в том числе:		
A	48,8	67,5
B	23,6	32,5
C	27,6	—

Таблица 3

Двухиктный тактовик (Р. Рождественский, 242 стиха)

Интервалы	Всего	Место в строфе	
		I	IV
1	10,0	3,4	20,0
2	40,5	35,6	43,3
3	49,5	61,0	36,7
в том числе:			
A	47,5	38,9	50,0
B	31,4	41,7	22,8
C	21,2	19,4	27,2

марное, без учета места в стихе) для первой и последней строки в строфе-четверостишии. Стихи, выпадающие из тактовиковой схемы, и стихи неполноударные (последних было очень немного) в подсчеты не вошли.

Стихотворения, послужившие материалом для подсчетов, перечислены выше (стр. 82). Из Бальмонта опущен только «Заинька», из Блока — «Я был весь в пестрых лоскутьях» (это — не 4-иктный, а 3-иктный тактовик). Из поэтов 1920-х годов (преимущественно — конструктивистов)

Таблица 4

Трехиктный тактовик (Р. Рождественский, 353 стиха)

Интервалы	Место в стихе		Всего	Место в строфе	
	1	2		I	IV
1	5,1	3,4	4,2	3,0	6,3
2	22,9	52,7	37,8	34,3	43,7
3	72,0	43,9	58,0	62,7	50,0
в том числе:					
A	64,2	72,9	67,5	59,5	81,2
B	35,8	27,1	32,5	40,5	18,8

Таблица 5

Четырехиктный тактовик (Р. Рождественский, 242 стиха)

Интервалы	Место в стихе			Всего	Место в строфе	
	1	2	3		I	IV
1	3,3	19,8	12,8	12,0	13,2	12,5
2	16,1	38,4	42,6	32,5	27,5	37,5
3	80,6	41,8	44,6	55,5	59,3	50,0
в том числе:						
A	49,2	98,0	73,2	67,8	64,3	77,4
B	24,6	2,0	26,8	19,6	24,1	13,1
C	26,2	—	—	12,6	11,6	9,5

взяты: «Топчук», «Дундербундер», «Отрывок детства», «Бессонница», «Синие гусары», «Молодежь», «Биография Нечаева», «Волчий вой», «О друзьях»; стихи Сельвинского и «Дело Корнилова» Панова имеют ритм несколько иной, и поэтому оставлены в стороне.

На основании табл. 2—10 можно сделать три предварительных вывода. Два первые из них относятся преимущественно к тактовику на современном этапе его развития, к стиху Рождественского и Луконина.

а) Чем ближе такт к началу стиха, тем такт длиннее; к концу стиха длина такта стремится убывать. Строки с убыванием длины тактов (схема: 332, 322, 331, 321, 221 и т. п.) типичнее для тактовика, чем строки с нарастанием длины тактов (схема: 233, 223, 133, 123 и т. п.); стих «Крыльями крыльца раздвигая сосны» типичнее, чем стих «Сруб начинает двигаться в прибое». У Рождественского строки с убыванием длины тактов встречаются в четыре раза чаще, чем строки с нарастанием. Любопытно, что это — та же закономерность, что и в дольниках: там тоже в 3-ударном дольнике строки типа «21» («Потемнели, поблекли залы») встречаются значительно чаще, чем строки типа «12» («И король, нахмуривший брови»), а в 4-ударном дольнике — строки типа «221» чаще, чем строки типа «112». При этом чем ближе стих к началу строфы, тем больше в нем длинных, 3-сложных тактов, и чем дальше к концу строфы, тем больше в нем коротких тактов.

б) Чем ближе трехсложный такт к началу стиха, тем чаще в нем появляется сверхсхемное ударение; к концу стиха количество сверхсхемных ударений стремится убывать. В начале стиха вариацию А (без сверхсхемного ударения) сильно теснят вариации В и С, но в середине и в конце стиха вариация А господствует. У Рождественского строки с 3-сложными интервалами несут сверхсхемное ударение на первом месте («Вáм в садý несла́дко, а в поле и подавно») в два раза чаще, чем на последнем месте («И было непонятно, и бы́ло о́чень стра́нно»). Любопытно, что это — та же закономерность, что и в классических ямбах и хореях: там тоже первая половина стиха обычно более обильна ударениями, стих типа «Когдá не в шýтку занемог» встречается гораздо чаще, чем стих типа «На лаковом полý моéм». Нако-

Таблица 6

Четырехиктный тактовик (К. Бальмонт, 134 стиха)

Интервалы	Место в стихе			Всего
	1	2	3	
1	11,9	23,8	12,7	16,1
2	49,3	52,3	24,6	42,1
3	38,8	23,8	62,7	41,8
в том числе:				
А	76,9	93,7	79,7	81,6
В	23,1	6,3	20,3	18,4

Таблица 7

Четырехиктный тактовик (А. Блок, 102 стиха)

Интервалы	Место в стихе			Всего
	1	2	3	
1	25,5	29,4	21,6	25,5
2	50,9	47,0	48,0	48,7
3	23,6	23,6	30,4	25,8
в том числе:				
А	91,7	95,8	93,5	93,7
В	8,3	4,2	6,5	6,3

Таблица 8

Четырехиктный актовик (Н. Тихонов, 131 стих)

Интервалы	Место в стихе			Всего
	1	2	3	
1	5,3	20,6	20,6	15,5
2	47,3	58,8	23,6	43,3
3	47,3	20,6	55,8	41,2
в том числе:				
А	67,7	100	93,1	84,6
В	24,2	—	6,9	12,3
С	8,1	—	—	3,1

Таблица 9

Четырехиктный тактовик (Поэты 20-х годов, 372 стиха)

Интервалы	Место в стихе			Всего
	1	2	3	
1	15,3	19,3	35,0	23,2
2	57,9	63,0	40,3	53,7
3	26,8	17,7	24,7	23,1
в том числе:				
А	93,0	98,5	96,7	95,7
В	5,0	1,5	3,3	3,5
С	2,0	—	—	0,8

нец, в тактовике обнаруживается, что чем ближе стих к началу строфы, тем больше в нем сверхсхемных ударений, и чем дальше к концу строфы, тем их меньше; точно так же и классический ямб предпочитал начинать строфу полноударными строчками, а кончать неполноударными.

Обе эти тенденции — (а) и (б) — допустимо свести воедино и сформулировать так: от начала стиха к концу его и от начала строфы к концу ее стих стремится делаться л е г ч е, т. е. стремится, чтобы меньше было число слогов, где это можно (в тактовике и дольнике) и число ударений, где это можно (в тактовике и ямбе). В такой формулировке эта закономерность, по-видимому, имеет силу для большинства стихотворных размеров русской системы стихосложения по крайней мере последних полутораста лет.

Таблица 10

Четырехиктный тактовик (М. Луконин, 312 стихов)

Интервалы	Место в стихе			Всего
	1	2	3	
1	17,3	22,4	32,7	24,2
2	41,0	51,6	51,0	47,8
3	41,7	26,0	16,3	28,0
в том числе:				
А	58,5	97,5	72,5	73,3
В	41,5	2,5	27,5	26,7

в) Описанные две тенденции развились в русском тактовике не всюду и не сразу. Прежде всего, в рассмотренном материале можно выделить две группы, две линии: с одной стороны — Бальмонт, Тихонов и (можно добавить) Н. Панов, с другой — Блок, поэты 20-х годов (главным образом, Луговской), Луконин, Рождественский. Для первой группы характерна тенденция, противоположная описанной в пункте (а) — тенденция к удлинению тактов к концу стиха: здесь самые характерные ритмические формы — «223», «123». В какой мере Тихонов и Панов испытывали влияние Бальмонта, в какой развивались самостоятельно — сказать трудно. Для второй группы преемственность традиции более очевидна: о том, что конструктивисты ощущали связь своих метрических экспериментов с блоковскими, свидетельствует Квятковский в «Бизнесе», а о том, что Луконин и Рождественский ощущали себя «учениками» Луговского, свидетельствовали не раз, письменно и устно, они сами. В этой линии и развиваются отмеченные две ритмические закономерности. Развиваются они постепенно. У Блока, конструктивистов, Луконина господствующим интервалом еще остается 2-сложный — у Рождественского уже становится 3-сложный (заполняющий преимущественно начальный такт). У Блока и конструктивистов сверхсхемные ударения в 3-сложных интервалах еще не играют никакой роли — у Луконина они уже заполняют четверть трехсложных интервалов, а у Рождественского треть всех таких интервалов. Как объяснить эту эволюцию? Можно предположить, что причина в том, что тактовик развился из дольника, постепенно расшатываемого введением все более обильных «недозволенных» 3-сложных интервалов (характерная переходная ступень — стих В. Иванова, в котором 3-сложные интервалы многочисленны, но только в среднем такте, как бы в виде цезурного наращения). В таком случае и обилие 2-сложных интервалов и отсутствие сверхсхемных ударений в раннем тактовике окажутся приметами, унаследованными от дольника, а появление их в тактовике 50—60-х годов будет означать, что к этому времени тактовик окончательно «осознает себя» как самостоятельный размер, перестает копировать ритмические особенности дольника и развивает свои отличия от него — количество 3-сложных интервалов и обилие сверхсхемных ударений в них.

Но это лишь догадка; вопрос о генезисе тактовика сложен и выходит за пределы настоящей статьи.

Р. ШТЕРНЕМАН

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Произошедшее в современной лингвистике коренное изменение общелингвистических концепций существенно отразилось и на понимании функций и значения глагольных категорий. Если Я. Гримм в своей «Немецкой грамматике» 1837 г. (ч. 4, стр. 182) еще писал о том, что «ощутимое отсутствие» категории будущего времени в немецком компенсируется сочетанием «*werden* + инфинитив», имеющим (в противоположность *soll* и *will*) «скорее значение чисто абстрактного будущего» [1], то вряд ли можно найти более яркую характеристику современных концепций категории футурума, чем, например, следующее высказывание В. Порцига: «Значение современной немецкой формы „*werden* + инфинитив“ ..., которая нередко считается формой „будущего времени“ (хотя в современном языке эта категория вообще отсутствует), нельзя понять исходя из представленных в современном немецком категорий. Лучше всего, пожалуй, значение указанной формы можно описать, как „модус ожидания“ с различной смысловой окраской в зависимости от лица, в котором эта форма употребляется» [2].

Мнения такого рода, как известно, в наше время высказываются весьма часто, хотя и ранее не было недостатка в указаниях на многозначность конструкции «*werden* + инфинитив». Так, у Хайзе читаем: «Простое будущее (Futurum simplex) употребляется вместо презенса и Futurum exactum употребляется вместо перфекта в том случае, если предложение должно выражать чистую вероятность или предположение» [3]. Нередко указывается как на временно́й, так и на модальный аспекты значения конструкции «*werden* + инфинитив». Весьма существенно в этой связи следующее замечание Пауля, дающее одновременно (психологическое) объяснение изучаемого явления: «В связи с тем, что будущее всегда остается неопределенным (неизвестным), категория футурума употребляется и для того, чтобы неизвестное отличить от чего-то известного, происходящего сейчас (в настоящем времени)» [4]. Тем не менее Пауль взвешивает возможность другой интерпретации: «С другой стороны, однако, предложение типа *er wird zu Hause sein* можно истолковать как „может оказаться, что он уже дома“» [5]. В связи с тем, что передача посредством футурума значения (модального) настоящего (resp. прошедшего) является широко распространенным в языках явлением, исследователи, принадлежащие к разным филологическим дисциплинам, нередко еди-

[1] В издании «Грамматики» 1898 г. (стр. 213) имеется добавление: «Футурум с *werden* служит для выражения вероятной предпосылки».

[2] W. Porzig, Aufgaben der indogermanischen Syntax, в кн.: «Festschrift W. Streitberg. Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft», Heidelberg, 1934, стр. 145 и сл.

[3] J. C. A. Heyse, Ausführliches Lehrbuch der deutschen. Sprache, neubearb. von K. W. L. Heyse, 1, Hannover, 1838, стр. 762.

[4] H. Paul, Deutsche Grammatik, 4, Halle/Saale, 1920, стр. 153.

[5] H. Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 3, Aufl., Haale/Saale, 1920, стр. 278.

нодушно указывают на этот факт. Так, Диц пишет (относительно романских языков): «Учитывая, что явление, имеющее место в будущем, неопределенно, футурум может также служить для выражения вероятности» [6]. Подобную же аргументацию находим у Зиберера (в отношении исландского) [7], а также у Вартбурга и Цумтора: «Предположение представляется как гипотеза, имеющая силу до того момента, когда она проверяется (в будущем)» [8]. В том же направлении рассуждает и Есперсен [9]. Вряд ли целесообразно, однако, продолжать далее характеристику прежних концепций, ибо в настоящей статье на основе критической оценки новейших интерпретаций категории футурума высказываются соображения, цель которых — в определенной мере способствовать прояснению сложного и многоаспектного вопроса о сущности этой категории.

Хотя приведенные выше высказывания Порцига и других ученых представляют собой явное отрицание футурального характера конструкции «*werden* + инфинитив», нельзя не отметить, что и в наши дни при разборе вопроса о категории футурума высказываются самые различные мнения, в том числе и тезис о том, что конструкция «*werden* + инфинитив» носит характер будущего времени (см. ниже). Подобное же положение наблюдается и при исследовании других языков. Например, в отношении исландского, где наиболее важной является концепция Кресса, который исл. «*munu* + инфинитив», в противоположность традиционным точкам зрения, объявляет модальной перифразой [«*munu* следует прежде всего считать модальным глаголом» [10]; Кресс говорит в этой связи о «включающем модальном расширении» («konklusive modale Erweiterung») [11]]. И в самом деле, существует (по крайней мере в отношении семантической структуры) разительный параллелизм между исл. «*munu* + инфинитив» и нем. конструкций «*werden* + инфинитив». Не иначе (скорее, намного сложнее) обстоит дело с тремя формами будущего времени в языке хинди, выделяемыми в этом языке грамматистами. Функции этих форм проецированы в различные модальные плоскости, но одновременно связаны с возможностью представить определенное событие в различных временных проекциях. Ср. «Khannā ne kahā — tum samajhtī hogī, main barā tyāg kar rahā hūṅ?» (Y, DD, 256) «Ты, вероятно, думаешь, что я подвергаю себя большим лишениям?» [12]. Грамматисты по-разному освещают этот факт, в зависимости от их теоретической и методологической платформы [13].

Если, переходя к новейшим точкам зрения на конструкцию «*werden* + инфинитив», отвлечься от малоинформативных высказываний типа тех, которые мы находим у Юнга [14] [после того, как он на стр. 205 дает очерк

[6] Fr. Diez, Grammaire des langues romanes, 3, Paris, 1876, стр. 259.

[7] A. Sieberer, Das Futurum in der Entwicklung der germanischen Sprachen, Leipzig, 1926, стр. 60.

[8] W. v. Wartburg — P. Zumthor, Précis de syntaxe du français contemporain, Bern, 1947, стр. 210.

[9] O. Jespersen, The philosophy of grammar, London — New York, 1925, стр. 265.

[10] B. Kress, Zur Bedeutung des isländischen Verbs *munu*, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Mortiz-Arndt-Universität», Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, 3, Greifswald, Jg. VIII, 1958—1959, стр. 186

[11] B. Kress, Laut- und Formenlehre des Isländischen, Halle/Saale, 1963, стр. 211.

[12] Заимствовано из кн.: В. П. Липеровский, Категория *наклонения* в современном литературном хинди, М., 1964, стр. 19.

[13] Ср.: S. Lienhard, Tempusgebrauch und Aktionsartbestimmung in der modernen Hindi, Uppsala, 1961, стр. 206; В. П. Липеровский, указ. соч., стр. 18 и сл.

[14] W. Jung, Kleine Grammatik der deutschen Sprache, Leipzig, 1953. В «Grammatik der deutschen Sprache» (Leipzig, 1966) Юнг дает исчерпывающее изложение модальных функций «*werden* + инфинитив» (стр. 231 и сл.).

«четкой системы» немецких времен, Юнг замечает следующее (стр. 206): «1. Футурум, собственно говоря, используется также для выражения предположения, спроецированного в настоящее»], необходимо указать на объемистую работу Сальтвейта «Этюды по категории будущего времени в немецком языке» [15]. Однако, хотя эта монография задумана в историческом и дескриптивном плане и содержит богатый диалектный материал, к сожалению, нельзя не занять по отношению к ней в большей мере отрицательной позиции. Сальтвейт не только не считает целесообразным учитывать в своем исследовании морфологический статус конструкции «*werden* + инфинитив», но и не стремится исходить из определенных основных предпосылок любого лингвистического анализа, например, из строгого дескриптивного анализа современного немецкого языка [16]. После довольно произвольного семантического описания он приходит к выводу о том, что «*werden* + инфинитив» является модальной конструкцией и должна рассматриваться вместе с модальными глаголами. Однако у Сальтвейта отсутствует детальное описание того, что следует понимать под модальными глаголами, так что и здесь больше господствует интуиция, чем лингвистические критерии. Работа Сальтвейта с точки зрения дескриптивной грамматики вряд ли вносит что-либо значительное в исследование вопроса о сущности категории футурума.

В своей докторской диссертации Глинц [17], учитывая тот факт, что сосуществование модальных и темпоральных функций футурума не оправдывает его описание как «имеющего значение будущего времени», выдвигает термин «ausstehend», который, по его словам, «можно понимать как со стороны способа высказывания (Sageweise), так и со стороны временной ориентации». Таким образом, намечается стремление найти терминологию, одновременно относящуюся и к модальной, и к темпоральной стороне рассматриваемой категории, исходя из учения об общих значениях. Рассмотрение общих значений является одним из наиболее важных вопросов грамматики [18] и часто практикуется с целью объяснения широко распространенной полисемии грамматических категорий с помощью емких (включающих все отдельные значения) определений и, таким образом, сохранить внутреннюю целостность грамматической формы. Однако при использовании этого приема возникает целый ряд серьезных проблем, частично ставящих под вопрос его правомерность (что обусловило то обстоятельство, что вплоть до последнего времени не прекращается критика этой методики).

Если исходить из того, что (как общепризнано [19]) определение общего значения с лингвистической точки зрения оправдано лишь тогда, когда оно находится в тесной связи с другими подобными определениями, образующими систему общих значений, то особый интерес вызывает выяснение характера самого общего значения. Согласно Куриловичу [20] и другим исследователям, последнее представляет собой абстракцию, полученную при обобщении семантических элементов, общих всем конкретным вариантам. Однако такое значение никак нельзя признать отрицательным,

---

[15] L. Saltveit, Studien zum deutschen Futur, Bergen — Oslo, 1962. Этой монографии предшествовало несколько статей Сальтвейта, посвященные тому же вопросу.

[16] См. об этом также: E. Bach, «Language», 40, 1964, особенно стр. 443 и сл.

[17] H. Glinz, Die innere Form des Deutschen, Bern, 1952, стр. 340.

[18] Ср. известную работу Р. Якобсона «Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre», TCLP, 6, 1936, стр. 240 и сл.

[19] R. Jakobson, указ. соч., стр. 243; H. Seiler, «Kratylos», 1, 2, 1956, стр. 131 и сл.

[20] J. Kuryłowicz, Esquisses linguistiques, Wrocław — Kraków, 1960, стр. 178.

ибо любая наука оперирует абстракцией; общее значение при сильно разветвленной полисемии грамматических категорий может быть тем абстрактнее, чем сложнее семантическая структура соответствующей категории. Тот факт, что категория футурума часто обладает сильно развитой полисемией, не только ставит под вопрос точку зрения Гонды, согласно которой «это функциональное разнообразие, без сомнения, следует рассматривать как доисторическую особенность индоевропейского» [21], но и дает возможность понять, что исключительно на основе этого приема вряд ли можно получить определение футурального значения. Это относится, естественно, не только к немецкой конструкции «*werden* + инфинитив», но и к формам будущего времени других языков, которые, как и немецкий, обнаруживают значительную (хотя и частично различную) полисемию форм, бесспорно являющихся в большинстве случаев выражением категории футурума (ср., например, исландский, французский, латинский, греческий, русский языки).

В этой связи необходимо указать на определенные предпосылки, на которых иногда основываются определения общих значений. Суть их состоит в том, что при оценке конкретных, отдельных значений грамматической категории нередко не делается различия между ее первичными и вторичными функциями, в результате чего производные (resp. секундарные) функции рассматриваются в той же плоскости, что и функции, являющиеся исходными (примарные функции) [22]. Таким образом, при семантическом анализе не учитывается принцип иерархии языковых явлений. Примером этому могут служить уже упомянутая работа Гонды, а также следующие высказывания Вейсгербера о немецкой конструкции «*werden* + инфинитив»: «Вряд ли можно считаться с тем, что глагольные формы „времени" в различных лицах по своей „функции" являются однонаправленными... В первом лице, кроме временной соотнесенности, в некоторой степени выступает выражение определенного волеизъявления... Во втором лице временная соотнесенность выступает более явно только при наличии значения предсказания... чаще использование этой формы в качестве „побудительного футурума". В качестве третьего случая можно указать на фразы типа *du wirst wohl Hunger haben*. Этот случай (выражение вероятности) является несомненно преобладающим для третьего лица... Как можно в свете сказанного делать заявление, что в немецком языке описательная конструкция „*werden* + инфинитив" является языковым выражением будущего?» [23].

Как уже говорилось, категория футурума во многих языках часто характеризуется наличием аналогичных семантических структур, что вытекает уже из статуса этой категории, выражающей нечто будущее, не реализованное, легко подверженное воздействию субъективного. Если исходить лишь из приведенной точки зрения, то мы неизбежно придем к отрицанию во многих языках футурального характера соответствующих форм, ибо большинство из названных [а также другие (модальные)] вариантов обнаруживаются в указанных выше (и других) языках. Нельзя присоединиться и к точке зрения Бринкмана [24], который объясняет функции побуждения и предположения, присущие немецкому футуруму, из его специфического характера, а именно из значения «ожидания» («Оба варианта предполагают наличие значения ожидания и отрыва ожидаемого

[21] J. Gonda, The character of the Indo-European moods, Wiesbaden, 1956, стр. 69.
[22] Ср. об этом особенно: J. Kuryłowicz, Esquisses linguistiques, стр. 178.
[23] L. Weisgerber, Vom Weltbild der deutschen Sprache, I Halbbd.: Die inhaltsbezogene Grammatik, Düsseldorf, 1953, стр. 221.
[24] H. Brinkmann, Die deutsche Sprache, Düsseldorf, 1962, стр. 327 и сл.

события от настоящего времени» [25]). Однако это явление, как показывает сравнение языков, наблюдается в разных языковых системах и не может без дополнительных доказательств объясняться спецификой какого-либо одного определенного языка [26].

Употребление футурума в увещевательной (adhorative) функции конкурирует как с другими временами (настоящее время, например, в исландском, немецком, французском), так и с наклонениями (сослагательное наклонение, например, в латинском и греческом) и может выражаться формой 1-го лица мн. числа собственно дефективной парадигмы императива (ср. русск. *пойдем*).

Вряд ли нужно особо подчеркивать тот факт, что описанный выше прием (он в определенной мере используется тоже при анализе, производимом в уже упомянутой работе Сальтвейта) не только не дает возможности принять во внимание сложные соотношения, характерные для отдельных языков, но оказывается весьма непродуктивным при сопоставительно-сравнительном исследовании. Относительно приведенного высказывания Вейсгербера следует добавить, что оно ни в какой мере не является единственным аргументом, заставляющим его сомневаться в футуральном характере конструкции «*werden* + инфинитив». Метод обобщения семантических величин без учета иерархии отдельных семантических вариантов оказывается несостоятельным для исследования сложной категории футурума, а вывод, полученный на основе этого метода eo ipso, вряд ли мог бы явиться доказательством против футурального характера подобной категории.

Описанные выше особенности футурума (различение модальных вариантов в зависимости от лица, в котором используется соответствующая форма глагола) не ограничены только этой категорией, но характерны также для наклонений (в узком смысле) [27]. Так, например, латинский конъюнктив, как и греческий оптатив и конъюнктив, обнаруживает сходную модальную дифференциацию и во многом совпадает в этом отношении с семантической дифференциацией футурума. Вряд ли следует упоминать также о многих парадигмах императива, например, о восстановленной полной (хотя и гетероморфной) парадигме в санскрите или в хеттском, элементы которой в 1-м лице ед. числа обнаруживают явно волитивное значение. Добавим еще пример из области наклонений (в узком смысле). Как и при побудительном футуруме во 2-м (и 3-м) лице та же функция обнаруживается у латинского конъюнктива, ср. Плавт, Amph. 15; «...ita huic facietis fabulae silentium» (футурум) и там же, 949 и сл.: «evocatae huc Sosiam; gubernatorem qui in mea navi fuit Blepharonem arcessat...» (конъюнктив). Побудительным является также греческий оптатив в этих лицах и конъюнктив (в эллинистическом греческом). Футурум — это лишь один из случаев подобным образом структурированной полисемии.

---

[25] Там же, стр. 328.

[26] Ср., например, «универсальность» побудительного футурума. В исландском см.: M. Nygaard, Betydningen og brugen af verbet *munu*, в кн.: «Aarboger for nordisk oldkyndlighed og historie», (København, 1878, стр. 283 и сл.); особенно широко распространен во французском (*tu ne tueras pas*), ср.: E. Lerch, Die Verwendung des romanischen Futurum als Ausdruck eines sittlichen Sollens, Leipzig, 1919; в греческом (οὐ μοιχεύσεις, Mt 5, 28) побудительный футурум представлен также и в 3-м лице, например, в гомеровском греческом — преимущественно только в 3-м лице, ср.: E. Schwyzer — A. Debrunner, Griechische Grammatik, II, München, 1950, стр. 292 и 594; в русском встречается с определенным нюансом категоричности, характерном для многих языков (*к шести часам ты вернешься домой*) (пример заимствован из кн.: В. В. Виноградов, Русский язык, М.— Л., 1947, стр. 577).

[27] Ср.: В. И. Чернышов, Описательные формы наклонений и времен в русском языке, «Труды [Ин-та русского языка]», 1, 1949.

Из сказанного вытекает, что при рассмотрении различных вариантов футурума следует различать первичную и вторичную функцию. Этот прием основан, как сказано выше, на иерархизации отдельных функций той или иной категории, причем при выделении секундарных значений, например, принимаются во внимание ограничительные факторы контекста, ибо, как показывает практика (ср. дискуссию о происхождении индоевропейского конъюнктива), ни в коем случае не следует ограничиваться чисто семантической дедукцией различных функций. Применение этого принципиально дескриптивного метода (вполне естественно, что он никак не исключает исследования исторических аспектов вопроса, например, вопроса о взаимопереходе главного и второстепенного значения) к формам будущего времени разных языков дает возможность утверждать, что выражение футуральности является первичной функцией соответствующих конструкций. В этом плане понятно высказывание Адмони, который подчеркивает «мощное развитие модального значения» [28] конструкции «*werden* + инфинитив», причем считает временно́е ее использование «естественной основой всех других модальных оттенков значения и различных видов употребления футурума I...» [29]. На основе различения первичной и вторичной функций волитивное значение, встречаемое в 1-м лице единственного числа, и побудительное значение во 2-м лице можно истолковать как второстепенные значения, употребление которых специфически ограничено определенными лицами глагольной парадигмы и обусловлено контекстом. Ср. «„Aber jetzt will ich..." — „Was willst Du?" — „Ich werde", sagte er feierlich, „noch einmal an das Aufsichtsamt schreiben. Ich werde denen sagen..."» (H. Fallada, Kleiner Mann, was nun?); «„Sie werden ihn ein wenig im Auge behalten", sagte sie». (Chr. Wolf, Der geteilte Himmel). То же относится и к увещевательному значению в 1-м лице множественного числа, которое встречается иногда и в немецком: «„Hierher, Freunde", rief der Advokat und er liess ihnen Wein geben. „Wir werden jetzt nach Hause gehen, Genossen. Mögen jene allein weiterschreien..."» (H. Mann, Die kleine Stadt).

Из значения футуральности (с соответствующей модальностью) можно (если не отождествлять конструкцию «*werden* + инфинитив» с различными омонимичными образованиями) вывести также важную функцию — представление предполагаемого события в настоящем [30] («„Meine Tochter weiss wohl, wen sie meinen, aber sie sagt es Ihnen nicht" — „Warum nicht?" — „Meine Tochter wird auch das wissen"» (H. Mann, Die kleine Stadt). Сказуемое поддерживается также частым (но не безусловным) ограничением разбираемой функции 3-м и 2-м лицами. Это значение чаще всего встречается в 3-м лице, несколько реже — во 2-м, и лишь при наличии особых контекстуальных условий — также и в 1-м лице. Объясняется это тем, что в 1-м лице говорящий и субъект высказывания — идентичны, причем, как известно, редко встречается случай, когда событие, направленное само на себя, представляется как предполагаемое. Чаще всего это происходит в 3-м лице, где мы имеем дело с отношением говорящего и предмета высказывания.

Изучение материала других языков показывает, что эта функция футурума представляет собой широко распространенное явление, секундарный характер которого вполне очевиден. Ср., например, в исландском (Njála, 129, 110): «nú mun faðir minn dauðr vera, ok hefir hvártki heyrt

[28] W. A d m o n i, Der deutsche Sprachbau, Leningrad, 1966, стр. 191.
[29] Там же, стр. 192.
[30] Ср. из области славянских языков: Н. K ř í ž k o v á, Первичные и вторичные функции и так называемая транспозиция форм, «Travaux linguistiques de Prague», 2, 1966, стр. 175.

til hanns styn né hésta». В латинском редкие и спорные примеры такого употребления встречаются у Плавта (ср. Asinaria, 734, где Либан, приносящий деньги Аргириппе, говорит: «Hic inerunt viginti minae bonae...»). Часто это употребление у Тертуллиана (под влиянием греческого?), например, «ita utrumque meae animae, non Platonicae, congruet» (De anima, 24, 3), в английском: «You will be richer than your husband and, I think, cleverer too» (B. Shaw, Candide), во французском: «Il connaîtra... les rues d'Ispahan mieux que moi» (Montesquieu, Lettres persannes) [31] (о подобном же употреблении в русском см. ниже).

В этой связи важно отметить, что в разных языках обнаруживаются большие отличия в способе проявления разбираемой функции футурума. Если в немецком эту функцию можно охарактеризовать как весьма распространенное проявление футурума I (или в еще большей степени — футурума II, как и в исландском), то в отношении латинского, греческого, французского и английского этого сказать нельзя. Есть языки, где эта секундарная функция [ср. нем. «Er rührt sich gar nicht...; Er wird schlafen» (H. Mann, Die kleine Stadt»)] неупотребительна в форме актуального настоящего как, например, в русском.

Несколько другое явление представляет собой функция футурума совершенного вида в русском как выражение повторяющегося действия, т. е. действия, не относящегося к актуальному настоящему: «живем в одном городе, почти рядом, а увидишься раз в неделю» (Островский, Гроза) [32]. Это явление может (без обязательной модальной коннотации) носить узуальный или гномический характер и выражать действие, продолжающееся сколь угодно долго (в прошлом и в будущем). Для объяснения отсутствия значения актуального настоящего в русском огромную роль играет совершенный вид. Если форма будущего времени маркирована совершенным видом, то она не может употребляться для обозначения события, относящегося к моменту речи. Исаченко объясняет эту функцию форм футурума совершенного вида, исходя из его общего значения: «Общее семантическое значение „неактуальности" позволяет употреблять форму перфективного презенса для обозначения повторяющихся действий, мыслимых в плане узуального настоящего...» [33]. В различных языках семантическая структура футурума при выражении рассматриваемой функции представляется весьма несходной; например, в русском языке этот вид модального настоящего выражается с помощью модальных наречий и других описательных конструкций.

До сих пор мы говорили лишь об отдельных функциях футурума. Однако в связи с изучением семантической структуры этой категории и с необходимостью описания всего диапазона ее (модальных) функций, а также в связи с их противопоставлениями другим категориям (например, наклонениям) [34] (ср., например, противопоставление функции побудительного футурума соответствующей первичной функции, представленной формой императива) первостепенную важность приобретает анализ и описание категории футурума (главным образом, первичной функции) в рамках других глагольных категорий. Изучение этого вопроса нахо-

[31] Заимствовано из кн.: M. Regula, Grammaire française explicative, Heidelberg, 1957, стр. 171.

[32] Заимствовано из кн.: В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 574.

[33] A. Isačenko, La structure sémantique en russe, BSLP, 55, 1, 1960, стр. 86.

[34] Пример противопоставления и тонкого различения оттенков различных связанных между собой вариантов футурума и конъюнктива в древнем латинском дает Х. Шёгрен (Sjögren) в своей монографии «Zum Gebrauch des Futurums im Altlateinischen» (Uppsala, 1906).

дится на другом (более высоком) грамматическом уровне, чем простая констатация отдельных функций футурума.

При изучении (и отграничении) футурума с точки зрения временных категорий языка возникает вопрос о том, какую роль играют эти последние в представлении события как происходящего в будущем. В этой связи следует прежде всего обратиться к категории презенса, ибо именно это немаркированное время обнаруживает больше всего связей с другими временами, в том числе и с будущим. Простая констатация того факта, что презенс может употребляться в значении будущего времени (как об этом часто пишут), столь же мало информативна, как и утверждение о том, что немецкая конструкция «*werden* + инфинитив» и русская «буду + инфинитив» (resp. *напишу*) по своей первичной функции представляют собой футурум. В самом деле, präsens pro futuro — чрезвычайно распространенное явление, хотя и весьма различное с точки зрения выражения будущего в отдельных языках.

Указанная связь категории футурума с презенсом и необходимое (морфологическое и семантическое) разграничение обеих категорий, естественно, ни в какой мере не исчерпывает всю относящуюся сюда проблематику. Как известно, в гомеровском греческом «проспективный» конъюнктив необычайно сильно конкурирует с футурумом, так что часто трудно различить употребление каждого из них. В связи с этим многие ученые нередко отрицают отличие между указанной функцией конъюнктива и футурумом. Хирт пишет: «У Гомера конъюнктив употребляется частично в футуральном значении» [35], Курилович в связи с этим замечает: «Форма конъюнктива типа индо-иран. *bharāt* или греч. φέρῃ, употреблявшаяся в пределах основного предложения в доисторическую эпоху и в наиболее ранних текстах, является футурумом, хотя наряду с ней существовало образование дезидеративного характера (на *-sje/o-*), которому суждено было вытеснить его в процессе истории» [36]. Вряд ли нужно доказывать, что подобные (модальные) категории не должны ускользать от внимания исследователя, так как три футурума в уже упоминавшемся языке хинди или перифрастический футурум (*hantāsmi* «я убью») и футурум на *-sya-* в санскрите находят наиболее адекватное описание в том случае, когда они рассматриваются вместе. В связи с тем, что формы футурума нередко обнаруживают этимологические связи с конъюнктивом [37], становится понятной правильность требования Макаева проводить исследование «не по отдельным категориям..., а по морфемным полям» [38].

Что касается отношения немецкого и исландского футурума к презенсу, то в обоих языках будущее (особенно модально не окрашенное) в очень большой мере представлено презенсом, а футурум носит ярко выраженную субъективно-модальную окраску. Ср. следующее высказывание Вебера: «В большинстве случаев почти модальное содержание немецкого футурума остается ощутимым; именно это значение противопоставляет его презенсу» [39]. Бринкман, который, как и Порциг, усматривает в футуруме «модус ожидания» (Erwartungsschnitt), говорит даже, что использование конструкции «*werden* + инфинитив» зависит не от того, «совершается ли соответствующий процесс в будущем, а от отношения к

[35] H. Hirt, Handbuch der griechischen Laut- und Formenlehre, Heidelberg, 1912, стр. 590.

[36] J. Kuryłowicz, Esquisses linguistiques, стр. 110.

[37] Ср. исследование: Г. С. Щур, Взаимосвязь между личными и неличными формами германского глагола. Докт. диссерт., 1966, стр. 13 и сл.

[38] Э. А. Макаев, Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика, ВЯ, 1964, 1, стр. 4.

[39] H. Weber, Das Tempussystem des Deutschen und des Französischen, Bern, 1954, стр. 209.

этому говорящего. В сознании говорящего презенс может употребляться для представления будущего в настоящем. Футурум не употребляется таким образом, ибо соответствующее событие еще не имело места и говорящий ожидает совершения этого события» [40].

В противоположность футуруму в немецком и исландском, во французском, английском (в котором часто отрицают наличие будущего времени), русском, латинском, греческом презенс играет значительно более ограниченную роль в выражении будущего, в связи с чем футурум в этих языках имеет другой статус и функциональную нагруженность в системе времен.

Уже из сказанного видно, что футурум следует отграничивать не только от наклонений, но (в соответствии с его природой как выразителя будущего) и необходимо противопоставлять другим категориям, способным выражать будущее. Таким образом, футурум включается в определенную систему отношений (они существуют также в языковой действительности), что позволяет производить систематическое и адекватное описание вопроса. Именно таким путем можно намного точнее понять место футурума и особенно место его первичной функции в глагольной системе, чем путем простой констатации (например, в виде «первичная функция = будущее, футурум»). В связи с этим в отношении немецкой конструкции «*werden* + инфинитив» и исландской «*munu* + инфинитив» следует заметить, что по своей темпоральной функции они занимают в глагольной системе лишь м а р г и н а л ь н о е положение («ибо эта описательная конструкция не является обычной футуральной формой...» [41]), чего нельзя сказать о французском, английском, русском, латинском или древнегреческом футуруме, так как изучаемая категория в этих языках в значительно большей степени выполняет функцию выражения будущего.

К сказанному следует добавить следующее. Характерную для немецкого и исландского преимущественно субъективную модальность футурума следует рассматривать в связи с маргинальным проявлением его первичной функции во временной плоскости. Правда, для объяснения того или иного модального варианта часто используется этимологическая аргументация. Ни в какой мере не отрицая важности этой стороны исследования, следует отметить, что даже при безупречности соответствующей этимологии вряд ли можно объяснить всю сложную и часто многоступенчатую модальную структуру многих форм, как это делает, например, Нюгаард, который на основе волитивного значения исл. *munu* (*agte*, *have i sinde*, *vaere tilsielig til*) [42] объясняет все другие (модальные) способы использования этого футурума. Подобным же образом нельзя только на основе этимологии объяснить, с одной стороны, возрастающую «модализацию» (например, «*munu* + инфинитив») и, с другой стороны, возрастающее использование präsens pro futuro, ибо при исследовании многих форм футурума наблюдается обратная тенденция; ср. англ. будущее на *'ll* (возникшее из *will*). В отношении немецкой конструкции «*werden* + инфинитив» (если не принимать во внимание появляющиеся иногда этимологические интерпретации ее специфического модального характера) необходимо иметь в виду место этой категории в системе других времен (т. е. прежде всего ее соотношение с презенсом), а не оставаться в плену чисто этимологических объяснений. Так, например, Сальтвейт в своих «Этюдах о категории футурума в немецком языке» допускает второе (модальное) происхож-

[40] H. B r i n k m a n n, Die deutsche Sprache, Düsseldorf, 1962, стр. 326.
[41] L. W e i s g e r b e r, Vom Weltbild der deutschen Sprache, I, Halbbd.: Die inhaltsbezogene Grammatik, стр. 219.
[42] M. N y g a a r d, Norrøn Syntax, Kristiania, 1905, стр. 192 и сл.

дение конструкции «*werden* + инфинитив» (необходимость). Бринкман явно считается с первоначальным этимологическим значением *werden* (основной смысл его «поворачивать, крутить»). Он пишет: «Категория футурума выражает не будущее как таковое, но специфическое отношение говорящего к будущему, представленному как своего рода поворот, изменение настоящего (это значение заключено в *werden*)» [43]. Подобные высказывания можно было бы продолжить.

Если этимологическую аргументацию самое по себе нельзя признать убедительной, то причины модальности, выражаемой футурумом, следует искать также в его внутренней структуре как *выразителе* будущего и в его отношении к смежным временным категориям. Можно констатировать, что (если учесть маргинальность первичной функции футурума в темпоральной плоскости) специфическое для этой категории модальное употребление соответственно выражается более явно (resp. может приобретать больший вес). Субъективная модальность при этом играет совершенно особую роль: именно эта модальность (отнюдь не ограниченная рамками языков, обсуждавшихся здесь) в значительной мере способствовала спорности категории футурума в немецком и в исландском. В этом можно убедиться на следующем примере из области романских языков. В итальянском описательный футурум с *habeo* ограничен ареалами верхней и средней Италии; в южноитальянских диалектах вместо него употребляется präsens pro futuro. Однако Рольфс замечает, «что и в диалектах, в которых футуральное значение выражается только презенсом, то там, то здесь употребляются формы типа *dare habeo* в функции потенциалиса, например в Тине: andemo „мы идем" и „мы пойдем" andremo „возможно, мы пойдем"» [44]. И вообще «там, где в нижней Италии распространены формы синтетического футурума, они имеют чисто потенциальное употребление...» [45].

Можно ли, исходя из сказанного выше о немецкой конструкции «*werden* + инфинитив», говорить о наличии категории футурума в этом языке? На этот спорный вопрос вовсе не обязательно отвечать отрицательно. Никаким доказательством не может служить указание (ср. мнение Адмони) на выводимость вторичных функций из первичной (будущего времени), ибо они выводимы и объяснимы и из ограничительной, субъективно модально окрашенной первичной функции «*werden* + инфинитив». Хотя выражение различных модальных оттенков является одной из наиболее характерных функций немецкого футурума, его использование вовсе не ограничено этой функцией: в контексте эта форма может выражать целый спектр значений, начиная от самого туманного предположения и кончая простой констатацией, причем в некоторых контекстах футурум может быть маркирован как выразитель будущего по отношению к презенсу [ср. «Mit solchen Weibern machen sie die Familien unglücklich, die Frau wird aussehen wie Mama» (H. Mann, Die kleine Stadt). Здесь, если учесть, что контекст не устанавливает точных временных границ, замена *wird aussehen* на *sieht aus* повлекла бы за собой выражение значения настоящего, а не будущего]. Оппозиция во временном плане (*sie sieht aus*: *sie wird aussehen*) и в субъективно-модальном отношении (*er schläft*: *er wird schlafen*: последнее выражение маркировано как предположительное) в пределах одной и той же формы характеризует двойственную природу изучаемой категории не только в немецком языке. В немецком нель-

[43] H. Brinkmann, указ. соч., стр. 326.
[44] G. Rohlfs, Historische Grammatik der italienischen Sprache und ihrer Mundarten, 2, Bern, 1949, стр. 486.
[45] G. Rohlfs, Das romanische *habeo*-Futurum und Konditionalis, «Archivum Romanicum», VI, 1922, стр. 132.

зя говорить о категории футурума par excellence, а лишь о конструкции, сильно ограниченной в своей временной функции и наделенной явно выраженным модальным значением. Первичная функция этой конструкции в ее специфике вряд ли идентична с функциями категории футурума, например, в латинском или во французском. То же относится в основном и к исландской конструкции «*mun* + инфинитив». Вообще можно сказать, что именно модальность и темпоральность являются теми областями, которые охватывают в принципе функциональное разнообразие категории футурума.

Время и наклонения, однако, не являются единственными категориями, выступающими в качестве релевантных величин футурума. Вряд ли нуждается в доказательстве тот факт (ср. сказанное выше о русском языке), что для прояснения проблематики категории футурума важную роль играет категория вида. Это относится и к новогреческому футуруму, который, в противоположность древнегреческому, обнаруживает видовое различие двух видов футурума (первоначально соответственно конъюнктива настоящего времени и конъюнктива аориста) [46]. Мирамбель следующим образом высказывается о новогреческом времени: «Его выражение никогда не отделено от „вида" временной формы; в греческом не существует категории „чистого времени"» [47]. Это же относится и к русскому и объясняет некоторые особенности этого языка, например, возможность выражения указанного выше неактуального настоящего, которое нельзя непосредственно вывести из темпоральных или модальных особенностей футурума, а можно объяснить на основе видовой категории.

В какой мере разобранные здесь категории (время, наклонение, вид) являются лингвистически релевантными для семантической структуры футурума, для его первичных и вторичных функций, несомненно, зависит от структуры той или иной синхронной глагольной системы. Задача состоит в том, чтобы более подробно разработать все эти особенности категории футурума.

Перевел с немецкого *М. М. Маковский*

---

[46] Ср.: H. S e i l e r, L'aspect et le temps dans le verbe *néo-grec*, Paris, 1952, стр. 42 и сл.

[47] A. M i r a m b e l, La langue grecque moderne, Paris, 1959, стр. 162.

№ 5 1968

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Публикуемая впервые небольшая работа (перевод с армянского) Р. А. Ачаряна была обнаружена при просмотре литературного наследия покойного ученого. Действительный член академии наук АрмССР проф. Р. А. Ачарян был крупнейшим специалистом в области арменистики, основателем и наиболее ярким представителем советской школы сравнительного армянского языкознания. Многочисленные исследования Р. А. Ачаряна охватывают почти все области арменистики: следует прежде всего указать на ряд его монографий, посвященных каталогизированию, описанию и анализу древнеармянских рукописей, исследованию древнейшей армянской письменности, армянской палеографии, истории армянской литературы и культуры. Не менее важными являются многочисленные труды Р. А. Ачаряна в области армянской диалектологии, полевые записи, работа по составлению диалектных словарей; его классификация армянских диалектов вплоть до настоящего времени остается отправным пунктом для всех работ армянских диалектологов; все эти исследования проводились Р. А. Ачаряном на протяжении всей его жизни. Наиболее значителен вклад Р. А. Ачаряна в армянское историческое и сравнительное языкознание. Следует упомянуть его «Историю армянского языка» в двух томах (1940—1951), «Полную грамматику армянского языка» в сравнительном освещении (опубликовано пять томов, издание не закончено); «Словарь армянских имен собственных» в пяти томах (1942—1962) и, наконец, его монументальный «Корневой словарь армянского языка» в семи томах (1926—1935) [1] — этот единственный в своем роде этимологический словарь отдельного индоевропейского языка, получивший высокую оценку со стороны А. Мейе и других ведущих компаративистов.

В настоящее время Академией наук АрмССР проводится подготовительная работа по изучению литературного наследия Р. А. Ачаряна и по подготовке ряда рукописей к опубликованию [2]. В этой связи публикуемая ниже работа, несмотря на то, что она была написана довольно давно и в освещении некоторых вопросов в настоящее время устарела, представит известный интерес для широкого круга советских языковедов, особенно для компаративистов.

В некоторых случаях я счел себя вправе указать в примечаниях на новейшую постановку вопроса и на специальную литературу.

Э. А. Макаев

[1] Список трудов Р. А. Ачаряна см. в приложении к кн.: Р. А. А ч а р я н, Из моих воспоминаний, Ереван, 1967 (на арм. яз.), стр. 442—455 (всего 245 названий).

[2] См.: С. А ч а р я н, «Из моих воспоминаний» Р. А. Ачаряна и его неопубликованное литературное наследие, газ. «Гракан Терт» («Литературная газета») 23 II 1968 (на арм. яз.).

Р. А. АЧАРЯН

АРМЯНО-СЛАВЯНСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Известный арменист и компаративист А. Мейе неопровержимыми фактами установил существование индоевропейских диалектов и их распространение на территориях индоевропейской языковой общности. Он основывался при этом на изоглоссах, разграничивающих зоны тех отдельных индоевропейских диалектов, которые впоследствии

образовали самостоятельные языки. Существует 16 языковых фактов [1], опираясь на изоглоссы которых можно определить локализацию каждого диалекта в индоевропейской языковой общности [2].

1. Ряд слов представлен только в славянских, балтийских, германских, кельтских и италийских языках и отсутствует в армянском, как и в греческом и индо-иранском.

2. Индоевропейские [k^1] и [k^2] в италийском, греческом, кельтском и германском дали заднеязычные (небные) взрывные звуки, в то время как в индо-иранском, славянском, армянском и албанском [k^1] перешел в свистящий звук, [k^2] остался заднеязычным взрывным.

3. Индоевропейские [a] и [o] остались неизменными в греческом, армянском, италийском и кельтском, в то время как в индо-иранском, балтийском, германском, албанском они оба одинаково перешли в [a]; в славянском они совпали в *o*, которое используется одновременно для обозначения *o* и *a*.

4. Когда корень с исходом на *-t* получает суффикс, начинающийся на *t-*, это стечение *tt* реализуется по-разному: в италийском, кельтском и германском *tt* > *ss*; в иранском, греческом и славянском *tt* > *st*; для армянского убедительные примеры не обнаружены.

5. Индоевропейское *ə* в промежуточных слогах сохраняется в санскрите, греческом, италийском, кельтском и утрачено в иранском, славянском, балтийском, армянском и германском.

6. Индоевропейские придыхательные звонкие согласные *bh, gh, dh, g^1h, g^2h* во всех языках дали простые звонкие, кроме греческого и италийского, где они перешли в глухие и затем — в фрикативные.

7. Придыхательные глухие *ph, th, kh* остаются неизменными в индо-иранском и армянском; греческий сохраняет их частично; в остальных языках они превратились в простые глухие.

8. Индоевропейское *s* в начале слова в армянском, греческом и иранском перешло в *h*; в остальных языках сохраняется *s* между двумя гласными; в индо-иранском, славянском (*x* < *š*), балтийском *s* перешло в *š* (что касается случаев *s* > *š* в армянском, то Мейе считает их «сомнительными и спорными» [3].

9. Индоевропейский глагол в совершенном виде имел аугмент. Индо-иранский, армянский и греческий языки сохранили, другие языки утратили его [4].

10. Славянский, балтийский, германский, кельтский и италийский имеют форму перфекта без удвоения, а в индо-иранском и греческом тот же перфект представлен с редупликацией. Армянский утратил редуплицированную форму перфекта, сохранив только один пример (арм. *arnem* ~ *arari* «сделать»).

11. Форматив настоящего времени *-ye-* сохранился в индо-иранском и греческом; славянский, балтийский и армянский различают два суффикса — *-ye/o-* и *-ǐ-*; в германском, кельтском и италийском суффикс *-ye-* в большинстве случаев утрачен.

12. Для выражения сравнительной степени индо-иранский и греческий используют форматив *-tero-*, а италийский, кельтский, германский и славянский употребляют древний форматив *-yes-*. Армянский же ни одного из этих формативов не имеет.

13. В италийском, греческом и армянском представлены существительные женского рода с исходом на *-o*, остальные языки утратили этот форматив или же заменили его на *-a*.

14. Падежная форма на *-bh-* отмечена в армянском, греческом, италийском и ирландском, в то время как славянский и готский заменили ее формой на *-m-*.

15. Множественное число локативного падежа имеет окончание *-su* в арийском и славянском, возможно и в армянском; в греческом — *si-*. В других языках этого окончания нет.

16. В индо-иранском, армянском, греческом, возможно, и в албанском запретительное наклонение образуется при помощи частицы *mē*, остальные языки этой частицы не имеют и употребляют только *ne*.

Эти 16 пунктов можно представить в виде круга, разделенного на семь частей, которые изображают индо-иранский, армянский, греческий, германский и славянский языки (языки, дошедшие до нас в фрагментарном состоянии, при этом не учитывались). На одном из радиусов помечены № 1—16 — они представляют перечисленные выше языковые факты. Там, где языки имеют однородные формы, это обозначается прямой

---

[1] A. Meillet, Les dialectes indo-européens, Paris, 1908, стр. 18, 54, 57, 63, 75, 76, 78, 79, 86—87, 96, 103, 104, 110—111, 114, 119.

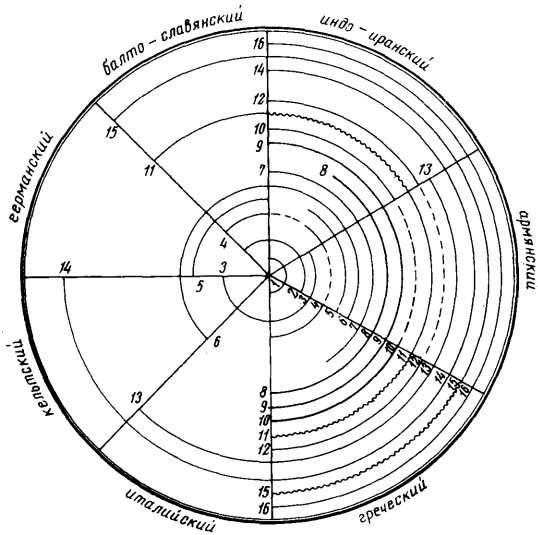
[2] [См. новейшее изложение вопроса: Э. А. Макаев, Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики, М.— Л., 1964.— *Э. М.*].

[3] [A. Meillet, указ. соч., стр. 86.— *Э. М.*].

[4] [По поводу аугмента в армянском см.: Э. А. Макаев. Значение армянского языка для реконструкции общеиндоевропейского состояния, «Историко-филологический журнал», 1967, 4, стр. 87—88.— *Э. М.*].

линией. Те языки, в которых представлена вторая, отличная форма, не отмечаются линией и остаются без черты. Если в каком-либо языке имеется третья разновидность формы, это обозначается линией зигзага. Языки же с неясной формой помечены пунктиром.

Из таблицы видна близость греческого, армянского, славянского и индо-иранского языков: из 16 языковых фактов (в трех — № 4, 10, 12 — армянский не выявляется) в пяти пунктах армянский сходится с индо-иранским, в десяти пунктах — со славянским, в восьми пунктах — с греческим. Ни в одном пункте армянский не сходится с италийским, кельтским и германским [5]. В одном пункте (№ 11), отделившись от всех языков, армянский сходится только со славянским.



Локализация индоевропейских диалектов

Армянский имеет и другие, связывающие его со славянским языковые признаки: 1) в армянском есть сложная форма глагола, например, *cal-em* «складываю», уподобляемая славянским формам типа *читал, писал*; 2) причастие настоящего времени в армянском образуется посредством частицы *aul*, восходящей к форме *-alt*, которая соответствует славянскому формативу *-teli* (ср. русск. *писатель*); 3) индоевропейское *kh* и в славянском, и в армянском одинаково переходит в *x*.

Индоевропейский назальный в конце слова представлен в виде *-m* или *-n*: индоиранский и италийский имеют *-m*, остальные *-n*, и, следовательно, здесь армянский примыкает к греческому и славянскому [6].

Перейдем к лексическому материалу. Индоевропейский имеет 2223 корневых слова (если исходить из перечня отобранных мною корневых слов по двухтомному словарю Walde — Pokorny). Из этих 2223 слов армянский сохранил 718, что едва ли составляет одну третью часть общего. Из этих 718 слов 527 родственны греческому, 435 — славянскому и 433 — индо-иранскому, при этом в армянском имеется 41 слово, родственное

[5] [В настоящее время проблема армяно-германских контактов требует новой постановки, см. об этом: G. S o l t a, Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen, Wien, 1960, стр. 468; Э. А. М а к а е в, Армяно-индоевропейские лексические изоглоссы и ареальная лингвистика, «Zeitschr. für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», 20, 5/6, 1967, стр. 458.— *Э. М.*].

[6] [О дистрибуции *-m* и *-n* в конце слова в индоевропейских языках см.: W. P o r z i g, Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets, Heidelberg, 1954, стр. 79—80.— *Э. М.*].

только греческому, 18 слов, корреспондирующих со словами только индо-иранского, и 28 слов, находящих соответствия только в славянском [7]. Особо надо отметить армянский форматив *z*, который широко применяется в склонении и спряжении; он же представлен в русском префиксе *за-*.

На основании изложенного можно предполагать, что армяне жили на индоевропейской родине, по соседству, с одной стороны, с греками, а с другой — со славянами так же, как и с индо-иранцами. Во время этнических миграций греки перешли в Македонию, затем в Грецию, армяне — во Фракию, затем в Малую Азию и, наконец, в Армению [8].

Несмотря на то, что тысячи километров в течение тысячелетий разделяли армян от славян, а цепи Кавказских гор и обитающие там народы, скифы, гунны, массагеты и другие племена, казалось бы, не допускали связи между армянами и славянами, языковые контакты армян и славян продолжались и в историческую эпоху, особенно после принятия русскими христианской религии (IX в.; армяне приняли христианство в конце III в. н. э.). Причиной миграции армян, значительная часть которых направлялась на север, явилось нашествие сельджуков, разрушивших государство армянских Багратидов (XI в.). Часть мигрировавших армян достигла русско-польской границы. В результате военного союза, который был заключен с этой частью армян русским князем Феодором, воевавшим в то время с поляками, армяне получили наделы в Киевской Руси, при этом им сохранялась свобода вероисповедания [9], ремесел и торговли. Данные о переселении армян на Русь не сохранились, как и сведения о контактах армян и русских в средневековье. Тем не менее иллюстрацией армяно-русских отношений можно считать и армянские личные имена — средневековое женское *Рус* [10] и сохранившееся до настоящего времени мужское *Русет* [11].

---

[7] [В настоящее время список армяно-индоевропейских корреспонденций значительно пополнился. См. об этом: G. Solta, указ. соч., а также: Э. А. Макаев, Армяно-индоевропейские лексические изоглоссы....— *Э. М.*].

[8] [Вопрос о миграциях армян остается во многом неясным и спорным; см.: G. R. Solta, Die armenische Sprache, «Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., 7, Leiden — Köln, 1963; O. Haas, Armenier und Phryger, «Балканско езикознание», III, 2, София, 1961.— *Э. М.*].

[9] В начале XII в. армяне построили каменную церковь, которая существует поныне и носит имя Григория Просветителя.

[10] В рукописи 1435 г. упоминалась «армянка из города Вана по имени Рус» (см. «Список армянских рукописей Васпуракана», составленный Е. Лалаяном, Тбилиси, 1915, стр. 370).

[11] [В настоящее время исследователи склонны рассматривать армяно-славянские контакты в ином свете. См. об этом: H. Karstien, Das slav. Imperf. und der arm.-*açe*-Aor. Ein Beitrag zum slav.-arm. Verwandtschaftsverhältnis, «Festschrift für M. Vasmer zum 70. Geburtstag», Berlin, 1956, стр. 211—229; Э. А. Макаев, Армяно-индоевропейские лексические изоглоссы..., стр. 455—456.— *Э. М.*].

№ 5 1968

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ (ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ) СВЯЗЕЙ СЛОВ В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ И ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЛИНГВИСТОВ

Подчинительные связи слов, являясь одной из центральных проблем учения о грамматическом строе языка и фокусируя в себе многие вопросы морфологии, синтаксиса словосочетания и предложения, грамматической и лексической семантики, вновь и вновь привлекают внимание языковедов. В последние годы увидело свет немалое количество работ, в той или иной степени затрагивающих основные стороны проблемы: определение типов подчинительной связи, их разграничение; подчинительные связи в словосочетании и предложении; факторы, определяющие зависимость подчиненного слова; морфологический, синтаксический и семантический аспекты подчинения; части речи и подчинительные связи; причины и пути перестройки подчинительных словосочетаний; сочетаемость слов и др.

Состояние исследований в области подчинительных связей в целом определяется углублением в синтаксическую семантику, попытками вести исследование с позиций синтаксиса, понимаемого как учение о сочетаемости слов (в противоположность учению о сочетаниях слов). Естественным следствием этого является все более решительное преодоление гипноза морфологических форм, хотя, разумеется, важность морфологической проблематики для синтаксиса от этого не уменьшается.

Попытки пересмотреть рубрикацию подчинительных связей идут, во-первых, по пути детализации и «переквалификации» общепринятых типов, что вполне оправдано, поскольку в «пределах каждого из трех видов связей — согласования, управления и примыкания,— объединены очень далекие и очень различные синтаксические явления и отношения»[1]; во-вторых, по пути выделения новых видов связи, комбинированных; в-третьих, по пути разграничения подчинительных связей в строе словосочетания, с одной стороны, и в строе предложения, с другой, вплоть до «понимания подчинительных связей как выражающих формальную зависимость одного слова от другого и не имеющих отношения к структуре предложения»[2].

Предикативные отношения обычно выносят за пределы подчинительных и сочинительных связей, хотя в определенной своей части они пересекаются с ними, оформляясь также по типу согласования[3]. Однако связь имени с глаголом в третьем лице предлагают считать скорее управлением, чем согласованием, так как, «не обладая грамматической категорией лица, имя существительное *не может сообщать ее* глагольной форме» и «употребление форм третьего лица глаголов в этих случаях вытекает из смысла речи, не из грамматических свойств существительных»[4]. *Отношение между* подлежащим и сказуемым относят к координации[5], которая может быть согласовательной, морфологической (обе словесные формы соответствуют друг другу, хотя и оформлены самостоятельно: то, что в одной выражено лексически, в другой имеет флективное выражение), формообразовательной (*я — бух в воду*, где *бух* приобретает значение числа и лица через отношение к *я*) и синтаксической (между словами, выступающими в роли подле-

[1] «Грамматика русского языка», II — Синтаксис, ч. 1, М., 1960, стр. 23.

[2] «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», М., 1966, стр. 142.

[3] Т. Е. Гильченок, О грамматических отношениях между подлежащим и сказуемым в современном русском языке, ФН, 1964, 2, стр. 63.

[4] Я. Светлик, Русский синтаксис в сопоставлении с словацким, Братислава, 1966, стр. 16.

[5] Т. Е. Гильченок, указ. соч., стр. 63.

жащего и сказуемого, нет общих морфологических категорий) [6].

Координацией или присоединением (а не управлением) предлагают считать и те случаи зависимости, когда член предложения (например, обстоятельственный, ср. *на улице идет дождь*) относится ко всему предложению [7]. Для аналогичных случаев (т. е. для *присоединения к глаголам*, именам и наречиям падежных форм и предложно-падежных групп с наречными значениями) вводят и термин «именное примыкание» [8].

Собственно присоединение определяют (в плане актуального членения предложения) следующим образом: «присоединенный компонент в своем возникновении обуславливается взаимодействием двух основных факторов: временной непредусмотренности в начале рече-мыслительного процесса и коммуникативно-функциональной предопределенности своего возникновения» [9].

Особым типом связей характеризуется приложение. Вопреки мнению Шахматова [10] и Куриловича [11], некоторые исследователи считают, что «приложение не согласуется с определяемым словом в падеже, а совпадает с ним в одинаковой падежной форме как существительное, параллельно управляемое одним и тем же словом» [12], или как «другое, относительно самостоятельное, лексическое выражение определяемого» [13] (в случае, если определяемое и определение-приложение стоят в им. падеже). В приложении в силу его двойственной природы переплетаются подчинительные и сочинительные связи.

То, что *один и тот же синтаксический* факт одновременно может квалифицироваться как координация, присоединение, управление, именное примыкание и т. д., свидетельствует о разном понимании терминов и разнобое в их употреблении. Это вызвано не только сложностью материала, но и «терминологической недисциплинированностью» исследователей. Разноплановое понимание терминов объясняется, с нашей точки зрения, смешением критериев, которые кладутся в основу выделения того или иного вида связи. Можно принять, например, следующее определение примыкания: «тип связи, в который вступают полнозначные слова, лишенные флективной гибкости (*наречия, деепричастия, инфинитивы*)» [14]. Но тогда все виды управления должны включать в качестве основного признака наличие флективной гибкости у зависимого слова; присоединение же в число видов связи вообще не войдет, так как оно может быть оформлено и управлением, и примыканием, и согласованием. Если принимается противопоставление управления и примыкания в морфологическом плане, то неправомерно говорить, что «кроме связи сильного и слабого управления в русском языке существует связь именного примыкания» [15], так как здесь радикально изменен критерий различения видов связи. При такой постановке вопроса логичным было бы выделение «наречного управления» типа *идти туда* (ср. *идти в лес*) в отличие от «наречного примыкания» типа *смотреть устало* (ср. *смотреть усталыми глазами*). Речь тут идет не об отказе от критерия обязательности или факультативности распространения слова [16], который лежит в основе членения «сильное управление — слабое управление — именное примыкание», а о последовательности в применении критериев при многоаспектном рассмотрении соединений слов.

Одним из существенных аспектов, по мнению некоторых синтаксистов, является разграничение связей слов в строе словосочетания и предложения. Особенно важно это для характеристики согласования [17]. «С явлениями совершенно иного (нежели согласование.— *А. М.*) семантико-грамматического и функционально-синтаксического плана мы имеем дело в тех случаях, когда уподобление форм не связано со словосочетанием и осуществляется только в строе предложения, минуя словосочетание...» [18]. К этим случаям относятся: согласование сказуемого с подлежащим, согласование обо-

[6] Там же.

[7] Т. И. Антонова, Второстепенные члены, относящиеся к предложению в целом, «Сборник научных работ», 1, Волгоград, 1964, стр. 217.

[8] «Основы построения...», стр. 141.

[9] М. Е. Шафиро, О квалификации природы присоединения в аспекте актуального членения предложения, «Вопросы современного русского литературного языка (грамматический строй и стилистика)», Челябинск, 1966, стр. 119.

[10] А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, М.— Л., 1941, стр. 287.

[11] Е. Курилович, Проблема классификации падежей, «Очерки по лингвистике», М., 1962, стр. 189.

[12] М. Ханин, Вопросы синтаксиса простого предложения, Минск, 1965, стр. 15.

[13] Там же, стр. 17.

[14] Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, I, Киев, 1952, стр. 267.

[15] «Основы построения...», стр. 141.

[16] Н. Н. Прокопович, Словосочетание в современном русском литературном языке, М., 1966, стр. 151 и сл.

[17] «Грамматика русского языка», стр. 26.

[18] Н. Б. Агаева, Согласование как вид синтаксической связи в современном русском языке (Постановка проблемы), «Уч. зап. [Азерб. пед. ин-та языков им. М. Ф. Ахундова]». Серия XII, Язык и литература, 2 (1964), Баку, 1966, стр. 80—81.

собленного определения с определяемым словом, согласование относительных слов *который, какой, чей* с тем словом, к которому относится придаточное предложение, согласование при повторяющемся предлоге (*Отпусти меня в степи приволжские на житье на вольное, на казацкое*) [19], согласование прилагательного с местоимением (*пожалей ты его, глупого*) и т. д. И хотя справедливо мнение о том, что отношения между членами предложения следует отличать от «отношений, которые складываются между словами, являющимися их материальным выражением» [20], вопрос об интерпретации перечисленных случаев остается, по нашему мнению, открытым. Некоторые возможности интерпретации заключены в различении согласования и уподобления [21], хотя морфологическая природа этих видов связи остается единой.

Двухаспектный (словосочетание — предложение) подход важен, как нам кажется, не только для описания согласования. Лишь с точки зрения структуры предложения и функций слова в предложении могут быть объяснены многочисленные и хорошо известные случаи отнесенности предложно-падежных конструкций не к отдельному слову, а ко всему предложению или к его «предикативной основе» [22]. Попытка исключить падежные формы или предложно-падежные сочетания, выступающие как самостоятельные распространители предложения, из числа управляемых форм и отнести их к «именному примыканию» продиктована своеобразием их собственно «предложенческих» связей [23].

Смешением морфологического и синтаксических аспектов характеризуется точка зрения, по которой конструкции типа *Мне идти, Каши не осталось* считаются двусоставными предложениями, косвенный субъект — главным членом предложения, а связь между косвенным субъектом и глаголом-сказуемым предикативной и (видимо, потому) не управлением [24]. На таком же смешении базируется и утверждение, что «...подчинительные связи компонентов в строе предложения и словосочетания нельзя сводить только к согласованию, управлению и примыканию» [25]. Очевидно, что синтаксические связи «содержательнее» согласования, управления и примыкания, которые следовало бы рассматривать лишь как способы связи или как способы выражения собственно синтаксических связей. И в этом смысле они являются исчерпывающими для русского языка. Очевидно также, что лишь анализ предложения даст возможность объяснить нерегулярные, не существующие вне предложения случаи управления типа... *Ростов сердился, когда ему шутили о княжне Болконской* (пример Пешковского). Вне предложения нет связи присоединения, а следовательно, нет и присоединяющего управления, примыкания или согласования. Вне предложения не могут быть изучены синтаксические связи приложений (вернее, слов, выступающих в этой роли) и т. д. Поэтому понимание подчинительных связей как «не имеющих отношения к структуре предложения» и признание такого подхода «принципиально важным» [26] кажется по крайней мере недостаточно аргументированным.

В целом по-прежнему важной задачей остается разработка (или во всяком случае упорядочение) понятий (и соответствующих терминов) типов синтаксической связи, способов связи, семантико-синтаксической силы связи и т. д. Дополнительным аспектом изучения синтаксических связей может явиться так называемое актуальное членение предложения, контекстно-речевые модификации связей и т. п., в плане которых следует рассматривать присоединение, обособление и т. д. Это позволило бы получить логически непротиворечивые понятия и ряды понятий [например, сильное подчинение на основе управления, слабое (полуфакультативное) подчинение на основе управления, факультативное подчинение на основе управления; сильное подчинение на основе примыкания, слабое подчинение на основе примыкания и т. д.].

Значительный интерес представляет вопрос о характере связи при параллельном (двойном, тройном и т. д.) управлении. Вновь высказывается мысль о том, что в случае столкновения трех управляемых форм одна из них неизбежно получает наречный характер [27]. Не до конца ясна специфика так называемого двойного сильного управления. Утверждают, что «глагольное сильное управление может быть одиночным и двойным. При одиночном управлении глагол (или отглагольное имя, повторяющее глагольное управление) обязательно требует одной определенной падежной формы; при двойном

[19] Там же.

[20] Т. Е. Гильченок, указ. соч., стр. 61.

[21] Н. Б. Агаева, указ. соч., стр. 82.

[22] Н. Ю. Шведова, Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения, ВЯ, 1964, 6, стр. 81.

[23] Там же, 6, стр. 93.

[24] V. Hrabě, K otázce nepřímého subjektu v ruské skladbě, «Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury», VIII, 1964.

[25] Н. Б. Агаева, указ. соч., стр. 82.

[26] «Основы построения...», стр. 142.

[27] D. Konečná, K otázce druhů objektu podle významu, «Slavica pragensia», VIII, Acta Universitatis Carolinae. Philologica, 1—3, 1966, стр. 315. См. также: F. Kopečný, Základy české skladby, Praha, 1958, стр. 203.

управлении двух определенных падежных форм»[28]. Такое управление считают регулярным (сильным) глагольным управлением[29]. Возникает вопрос, действительно ли во всех таких случаях налицо двойное глагольное управление. Хорошо известно, что наличие одного из управляемых членов в ряде случаев обусловлено обязательным присутствием второго члена. В строе предложения нет словосочетаний *(*Учительница*) *дала девочке*, *(*Няня заботливо*) *укрыла одеялом*, *(*Брат*) *собирал сестре/ для сестры* без прямого объекта (*книгу, больного, грибы*). Такого рода конструкции (типа *дать кому-л. что-л.*) не являются (подобно словосочетаниям с собственно двойным управлением) сложными, под которыми понимают «соединения двух или более простых словосочетаний с одним и тем же стержневым (главным) словом», образованные «на основе разных типов связей, исходящих от одного слова: *уехать на учебу осенью*»[30]. Нельзя их причислить и к разряду «комбинированных словосочетаний», определяемых как «соединение двух или более простых или сложных словосочетаний с разными стержневыми словами: *автомат по продаже молока*»[31]. Не свидетельствует ли все это о том, что мы имеем дело не с двойным (параллельным) управлением

глагол → прямой объект
глагол → косвенный объект,

а управлением «градуальным»: [глагол → → прямой объект] → косвенный объект? Этот вывод подтверждается, как нам кажется, наличием синонимических одноуправляемых конструкций типа *дать человеку надежду — обнадежить человека*. Градуальное управление наиболее характерно для глаголов, в значение которых входит в качестве семантического элемента *дать* (*снабдить, прислать, вручить, подарить что-л. кому-л.* и т. д.), а также для их «антонимов», т. е. для глаголов, имеющих семантический элемент *лишить* (*отобрать что-л. у кого-л., отцепить что-л. от чего-л., сбросить что-л. с чего-л., лишить кого-л. чего-л.* и т. д.). В последнем случае отыменные глаголы образуются гораздо регулярнее, ср.: *дать степям воду — обводнить степи, лишить степи воды — обезводить степи*; *дать крестьянину лошадь — *олошадить крестьянина, лишить крестьянина лошади* (*отобрать у крестьянина лошадь*) — *обезлошадить крестьянина*; ср. также другие глаголы с приставкой *обез-/обес-*. Здесь уместно подчеркнуть роль глагола *дать/лишить*, который, выступая самостоятельно или в «составе» других глаголов, выполняет какую-то особую семантико-синтаксическую функцию. Возможно, этот глагол (и все глаголы, для которых *дать/лишить* является «семантико-синтаксической доминантой») как раз и есть тот «глагол со специальным значением», который превращает «дательный конкретный» (как, впрочем, и любой другой конкретный падеж) в «дательный грамматический»[32], являющийся комбинаторным вариантом выражения прямого объекта.

В связи со сказанным для теории синтаксических связей представляют, по нашему мнению, интерес следующие проблемы. Каковы отличия градуального подчинения от последовательного (*решение → собрания → членов → кооперативов*), параллельного (*читать газету после обеда*) и «группового» (*ценою жизни ← [обеспечить победу своих товарищей]*)? Как модифицируется характер синтаксических связей сочетающихся элементов в зависимости от их семантической спаянности в предложении и словосочетании, от процессов «семантической конденсации» слов и образования «относительных единств»[33] слов в предложении? Каковы причины и способы выражения прямого объекта косвенными падежами в синхронии[34], или, иными словами, каковы условия вторичного, грамматического функционирования (в понимании Куриловича) косвенных (кроме винительного) падежей? Каков семантический круг глаголов с градуальным управлением?

Попытку с общетеоретических позиций изучить семантико-синтаксические возможности глаголов содержит в себе «теория глагольной интенции»[35], разрабаты-

[28] «Основы построения...», стр. 140.
[29] Н. Ю. Шведова, Детерминирующий объект..., стр. 78.
[30] Н. Ю. Шведова, Активные процессы в современном русском синтаксисе, М., 1965, стр. 4.
[31] Там же, стр. 4—5.
[32] Е. Курилович, Проблема классификации падежей, «Очерки по лингвистике», М., 1962, стр. 185—186.
[33] Там же, стр. 187.
[34] Ср. замечание А. А. Потебни о передаче ряда своих функций винительным падежом падежам косвенным (А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, М., 1958, стр. 295—296).
[35] Из работ, посвященных разработке этой теории, см. (библиография дается частично по статье Я. Оравца, см. ниже): L'. Štur, Nauka reči slovenskej, Bratislava, 1846; E. Paulíny, Štruktúra slovenského slovesa, Bratislava, 1943; J. Ružička, Bezpodmetový zvratný tvar, «Slovenská reč», 25, 1, 1960; Р. Мразек, Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы, ВЯ, 1964, 3; «Morfológia slovenského jazyka», Bratislava, 1966, раздел «Zameranie slovesného deja (Intencia slovesného deja)», стр. 389—397; J.

ваемая словацкими и чешскими языковедами. «Интенция или направленность глагольного действия — это лексико-грамматическая категория, в которой отражается *познание действительности*: в ней соединяются сущность глаголов как наименований несамостоятельно существующих динамических признаков и транзитивный характер глагольного действия. *На основе* этой категории строится интенциональная глагольная система, складывающаяся из элементов, называющих действие и участников действия, и отношений между этими элементами» [36].

Понятие глагольной интенции шире понятия глагольного управления, так как оно является выражением двойного отношения (и к патиенсу, и к агенсу) [37]. Поэтому говорят о «правой» интенции (или «направлении глагольной интенции») и «левой» (или «исходном пункте глагольной интенции») [38]. Правая интенция включает лишь такое «пополнение» глагола, «которое реализует ту синтаксическую перспективу, которая предполагается глаголом для полноты его значения» [39]. В связи с этим различаются интенциональные и безинтенциональные определители глагола [40]. Теория глагольной интенции — это интересный и во многом удачный опыт описания семантико-синтаксических связей глаголов на основе интенциональной классификации [41].

В последнее время внимание синтаксистов привлекает вопрос сочетаемости (валентности) слов. Его решение пока не выходит за пределы описаний частных лексических групп и их комбинаторных возможностей. Не отрицая полезности поисков в этой области, укажем на все более остро ощущаемую необходимость создания общей теории лексико-грамматической (семантико-синтаксической) сочетаемости полнозначных слов.

Некоторые идеи можно рассматривать как поиск путей к построению *общей теории сочетаемости*. Предлагают, например, различать «неограниченные и ограниченные связи: первые — охватывающие последовательно обе категории сочетающихся слов (т. е. все слова данной части речи), и вторые — лексически замкнутые, охватывающие категории сочетающихся слов выборочно (т. е. лишь какие-то семантические группы слов внутри данной части речи)» [42]. Следует учитывать наличие и такой закономерности соединения слов, «которая не зависит от грамматической характеристики и может быть определена „согласованием“ на уровне смысла» [43]. Следовательно, теория сочетаемости слов должна предполагать возможность установления и таких семантических классов, которые по определенным признакам объединяют тождественные по сочетаемости элементы в пределах разных частей речи (ср. сочетаемость *быстро читать, быстрое чтение, быстрота чтения* и несочетаемость **быстро стоять*, **быстрое стояние*, **быстрота стояния*). Поскольку «могут существовать семантические различия, не выражаемые синтаксически» [44], необходимо, по нашему мнению, проявлять осторожность, обосновывая сочетаемость слова его предметно-тематической отнесенностью. Параллелизм между *семантико-синтаксическими классами* и предметно-тематическими группами слов, как можно предполагать, весьма относителен.

Перспективным представляется путь построения «грамматической классификации лексического состава русского языка» [45], «*грамматики словаря*» [46]. Этот подход основан на допущении, что «связь синтаксиса с лексикой идет в основном *по линии* установления определенных групп слов, с которыми соотносятся те или иные синтаксические категории и конструкции» [47], что взаимодействие синтаксиса с семантикой выражается в *противонаправленных* процессах «давления семантики на синтаксис», являющегося причиной аналогичного развития, и «давления синтаксиса на семантику, приводя-

---

Ružička, K poznaniu Šturovej gramatickej teórie, «Sb. Fil. fak. University P. J. Šafárika v Prešove» 1967; Я. Оравец, К вопросу о глагольной интенции и глагольном управлении, Доклад на советско-чехословацком симпозиуме (18—22 апреля 1967) «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие» (Отд. ротапр. отт., 15 стр.).

[36] «Morfológia...», стр. 389—390.

[37] Я. Оравец, указ. соч., стр. 2.

[38] Р. Мразек, указ. соч., стр. 51 и сл., 59 и сл.

[39] Я. Оравец, указ. соч., стр. 9.

[40] Р. Мразек, указ. соч., стр. 52.

[41] См.: «Morfológia...», стр. 390 и сл.

[42] «Основы построения...», стр. 138.

[43] Н. К. Коссек, К *вопросу о* лексической сочетаемости, ВЯ, 1966, 1, стр. 97; см. также: А. Жолковский, О правилах семантического анализа, сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 8, 1964.

[44] Ю. Д. Апресян, Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам (типам управления), ВЯ, 1965, 5, стр. 51.

[45] М. А. Глазман, Зависимость глагольной сочетаемости от лексического значения глагола. Автореф. канд. диссерт. Алма-Ата, 1964, стр. 25.

[46] Ю. Д. Апресян, Развитие по аналогии в синтаксисе и «грамматика словаря», «Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию „Основные проблемы эволюции языка“ (9—16 сентября 1966 г.)», Самарканд, 1966, стр. 280.

[47] М. А. Глазман, указ. соч., стр. 25.

щего к тому, что слова, помещаемые в идентичный синтаксический контекст, приобретают сходные значения» [48].

Трудности в решении этой важной задачи возникают и в связи с тем, что при «изучении коррелятивных отношений между лексической семантикой и формами сочетаемости, позволяющих найти формальные признаки элементов плана выражения» [49], нельзя игнорировать омонимию как самих формальных признаков («данные, характеризующие управление того или иного глагола, должны распределяться не только по падежам и предлогам, но и по характеру выражаемых синтаксических отношений» [50]), так и сочетающихся слов («...сильное, слабое, двойное и т. д. управление можно выявить, лишь различая омонимы и разные значения слов» [51]).

При описании сочетаемости слов, т. е. фактически при описании синтаксиса языка, синтаксисты оперируют понятием класса (подкласса) слов [52]. Конечным результатом работы должны быть «очерченные и перечисленные подклассы слов» [53]. Эта точка зрения получает все большее распространение. Заметим, что целесообразнее в качестве единицы описания пользоваться не понятием семантико-синтаксического класса слов, а понятием семантико-синтаксической оппозиции классов. Необходимость такой замены диктуется опытом других лингвистических дисциплин, в частности фонологии [54], а также ее практической целесообразностью (количество лексического материала, которое нужно «разнести» по классам и подклассам, чрезвычайно велико; количество синтагматических вариантов сочетающихся элементов при нейтрализации противопоставлений семантико-синтаксических классов бесконечно).

Решение проблемы сочетаемости слов будет иметь первостепенное значение для грамматического описания языка, в частности для описания синтаксических связей слов [55].

[48] Ю. Д. Апресян, Развитие по аналогии... стр. 280.

[49] Н. З. Котелова, О применении объективных и точных критериев описания сочетаемости слов, ВЯ, 1965, 4, стр. 55.

[50] Ю. В. Солоницын, О цифровых показателях, характеризующих «силу» управления, ВЯ, 1966, 2, стр. 80.

[51] Н. З. Котелова, указ. соч., стр. 55.

[52] М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович, Многозначность и омонимия, Л., 1966, стр. 16—17.

[53] Там же, стр. 17.

[54] С. К. Шаумян, Кибернетика и язык, сб. «Статистичні та структурні лінгвістичні моделі», Київ, 1966, стр. 17—18.

[55] Из числа не упомянутых в обзоре работ, в которых в той или иной мере разрабатывается проблематика синтаксических связей, см.: Ю. Д. Апресян, О сильном и слабом управлении, ВЯ, 1964, 3.; В. Г. Байков, Лексический параллелизм в области дополнений (на материале русского языка), ФН, 1966, 4; его же, Факторы, определяющие функциональное использование морфолого-синтаксических типов для выражения объектных отношений, «Исследования по грамматике и лексикологии», Киев, 1966; В. П. Бахтина, Некоторые особенности глаголов речи в русском языке (объектная сочетаемость), «Вопросы лексикологии и синтаксиса», Уфа, 1964 («Уч. зап. [Башкирского гос. ун-та им. 40-летия Октября]», XVIII, Серия филол. наук, 8 (12)); ее же, Связь сочетаемости глагола с его значением, «Краткие очерки по русскому языку (Материалы пятой научно-методической конференции объединения кафедр русского языка вузов центрально-черноземной зоны)», Воронеж, 1964; ее же, Лексико-грамматическая сочетаемость глаголов речи в русском языке, «Материалы по русско-славянскому языкознанию», II, Воронеж, 1966, Е. А. Белоусова, Опыт формального анализа группы глаголов, «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 9, 1966; Р. В. Болдырев, Некоторые специфические явления синтаксиса управления, «Исследования по грамматике и лексикологии», Киев, 1966; Н. Д. Гарипова, О роли лексического фактора в сочетаемости слов в русском языке, «Вопросы лексикологии и синтаксиса», Уфа, 1964; ее же, Опыт лексико-грамматической характеристики сочетаемости глаголов мышления в современном русском языке, там же; Б. А. Дмитриев, К вопросу об управлении в современном русском языке, «Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка», Новосибирск, 1966; Н. С. Дмитриева, Лексико-синтаксическая сочетаемость глаголов движения, «Вопросы лексикологии и синтаксиса», Уфа, 1964; Г. А. Золотова, К развитию предложно-падежных конструкций (сочетания с существительным в творительном падеже с предлогом с), «Развитие синтаксиса современного русского языка», М., 1966; Л. В. Капорулина, Отличительные свойства и пути развития приименного употребления падежей в русском языке, «Вестник ЛГУ». Серия истории, языка и литературы, 3, 1966; Т. А. Колосова, К эволюции делиберативного объекта в русском языке, «Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию „Основные проблемы эволюции языка“ (9—16 сентября 1966 г.)», Самарканд,

1966; О. Д. Кузнецова, О глаголах, изменяющих значение в связи с переменой субъекта действия, «Современная русская лексикология», М., 1966; Н. А. Лобанова, Синтаксическая сочетаемость возвратных глаголов, «Вестник МГУ». Серия X. Филология, 1966, 5; Р. Мразек, Синтаксис русского творительного, Прага, 1964; А. М. Навозова, Некоторые закономерности точечной дистрибуции и сочетаемости грамматических и лексико-грамматических значений в области русских имен прилагательных, «Материалы и исследования по проблемам грамматики русского языка», Красноярск, 1965; В. Н. Перетрухин, Синтаксическое управление и аналогия, «Краткие очерки по русскому языку», 2, Курск, 1966 («Уч. зап. [Курского гос. пед. ин-та]», XXV); А. С. Попов, Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке, «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., 1964, Н. П. Потапова, О согласовании «по смыслу» как специфической особенности устной формы русского языка, «Уч. зап. [Пермского гос. ун-та им. А. М. Горького]», 137, 1, 1965; Н. Н. Прокопович, О процессах структурного преобразования словосочетаний в современном русском языке, «Развитие синтаксиса современного русского языка», М., 1966; Э. В. Самосюк, Непосредственные словообразовательные связи прилагательных с глаголами и их влияние на построение адъективных словосочетаний, «Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка», Новосибирск, 1966; С. Сирота, Сочетание глаголов с инфинитивом в современном русском литературном языке. Автореф. канд. диссерт., М., 1964; О. М. Трахтенберг, Приставки и их роль в глагольном управлении, «Вопросы современного русского литературного языка (грамматический строй и стилистика)», 1, Челябинск, 1966; Л. А. Туркина, Адъективные сочетания с количественными наречиями, там же; А. А. Цой, Семантика как фактор синтаксического конструирования (к истории изучения данной проблемы в русском языкознании), «Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию „Основные проблемы эволюции языка“». (9—16 сентября 1966 г.)»; Н. А. Янко-Триницкая, «Проблема номер один» (Числительное в роли несогласованного определения), «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., 1964; ее же, Краткий именительный в функции определения, «Развитие синтаксиса современного русского языка», М., 1966.

А. Е. Михневич

РЕЦЕНЗИИ

J. Lyons. **Structural semantics.** An analysis of part of the vocabulary of Plato. — Oxford, 1963. 237 стр. («Publications of the Philological society», XX)

Целью рецензируемой работы является создание семантической теории, адекватной как операционалистически, так и материально. По мнению автора, основными чертами такой теории должны быть: 1) определение значения в терминах заранее заданных семантических отношений — *несовместимости*, *антонимии*, гипонимии и т. д.; 2) определение последних в терминах семантически первичных *понятий — отрицания*, *импликации* и *эквивалентности*; 3) формулирование семантических отношений для данной совокупности специфических контекстов, а не для языка в целом. Именно эти основные теоретические положения легли в основу того конкретного исследования, которое было выполнено Дж. Лайонзом на материале произведений Платона. Автор подчеркивает, что, исследуя последние, он рассматривал их именно как л и н г в и с т и ч е с к и й корпус: хотя многие из обследованных терминов играют существенную роль в философской системе Платона, этот аспект автором во внимание не принимался.

В первой главе, посвященной рассмотрению «условий адекватности» семантической теории, автор указывает, что семантическая теория должна пользоваться концепциями, которые поддаются операционалистическому определению в терминах эмпирических технических приемов. Таким образом, исследователь приобретает критерий «о п е р а ц и о н н о й а д е к в а т н о с т и т е о р и и» (*operational adequacy of the theory*). Иными словами, любая семантическая теория, основные таксономии которой несоотносимы с наблюдаемыми фактами и не поддаются сведению к наблюдаемым фактам, не может быть принята.

Исходя из этого общего положения, автор подвергает уничтожающей критике все предыдущие попытки создания семантической теории. Прежде всего он отвергает все теории, которые определяют значение как отношение, которым лингвистическая форма, или «знак», связаны с содержанием, обозначаемым предметом. Лайонз считает такого рода теории настолько неудовлетворительными и неприемлемыми, что он даже не видит необходимости опровергать их, тем более, что все они уже окончательно опровергнуты как философами (ср., например, «Философские исследования» Витгенштейна), так и лингвистами (как пример последних приводится Д. Р. Фирт: утверждается, что Фирт всегда возражал против «дуалистических теорий значения»).

Не более благосклонен автор и к знаменитому «семиотическому треугольнику» Огдена и Ричардса. Как Огден и Ричардс, так и Ульман, по мнению Лайонза, лишь переформулировали известный схоластический диктум *vox significat mediantibus conceptibus*. Ничуть не лучше и так называемые эмпирические теории значения (наиболее выдающимися представителями этого направления являются Карнап и Райхенбах), согласно которым другим членом отношения сигнификации является класс предметов или свойств (экстенсия знака) или же определяющее свойство класса предметов, обозначаемых данной лингвистической формой (интенсия закона).

Можно было бы подумать, что Лайонз найдет более приемлемым бихевиористический анализ знака. Однако и этот подход, «особенно распространенный среди американских психологов и семиотиков», по его мнению, страдает серьезными недостатками: все бихевиористические определения знака, которые были предложены до сих пор, слишком туманны для того, чтобы иметь какое-либо *эвристическое значение для лингвистики*, да и сама их претензия на эмпирическую адекватность является фактически необоснованной (см. особенно стр. 3—4). В частности, определение значения, даваемое Блумфилдом, постулирует наличие ненаблюдаемых явлений. Попытки определить значение на основе дистрибуции тоже не обеспечивают операционалистической адекватности, потому что две формы, являющиеся для естественно пользующихся языком синонимичными или подобными по значению, могут оказаться с точки зрения дистрибуций гораздо менее подобными, чем другая пара форм, совсем не схожих по значению (опять же с точки зрения естественно пользующихся языком). Заметим, что, вслед за Куайном,

автор придает большое значение языковой интуиции говорящего и определяет ее как узуальное употребление терминов, не отражающее попыток их дефиниции или соображений о тех предпосылках, которые могут в них содержаться. Адекватность семантической теории может быть обеспечена лишь при условии соответствия полученных ею результатов ощущениям естественно пользующихся языком. Автор придает такое большое значение «чувству» языка, потому что естественная речевая деятельность основывается на формальных свойствах данной языковой системы. Если бы не влияние традиционного школьного образования, которое утверждает ложные понятия о языке (такие, как, например, что каждое слово представляет собой комплекс, состоящий из формы и значения, что нет в языке абсолютных синонимов и т. п.), то люди вообще приобретали бы не только вполне правильные и научно-логические понятия, но и овладевали бы в совершенстве языком в смысле порождающей грамматики. Поэтому адекватность семиотической теории обязательно предполагает совместимость с известными или очевидными фактами владения языком и использования его в речи. Для выявления этих фактов нужно изучать способность людей порождать бесконечное количество грамматических предложений на основе ограниченного числа ядерных моделей.

Естественно пользующийся языком должен быть в состоянии отличить не только «грамматические» («отмеченные») предложения от «неграмматических», но и предложения, семантически приемлемые (acceptable), от неприемлемых. То же обстоятельство, что ответ не всегда может быть однозначным, является вполне естественным, поскольку по самой природе вещей свойства грамматичности или неграмматичности (соответственно семантической приемлемости и семантической неприемлемости) вовсе не всегда дают основание для однозначного ответа. Поэтому теория значения вообще и теория полисемии, в частности, должны быть построены так, чтобы они могли объяснять не только ясные случаи, но также и случаи неопределенные или промежуточные. Если носитель языка испытывает сомнение в отношении того или другого конкретного предложения, это показывает только, что оно занимает промежуточное положение между значащим и бессмысленным.

Во второй главе под названием «Семантика и грамматика» автор приходит к выводу, что только Хомскому удалось действительно создать такой метод грамматического описания, который был бы свободен от «обращения к семантике». Лайонзу остается только применить то, что было уже достигнуто в отношении английского языка, к древнегреческому.

Итак, отделив грамматику от семантики, исследователь может теперь обратиться к научному изучению второго из двух аспектов высказывания. Какие же методы имеются для этого?

Поскольку общетеоретической основой всех построений Лайонза является теория «порождающей грамматики», понятие «приемлемость» является более удобным, потому что оно нейтрально по отношению к целому ряду различий, традиционно вводимых для разграничения «грамматического» и «имеющего значение». Научное исследование приемлемости требует введения более мелких классификаций и подразделений для слов языка. (Заметим, что по вопросу о слове автор отказывается от каких-либо всеобъемлющих высказываний и ограничивается лишь тем заявлением, что значение этой категории для грамматического анализа греческого языка в его классической форме не вызывает никаких сомнений.) Однако, как бы ни были мелки классификации, все равно остается необходимость отказаться от понятия языка как закрытого набора, или множества высказываний, ограниченного тем комплектом фраз, которые имеются в данном корпусе. Иными словами, никак нельзя обойти тот факт, что естественные носители данного языка не всегда и не обязательно будут все согласны по вопросу о том, является ли данная цепочка элементов приемлемым высказыванием или нет. В этой связи автор вновь подчеркивает необходимость учета степеней и разных видов, или слоев приемлемости. В традиционном языкознании граница проводилась между грамматической правильностью, с одной стороны, и значением лексического сочетания, мотивацией, конвенциональностью словоупотребления и т. п.— с другой. Но это различие, исходившее из отвергнутой грамматической теории, не может быть принято «новым» языкознанием.

Что же имеется в арсенале структурной лингвистики по линии семантического анализа высказываний? Если считать, что все попытки прямого установления тождества или достаточного подобия «значений» разных «форм» обречены на неудачу (т. е. если, например, нет возможности узнать, применяя лишь интуицию, чувство языка и т. п., являются ли два английских *ear* в *a pain in my left ear* и *an ear of corn* одной и той же или разными единицами), то единственным путем решения собственно семантических проблем этого рода остается, как будто бы, только дистрибуция. Однако процедура «дистрибутивного» описания не только практически неосуществима, но и неверна по существу. Дело в том, что она основывается на двойственности тех понятий, которые используются при самом определении термина «дистрибуция». Если обратиться к известному определению Харриса: «Дистрибуция элемента есть общая сум-

ма всех окружений, в которых он может встречаться»,— то станет сразу понятна полная невозможность проведения какого-либо конкретного исследования для общей суммы всех окружений в случае мертвого языка, поскольку исследователь мертвого языка лишен возможности обратиться к интуитивным ощущениям информанта, возможность работы с которым лежит в основе предлагаемой Харрисом методики. Но даже и для живого языка «общая сумма» или «вся совокупность» окружений — понятия химерические. Они применимы только к замкнутым системам, т. е. к таким корпусам, где дальнейшее порождение предложений заранее исключено. Во всех же естественных языках, являющихся открытыми системами, возможность дальнейшего порождения входит в состав определения самого предмета. Поэтому вследствие практической невозможности действительного изучения всех окружений естественно прийти к мысли, что общее распределение элементов в языке представляет собой функцию его значения, а отсюда и применение семантических интуиций. Лингвистические единицы имеют значение только в контексте. Контекст высказывания — это та ситуация, в которой это высказывание реализовалось. Ситуация — это основа всех вообще семантических определений. Подкрепляя это свое суждение, автор отвергает выводы тех лингвистов, которые пытаются различать основные, или центральные, и переносные значения и т. д., настаивая на том, что ситуации принадлежит ничуть не меньшая роль в определении поведения лингвистической формы, чем самой лингвистической форме. Автор категорически настаивает на том, что понятие контекста ситуации является существенным не только при определении семантической функции целого ряда высказываний, но также и для указания на функцию составляющих его единиц, поскольку функция каждой из составляющих единиц исчерпывается той долей, которую она вносит в целое в данной специфической ситуации. Поэтому, употребляя термин «контекст» при конкретном исследовании лексики Платона, автор всегда понимает его как несущий в себе импликацию ситуации. При таком понимании контекст категорически отграничивается от понятия окружения, поскольку последнее представляет собой фонологический и грамматический термин и имеет смысл только при условии изоляции высказывания как от субъективного, так и от более широкого словесного контекста.

Сблизив, таким образом, понятия «ситуации» и «контекста» («контекст ситуации» — «ситуация контекста» и т. д.), Лайонз, тем не менее, как будто бы продолжает их различать и требует гораздо более тщательного исследования отношений между этими двумя понятиями. Прежде всего, большие трудности представляет вопрос о тождестве ситуаций. Как и во многих других своих положениях, Лайонз и здесь опирается на соответствующие высказывания Куайна: «Очень легко заметить, что нет двух вполне тождественных ситуаций. Даже те ситуации, в которых произносится одна и та же форма, различаются мириадами различных способов». Но трудности эти вовсе не являются непреодолимыми, если понять, что существенным является сходство в релевантных отношениях и поиск именно этих отношений и представляет собой проблему, типичную для эмпирической науки.

Хотя Лайонз, по-видимому, и незнаком с работами, дающими полный перечень разнообразных видов «контекста» (см. особенно работы Косериу), он весьма красноречиво говорит (критикуя ограниченность взглядов Блумфилда, Гардинера и Малиновского) о том, что понятие контекста является чрезвычайно широким и абстрактным, так как это понятие должно включать не только релевантные внешние предметы и действия, которые осуществляются во время речи, но также то предыдущее знание, ту фоновую информацию, которой располагают как говорящий, так и слушающий, относительно всего происходившего ранее, т. е. до момента речи. Но и этого, однако, недостаточно. Контекст включает все те условности и предпосылки, которые в том обществе, в котором живут участники речевого акта, релевантны для понимания высказывания. Если же, в частности, речь идет о контексте предложения в литературном произведении, то он включает также и все те условности и правила, которые формируют данный литературный жанр. Поэтому, говоря о контекстах, вполне естественно вспомнить о термине, предложенном Урбаном, а именно о «вселенной речи» (universe of discourse). В понятие контекста включаются также и участники речевого акта — говорящий и слушающий.

Вопрос о «контексте» перерастает, таким образом, в еще более общую проблему — «семантического анизоморфизма» разных языков. Язык каждого данного общества является составной частью его культуры и принимает активное участие в определении того «мира», в котором живет человек. Такое понимание соотношения языка, мышления и действительности, языка, мышления и культуры, получившее в дальнейшем название теории лингвистической относительности, решительно отвергается Лайонзом. Полная неприемлемость этой концепции доказывается, по его мнению, хотя бы опытом изучения иностранных языков. Чужой язык нередко усваивается в такой степени, что позволяет человеку «полностью нейтрализоваться» лингвистически

и даже не отличаться от естественных носителей изучаемого языка. Конечно, между полным незнанием чужого языка и полной лингвистической нейтрализацией или аккультурацией имеется бесконечное число промежуточных стадий, причем изучение другого языка тем быстрее и легче, чем больше совпадение культуры народов — носителей обоих языков, родного и иностранного.

До сих пор остается, к сожалению, неизученным вопрос о том, в какой мере различные культуры и, следовательно, «картины мира» различных обществ, совпадают и, что самое главное, можно ли надеяться с достаточной степенью научной строгости определить вообще общий фонд или общее культурное достояние людей вообще, проходящее через различные страны и культуры. Иными словами, вообще остается невыясненным вопрос о том, имеются ли (и каковы они, если они имеются) какие-то общие свойства, наличествующие в картинах мира всех человеческих обществ. Думается, что в этом отношении уже достигнуты существенные успехи исследователями так называемых лингвистических универсалий. Что касается взглядов по этому вопросу Лайонза, то он считает, что для тех случаев, когда единицы разных языков могут быть однозначно соотнесены на основе отождествления общих черт и ситуаций, необходимо применение нового термина. Он рекомендует термин «аппликация». Каждая данная лингвистическая единица аппликируется в том контексте, в котором она встречается. Она аппликируется, если удается установить отношение между данной единицей и наблюдаемыми особенностями ситуации — предметом, лицом, свойством и далее классом предметов или свойств. Понятие «аппликации» оказывается также удобным для обозначения отношения, которое может быть установлено между элементами языка и такими свойствами ситуации, как относительное расположение в пространстве и времени, статус одного из участников по отношению к другому и т. д., т. е. ко всем отношениям, которые могут быть установлены между элементами данного языка и каким-нибудь свойством внешнего мира, будь то материальный внешний мир или мир общественных отношений. При отсутствии наблюдаемого референта следует опираться на нейтральный метаязык.

Какие же методы следует рекомендовать для того, чтобы установить тождество аппликаций? Особенно сложной эта проблема является тогда, когда речь идет не о физических явлениях внешнего мира, а о мире общественной деятельности, где особое значение приобретает определение области «совпадения культур» (cultural overlap). Примеры этого рода очень полезны, так как они позволяют вполне ясно и определенно показать разницу между а) установлением фактического тождества денотаций и б) адекватностью совпадения разных культур. Ясно, что исследования всей широчайшей проблемы языка и общества, языка и культуры и т. п. могут быть продуктивными лишь в том случае, если более широким обобщениям, особенно в терминах лингвистических универсалий, будут предпосланы систематические исследования с о в п а д е н и й и далее о б щ н о с т е й культуры, на которые уже неоднократно обращалось внимание исследователями.

Любопытно в связи со всем, что было изложено выше, обратить внимание на то, что на протяжении всей книги Лайонз больше всего опасается, как бы его не заподозрили в менталистском уклоне. Хотя понять, каким образом все сложнейшие свойства «контекста», постулированные им выше, могут быть непосредственно наблюдаемы, невозможно (принимая во внимание, что понятие контекста как простой словесной матричной «породы», в которой заложено собственно высказывание или речевой акт, им было начисто отвергнуто, стр. 83), он упорно настаивает, что такая опасность ему не угрожает, потому что он «с самого начала сводимость к наблюдаемым явлениям сделал условием операциональной адекватности любой теории значения» (стр. 85).

«Структурная» семантика, по определению, должна стремиться проникнуть в суть словаря языка-объекта и з н у т р и. Под языком-объектом при этом понимается один единственный человеческий язык, рассматриваемый в отдельности, как таковой; в данной книге речь не идет об установлении семантических эквивалентностей между разными языками, ибо это, по мнению Лайонза, по-видимому, вообще невозможно. Первостепенную важность в связи с этим приобретает вопрос о применении к исследованию категорий и методов теории информации [1]. Как известно, теория информации строится на понятии контекстуальной элиминации всех, кроме небольшого числа символов, занимающих определенное положение в цепи, и использует вероятность появления данного символа в данной позиции в качестве меры количества информации, которую он передает.

В наиболее общем виде этот подход или принцип может быть сформулирован следующим образом: значение предполагает выбор. Поэтому любая лингвистическая единица (включая полное или «законченное» высказывание), появление которой не определяется контекстом, имеет з н а ч е н и е в этом контексте, и наоборот: любая лингвистическая единица, появление которой в данном контексте полностью

[1] Это подкрепляется большим научным аппаратом и цитатами из работ Осгуда, Бар-Хиллела, Хенигсвальда, Джооса и др.

определено или может быть предсказано, не имеет значения в этом контексте.

Из всего сказанного становится совершенно ясным, что понятие «обладание значением» (having meaning) и «контекст» являются семантическими параллелями грамматических понятий «контраст» и «окружение».

«Формализовать» сказанное можно следующим образом: если два предложения X и Y, различающиеся только одним элементом, записываются как axb и ayb, то X и Y контрастируют в окружении a — b. Но сами предложения X и Y встречаются («реализуются») каждый в своем особом контексте, обозначаемом соответственно как K_1 и K_2, тогда X описывается как реализовавшийся (occuring) в контексте K_1 (a — b), а Y в контексте K_2 (a — b). Для того чтобы X и Y имели значение, необходимо установить, что контексты, в которых встречаются X и Y, тождественны.

Тщательно отграничивая ситуационный контекст от окружения, Лайонз, естественно, оказывается вынужденным несколько спуститься по шкале иерархии уровней и коснуться определения некоторых терминов, выходящих за пределы собственно семантической теории.

Важное значение придается Лайонзом также вопросу об основных единицах семантического анализа. Является ли такой основной единицей морфема или лексема? Как указывает Лайонз, на этот вопрос нельзя ответить для всех языков вообще. Ни морфема, ни лексема не являются минимально значащей единицей по определению. К тому же, как заметил еще Базель, «из единицы нельзя выжать больше, чем было заложено в ней посредством тех операций, при помощи которых она была первоначально определена». Правда, можно применить критерий минимальности, но лишь после того, как будет установлено несколько отношений значения между предложениями в контексте. В отношении же конкретно греческого языка оказывается, что данное отношение можно иногда локализовать в оппозиции между морфемами, связанными отношениями коммутации, а иногда в оппозиции между лексемами. В отдельных случаях его можно локализовать в оппозиции единиц более высокого уровня. Для греческого языка предпочтительно осуществить это в терминах лексем, а не в терминах морфем, как это и делается во второй части данной работы. Следует иметь в виду, однако, что такой принцип не диктуется какими-либо внутренними причинами, а полностью обусловливается выбором и удобством для исследователя. Если бы существовала достаточно полная порождающая грамматика греческого языка, содержащая исчерпывающий инвентарь первичных образований (primes), тогда семантическое отношение можно было бы наиболее удобно и с гораздо меньшей степенью избыточности представить как отношения морфем.

Очень важным понятием для семантического исследования является «предложение». В этом вопросе Лайонз всецело полагается на Хомского и ограничивается лишь воспроизведением рассуждений этого автора (стр. 30—31).

Весьма сложной лингвистической проблемой, которую до сих пор нельзя считать ни в какой степени решенной, является соотношение между «порождением сложных единиц высказывания» и их простым воспроизведением, причем в последнем случае процесс мыслится как извлечение из памяти (recall) целых заранее заготовленных и готовых к употреблению блоков. Иными словами, теоретически рассуждая, как будто бы можно различать между а) таким положением, когда из памяти, или языкового запаса, языкового хранилища извлекаются предельные единицы и правила их соединения, каждое из которых абсолютно продуктивно и действует безошибочно, давая безупречные в грамматическом и семантическом отношении высказывания, и б) таким положением, когда говорящий просто воспроизводит какую-то сложную единицу, некоторое сочетание элементов, которое заложено в его инвентаре, или хранилище, как заранее заготовленное и готовое к употреблению целое (ср. filing у Болингера). Однако конкретное соотношение этих двух способов использования языка до сих пор нельзя считать установленным. Этому вопросу всегда уделяется особенно большое внимание в связи с так называемыми фразеологическими единицами и всякого рода устойчивыми, клишированными и т. п. высказываниями, определенными еще де Соссюром как «готовые высказывания», в которые узус запрещает вносить какие бы то ни было изменения, даже и в тех случаях, когда, поразмыслив, в них и можно выделить или усмотреть индивидуально значащие или сигнификативные части.

Если к этому добавить тот несомненный факт, что чуть ли не бо́льшая часть моделей построения, используемых говорящими, является моделями полупродуктивными, то станет вполне понятно, почему порождающая грамматика (или трансформационная грамматика) в ее наиболее воинствующем и безапелляционном виде подвергалась и подвергается столь резкой критике. В этом отношении рассуждения Лайонза, приводимые на стр. 34—36, представляют безусловный интерес, особенно в связи со стремлением возможно более ясно и последовательно разграничить понятие «описание языка», с одной стороны, и «характер его реального функционирования» в тех ситуациях, в которых он используется в повседневной жизни данного говорящего коллектива,— с другой.

Современная лингвистика очень часто принимает как не нуждающуюся в обосновании или тем более доказательстве огромную роль де Соссюра в создании и разработке ее общетеоретических основ. Может быть, в меньшей степени, чем для грамматики или фонологии, реально до сих пор вспоминаются и применяются те высказывания этого лингвиста, которые *касаются семантики*. Поэтому совершенно уместным является именно словами де Соссюра разъяснить и подчеркнуть специфические установки и претензии именно так называемой «структурной семантики» (хотя для чего требуется этот совершенно ненужный и многих раздражающий термин — понять трудно). Если же просто обратиться к де Соссюру, то следующее его высказывание ни у кого не может вызвать никакого сомнения: «Является иллюзией стремление рассматривать термин просто как соединение некоторого *звучания* с некоторым понятием или концептом». Если исходить из этого определения, то следует полагать, что можно начать просто с отдельных терминов и постепенно построить из них систему, *в то время как*, напротив, исходить следует из сложного целого для того, чтобы путем анализа прийти к составляющим его элементам.

Но как же реализовать это общее положение? Работа Лайонза еще раз показывает, что, несмотря на огромное количество работ, *число* семантических полей или лексических *рядов все еще остается* весьма ограниченным и главное необычайно *однообразным*. Весьма неблагоприятное впечатление производит также то, что существующие исследования все еще ограничиваются *или даже* исчерпываются все теми же работами Трира, Порцига и еще полдюжиной хорошо известных и вновь и вновь повторяющихся имен (см. стр. 39—50 рецензируемой книги). Отметим *как весьма* отрицательное явление то обстоятельство, что автор почти не касается соответствующих работ советских исследователей.

После столь обстоятельного теоретического введения, занимающего почти полкниги, естественно ожидать чего-то исключительно важного и интересного от того обширного фактического материала, который составляет содержание второй части книги, т. е. достаточно убедительной попытки описать изучаемый язык, исходя из его внутренних структурных свойств, в связи с теми особенностями данной культуры, которую он одновременно «и отражает и формирует» (стр. 99).

Материалом исследования являются диалоги Платона по изданию Бернета, т. е. 25 сочинений, вместе составляющих около 2000 страниц текста. Из этого обширного материала для анализа избрано семантическое поле «разумения» (Sinnbezirk des Verstandes), конкретно та часть словаря Платона, которая представлена такими словами, как τέχνη, ἐπιστήμη, σοφία и т. п.

Общим контекстом ситуации, на фоне которого развертывается исследование, является контекст *философских* рассуждений (philosophic discourse), т. е. тот вид общественно-речевой деятельности, который Платон обозначает термином διαλέγεσθαι. Поскольку исследуемый материал представлен в диалогической форме, основной категорией, имеющей непосредственное отношение к анализу, является категория устной передачи прежде полученной информации (report). Эта семантическая категория представлена в тексте такими синтаксическими средствами, как ἔφη, ἦδος, ἔφην, ἠνδάνω и т. д., а также конструкцией косвенной речи. Не менее четко выделяется то, что *автор называет* ситуативной категорией «чтения вслух» (reading aloud). Сюда относятся такие лексические единицы, как ἀναγίγνωσκειν, βιβλίον и т. п. Поскольку в исследование включается также *апология*, *возникает* необходимость выделения еще одной категории, а именно тех специфических лингвистических единиц, которые характерны *для речи в суде*, причем особенно для форм высказывания, которыми характеризуется речь защитника, обращенная к присяжным заседателям.

Охарактеризованные выше общие ситуативные категории отнюдь не исчерпывают инвентарь избираемых для анализа объектов. Может быть, наиболее важными и интересными являются категории, выделяющиеся уже как более конкретные, такие, как выражение согласия или несогласия, эксплицитные ссылки на сказанное прежде, переформулировки уже сделанных утверждений и т. п.

В связи с выделением подобного рода более частных и конкретных категорий сразу же возникает вопрос о метаязыке проводимого описания, вопрос о том, в какой степени современный английский язык, которым пользуется в качестве метаязыка Лайонз, или современный русский язык, которым пользуется для передачи соответствующих мыслей автор настоящей рецензии, адекватны для данных исследовательских целей. Лайонз высказывается по этому вопросу вполне категорично. Он заявляет, что считает вполне возможным истолковывать греческие лексемы при помощи соответствующих английских терминов, поскольку данное семантическое поле характеризуется общностью культур, отраженных и сформированных этими двумя языками. Это его утверждение вполне подтверждается огромным количеством исследований, посвященных Платону, трудами всех поколений филологов, благодаря которым идеи Платона и разработанные им понятия и категории прочно вошли в современную культуру.

*

Как уже было сказано выше, основной теоретической предпосылкой всей исследовательской методологии является единство и последовательность синтаксического и семантического анализа, причем синтаксический анализ должен обязательно предшествовать анализу семантическому. Поскольку основой синтаксического анализа является порождающая грамматика, то исследование должно начаться с определения всех правильных или продуктивных моделей языка, описываемых в терминах порождения, т. е. из набора ядерных предложений, путем применения правил трансформации; эти правила должны поддаваться вполне строгой однозначной формулировке. Поскольку порождающая грамматика не только не претендует на то, чтобы представлять собой нечто совершенно новое и отличное от прежде применявшихся методов, поскольку далее этим направлением языкознания всячески подчеркивается преемственность, зависимость от предыдущих исследований и направлений, вполне естественным является то, что большинство таких правил уже обнаружено и легко может быть найдено в так называемых традиционных грамматиках, в случае Лайонза — греческого языка. Конкретно это отношение между активными и пассивными предложениями, употребление отрицательных слов, косвенной речи со значением цели, следствия, времени и т. д., ассимиляция и аттракция относительных слов, последовательность наклонений и времен и пр. Поэтому те синтаксические явления, которые описаны в рецензируемой книге, представляют собой не столько нечто методологически отличное и принципиально новое, сколько просто дальнейшее развитие той методики и дальнейшее обогащение того инвентаря, который уже собран и описан в обычных, или традиционных, грамматиках. Конкретно автором выделены следующие синтаксические явления и представлены в формализованном виде: 1) аттракция субъекта придаточного предложения, зависящего от одного из классов глаголов; 2) трансформации, требующие употребления предлога περὶ после определенного класса глаголов.

Следует заметить, что на протяжении всего синтаксического описания автор исходит из того, что ядро языка составляется не фактически произносимыми предложениями, но цепочками лексем, связанных определенными отношениями синтаксической коллигации. Поэтому ядерные предложения не выражают ни времени, ни наклонения, причем представляются они в виде формул таким образом, чтобы глаголы всегда выступали в форме инфинитива настоящего времени. Все глагольные категории, как число, лицо, залог, наклонение и т. д., принимаются автором в их традиционном понимании. Единственная глагольная категория, которая, по его мнению, требует полного пересмотра, это категория аориста. Автор уделяет большое внимание исследованию этой категории в греческом языке и достигает таким образом весьма интересных выводов: исходя из особенностей проявления этой категории в разных классах глаголов, он делит эти глаголы на глаголы «действия, события, состояния» и глаголы «действия, состояния». Для автора это деление особенно важно, потому что оно подводит его к более интересной, чем это было возможно до сих пор, трактовке отношения с л е д с т в и я (стр. 117—119).

Очень интересными с точки зрения общей методологии синтаксиса являются высказывания автора относительно значения и роли сверхфразового единства для синтаксиса вообще и для синтаксического исследования, в частности (стр. 120). К сожалению, автор ограничивается только обоснованием именно этой точки зрения, но не дает достаточно развернутого разъяснения путей исследования этой сложной синтаксической единицы (см. особенно стр. 121). Важным в этой связи является то значение, которое автор придает термину «расширение» (expansion).

Автор подробно останавливается на одном из наиболее спорных вопросов порождающей грамматики, а именно на вопросе о том, в какой степени трансформации вообще обеспечивают сохранение инвариантного значения.

Хотя, вообще говоря, между грамматической и семантической трансформационными структурами и имеются отношения конгруентности, далеко не исключается такое положение, когда эта конгруентность оказывается нарушенной. Именно тот факт, что существуют группы лексем в словаре, которые связаны друг с другом семантически, но не формально, и заставляет различать форму и значение.

Семантическое отношение проявляется в потенциальной способности лексем входить в состав предложений, связанных между собой отношениями эквивалентности и импликации. Как и во всех других случаях, проверяется или доказывается отсутствие или наличие отношения эквивалентности или импликации реакцией на них естественного носителя языка.

Конкретно в произведениях Платона отношения импликации и эквивалентности могут выражаться различными формальными средствами. При этом выделяются три основных случая: 1) одни и те же лексемы встречаются в различных, но эквивалентных моделях построения и выражают то же самое суждение; 2) различные, но эквивалентные ряды лексем встречаются в той же самой модели построения и выражают одинаковые суждения; 3) различные, но эквивалентные

ряды лексем встречаются в различных, но эквивалентных моделях построения и выражают при этом одно и то же суждение (иллюстрации см. стр. 131—133). Важное значение при этом имеет также отношение гипонимии и антонимии (возражения, сделанные автору в связи с описанной методикой исследования, опровергаются на стр. 136—138).

Проведенное детальное исследование материала позволяет автору подойти к формальному определению тех лексических подклассов, которые использовались в описанном исследовании. Обозначаются эти подклассы при помощи алгебраических и теоретико-логических символов, причем, как всегда при использовании подобного рода символов, автор считает, что этим обеспечивается не только гораздо большая сжатость, но и ясность изложения (стр. 167).

В результате анализа автор признает в составе словаря, используемого Платоном, наличие лексического поля, структурно выделяемого теми отношениями, которые обнаруживаются между членами и головными лексемами τέχνη, ἐπιστάσθαι и δημιυργός (стр. 176). Одной из основных характерных особенностей этого лексического поля является то, что это поле открытое или поддающееся бесконечному расширению. Однако этот факт ни в какой степени не препятствует тому, чтобы принадлежность к этому полю определить с достаточной строгостью. В своей наиболее существенной части этот раздел словаря совпадает с моделью, предложенной Триром, хотя его описание и требует более серьезной и адекватной теории значения и лингвистической структуры, чем та, которая была предложена этим ученым.

Теперь надо поставить следующий вопрос: поддаются ли головные лексемы данного лексического поля такой точной интеграции в составе более широких лексических систем, какую постулирует теория Трира. Иными словами, существует ли какое-то другое поле, которое рассекается или покрывается нашими словами (τέχνη, δημιυργός, ἐπιστάσθαι). Произведенное исследование дает ясный ответ на этот вопрос. Можно считать установленным на основании детального исследования текста и сделанных попыток соотнести τέχνη и ἐπιστάσθαι с другими лексемами различными способами, что наиболее продуктивным подходом является изучение отношений между εἰδέναι и γιγνῶσκειν, с одной стороны, и τέχνη, ἐπιστημη и γνῶσις — с другой. При этом были получены следующие выводы: а) отношения, связывающие ἐπιστάσθαι и τέχνη, прослеживаются также между другими парами рассмотренных шести лексем (стр. 177); б) εἰδέναι — ἐπιστάσται и εἰδέναι — γιγνῶσκειν очень часто и вполне ясно обратимы в тексте. Вместе с тем γιγνῶσκειν и ἐπιστάσθαι, по-видимому, не обратимы. Более того, имеются отрывки текста, где они находятся как будто в отношениях контраста; в) употребление εἰδέναι более частотно, причем его общее распределение перекрывает, хотя и не включает в себя полностью распределение как ἐπιστάσθαι, так и γιγνῶσκειν. Эти два последних не перекрывают друг друга в дистрибутивном смысле; г) высказанные здесь соображения не применимы к остальным лексемам. Поэтому было высказано мнение, что поле ἐπιστημη распределяется между полями τέχνη и γνῶσις (стр. 178).

Если три элемента сопоставляются по их распределению, то максимальное число возможностей, которые могут реализоваться, можно представить следующим образом:

	I	II	III	IV	V	VI	VII
x	1	1	0	1	1	0	0
y	1	1	1	0	0	1	0
z	1	0	1	1	0	0	1,

где 1 обозначает наличие, а 0 отсутствие без учета частоты. Такова, по-видимому, модель, которая может быть обнаружена при сравнении любых наугад взятых трех лексем, принадлежащих к одному и тому же основному синтаксическому классу.

В теоретической части работы понятие окружения и понятие контекста тщательно разграничивались, причем окружение рассматривалось как включенное в контекст. В конкретном исследовании удавалось рассмотреть значение нескольких лексических единиц на уровне их окружений в ядерных предложениях. Однако к понятию более широкого контекста неоднократно приходилось обращаться, если требовалось выбирать из нескольких альтернативных интерпретаций глаголов, обсуждаемых в окружениях, в которых такие альтернативные интерпретации были реально возможны.

Исследования подтвердили научную правомерность изложенной выше гипотезы. Реальная дистрибуция лексем в нескольких классах окружения вполне согласуется с ней. Однако определение дистрибуции элементов в пределах данных классов окружения не сводилось просто к тому, чтобы регистрировать их наличие или отсутствие. Их воспроизведение естественно должно быть принято во внимание для того, чтобы можно было различать типические и нетипические окружения. Было найдено некоторое количество спорадических воспроизведений индивидуальных лексем вне типических окружений. Многие из таких воспроизведений можно более или менее надежно объяснить просто для каждого данного случая. Однако остается несколько примеров, которые не согласуются с общей дистрибуцией лексем, принятой для данного класса окружения.

Исследование носило сугубо синхронический характер, т. е. не принималось во внимание возможное различие, характеризующее речь Платона в его ранних и поздних работах. Такой подход, по-видимому, оправдывается тем, что хотя, например, глагол γιγνώσκειν и встречается наиболее часто с зависимыми предложениями косвенной речи в законах, чем в более ранних работах, никакого структурного значения нельзя было придать этому факту, поскольку γιγνώσκειν, по-видимому, *мог встречаться* на месте εἰδέναι в соответствующих предложениях более ранних работ.

Подробному исследованию подверглось пять глаголов, входящих в семантическое поле ἐπιστήμη. Хотя полученные результаты и не суммируются в заключении, можно приветствовать замечание о том, что приписывание отдельным словам, например словам σοφός и σοφία, нескольких различных значений, как это делается в некоторых словарях, не является оправданным.

Нельзя не заметить, что семантические исследования, *подобные* рецензируемой работе, имеют несомненно очень большое значение и должны быть продолжены. Без этого лексикографическое описание отдельных лексем слишком часто основывается на таких совершенно внешних и неадекватных критериях, как: а) перевод на какой-либо другой язык или б) «перевод» на абстрактный язык логически выделяемых универсальных сем.

О. С. Ахманова

ДВЕ МОНОГРАФИИ О ПОРЯДКЕ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

К проблеме порядка слов (линейного расположения компонентов лексико-грамматического состава предложения) в последние годы обращались многие ученые, и это, конечно, не случайно: по справедливому замечанию Г. Глисона, порядок слов является «одним из самых основных синтаксических показателей в любом языке, а также одним из наиболее сложных» [1]. Действительно, названная проблема весьма многоаспектна, тесно связана с рядом других проблем общего и частного синтаксиса, допускает несколько различных подходов и в исследованиях разных авторов получает далеко не однозначное решение.

Мы остановимся здесь на двух недавно вышедших монографиях о порядке слов в современном русском языке — немецкого ученого Х. В. Шаллера [2] и чешского ученого П. Адамца [3], полагая, что концепции этих авторов и результаты проведенных ими исследований (хотя и не во всем бесспорные) заслуживают должного внимания.

Первая из названных монографий [4] интересна прежде всего тем, что описание порядка слов современного русского языка включается в ней в широкий общелингвистический контекст. Х. В. Шаллер опирается в этом отношении на теорию Э. Кошмидера [5], предусматривающую при изучении языка вычленение трех уровней, или пластов: 1) пласта языковых знаков (точнее: означающих) — S (Signum), 2) пласта относящихся к общечеловеческому инвариантному содержанию «онтологических сущностей» — I (*Intentum*) и 3) пласта детерминируемых системой данного языка (избираемых из сферы I), означаемых — D (Designatum).

Главной проблемой относительно порядка слов, который принадлежит пласту S, является, по Х. В. Шаллеру (и в этом с ним нельзя не согласиться, если принять описанную выше схему), вопрос о том, какое D в системе отдельного языка и какое I в интерлингвистической константной сфере организуется

[1] Г. Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 194.

[2] H. W. Schaller, Die Wortstellung im Russischen, München, 1966, 390 стр. («Slavistische Beiträge», 21).

[3] Пржк. Адамец, Порядок слов в современном русском языке, Praha, 1966, 96 стр. («Rozpravy Československé Akademie Věd. Řada společenských věd», 76, 15).

[4] Некоторые замечания об этой работе см. в обзоре Б. Унбегауна в RÉSl, 46, 1967, стр. 198. См. также аннотацию П. Адамца в «Československá rusistika», XII, 2, 1967, стр. 111—112.

[5] E. Koschmieder, Das Allgemeingültige in der Syntax, WdSl, IV, 1959; см. также: его же, Beiträge zur allgemeinen Syntax, Heidelberg, 1965.

с помощью S словопорядка [6]. Решение этого вопроса представляет существенные трудности, обусловленные как «сопротивлением материала» (сложностью самих рассматриваемых явлений), так и *сопротивлением некоторых сложившихся* в исследовательской практике традиций (когда, например, категории I и D просто смешиваются).

Характеризуя роль порядка слов в структурно-семантической (коммуникативной) организации предложения, Х. В. Шаллер пользуется понятиями логического аргумента и логической функции в том смысле, который им придан Р. Карнапом [7] и который в общем совпадает с содержанием понятий «основа и ядро высказывания» у В. Матезиуса [8], «тема и рема» у К. Бооста [9] «данное и новое» у К. Г. Крушельницкой [10] и др.

Эти понятия должны быть строго отграничены от понятий грамматического субъекта и грамматического предиката. Последние возможны только в отдельно взятой языковой сфере, т. е. только в плоскостях S и D [11]. Так, грамматический субъект в плоскости S может проявляться как субстантив или инфинитив. Такой грамматический субъект ориентирован в плоскости I на «предмет», «имя» или «действие» и вовсе не обязательно должен быть абсолютным субъектом, о котором мы что-то высказываем (т. е. аргументом). Например, в предложении *Очень интересно читать* в русской языковой системе в качестве грамматического субъекта выступает инфинитив *читать*, в то время как аргументом здесь будет *очень интересно* (а *читать* является функцией). Трактовка данного конкретного примера, вообще говоря, спорна (поскольку при этом не учитывается контекстное окружение и акцентно-мелодическое оформление предложения — см. об этом ниже). Однако в своем требовании четко разграничивать соответствующие понятия Х. В. Шаллер безусловно прав, хотя и не высказывает здесь принципиально новых идей.

С другой стороны, говоря о возможных соотношениях грамматического субъекта и грамматического предиката с аргументом и функцией, обеспечиваемых различным словопорядком, он считает «нормальным» именно такой порядок слов, которым сигнализируется соответствие аргумента с грамматическим субъектом (и зависящими от него членами), а функции — с грамматическим предикатом (и зависящими от него членами), т. е. принимает в сущности компромиссное решение, признавая якобы органически присущую грамматическому субъекту ориентированность (в «нормальных условиях») на выражение аргумента («предмета речи») и якобы органически присущую грамматическому предикату ориентированность на выражение функции (того, что сообщается о «предмете» речи); это иллюстрируется примерами типа: *Скромная комната в тихом переулке Кропоткинской улицы показалась верхом роскоши* (Н. Островский); *Солнце клонилось к закату* (Ю. Нагибин); *Мать послала за ней соседскую девочку* (А. Толстой) и под.

В монографии подробно рассмотрены также все случаи отступлений от указанного «нормального» словопорядка, например, когда грамматический субъект выступает как функция и берет на себя эту роль в целом (*Прямо перед мавзолеем подымал свои розовые стены* ***древний форт***... Н. Тихонов) или только частично (*Вечером* ***гроза*** *усилилась*), а грамматический предикат, напротив, выступает в качестве аргумента (*И вот* ***начинал лять*** *пулемет*, Н. Евдокимов) или части аргумента (***Читал*** *я хриплым голосом и часто откашливался*, П. Павленко). Кроме того, в ней дан широкий обзор сигнализируемого их различным размещением в составе предложения функционирования второстепенных членов (дополнений, обстоятельств, определений) и отдельных лексико-грамматических разрядов слов (местоимений, причастий, деепричастий, инфинитивов и т. д.).

Нужно сказать, что автор несколько преувеличивает действенность порядка слов, придавая ему передко самодовлеющее значение в выражении коммуникативной нагрузки различных грамматических членов предложения. Он, правда, признает, что в русском языке аргумент и функция сигнализируются не только порядком слов, но и средствами интонации. Однако дело ограничивается этим признанием, и анализ фактически осуществляется без учета интонационных (акцентно-мелодических) признаков предложения, с которыми порядок слов всегда взаимодействует (такое взаимо-

---

[6] Применительно к общей схеме строения языка категории I определяются как интерлингвистические инварианты, а категории S и D (по-разному представленные в различных конкретных языках) — как интерлингвистические варианты.

[7] R. Carnap, Abriß der Logistik, Wien, 1929, стр. 4.

[8] V. Mathesius, Čeština a obecný jazykozpyt, Praha, 1947, стр. 234—245 и др.

[9] K. Boost, Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes, Berlin, 1955, стр. 28 и сл.

[10] К. Г. Крушельницкая, К вопросу о смысловом членении предложения, ВЯ, 1956, 5.

[11] Соответствующие термины, по Шаллеру, должны использоваться лишь для обозначения определенных словесных категорий (Wortkategorien) в их определенном грамматическом оформлении.

действие с необходимостью, хотя бы и в потенции, присутствует также в письменной речи и всякий раз должно быть восстанавливаемо — иначе восприятие письменной речи будет неполным и неточным).

Указанный просчет приводит к ряду очевидных неточностей в интерпретации конкретного материала. Так, по мнению Х. В. Шаллера, в контексте *Конечно, мне уже теперь все нипочем: обдержался, обтерпелся человек, обмаслился, как коломенский горшок...* (Тургенев) предложение *обдержался, обтерпелся человек...* имеет в качестве аргументов грамматические предикаты, поскольку они занимают начальную позицию. Но значимость этой позиции здесь полностью нейтрализуется необходимым акцентированием грамматических предикатов (иначе данное предложение невоспроизводимо), на что ясно указывает и контекстное окружение. В действительности в этом предложении имеет место антиципация, в результате которой роль аргумента сохраняет за собой грамматический субъект, хотя он и стоит после грамматических предикатов.

То же самое можно сказать о примере: *На куст буаины под окном присела стая снегирей. Каждую зиму появлялись они на хуторе* (Носов), где, по комментариям Шаллера, в качестве функции выступает обстоятельство места *на хуторе*, хотя в действительности, опять-таки за счет антиципации, эта роль принадлежит обстоятельству с временным значением *каждую зиму*. Или еще: *Нужно было его воспитывать. Всю жизнь я его воспитывал, с первого класса* (В. Альминский). Здесь, по Шаллеру, прямое дополнение *его* выступает как часть функции, в действительности же оно является частью аргумента. Список подобного рода ошибок можно было бы продолжить.

Критерии, которыми пользуется Х. В. Шаллер, в ряде случаев весьма сомнительны. Утверждается, например, что необходимым условием для того, чтобы прямое дополнение самостоятельно выполняло роль аргумента, должно быть его дистантное местоположение по отношению к грамматическому предикату; если же оно контактирует с грамматическим предикатом, то при обратном порядке слов начинает выполнять роль аргумента совместно с ним. Ср.: ***Эту очень простую историю*** *я слышала от одной женщины* (В. Панова) — ***Историю эту*** *рассказал мне отставной майор...* (П. Павленко). Аналогичным образом истолковывается различие в коммуникативной роли обстоятельственных второстепенных членов. Ср.: ***Тщетно*** *я старался соединить ее с оставшейся в замке половиной...* (Л. Толстой) — ***Медленно и тягостно*** *тянулись в неволе дни, недели, месяцы и годы* (А. Ференчук); *Вначале они шли* ***по мягкой легкой дороге*** (Ю. Качаев) — *И вот опять* ***пошли мы в глушь*** (Гоголь) [12]. Но в отмеченных случаях устанавливаемое различие мнимо: тот или иной коммуникативный смысл соответствующие предложения приобретают (даже если отвлечься от интонации) вовсе не за счет дистантного или контактного положения отдельных второстепенных членов по отношению к грамматическому предикату, а за счет различного взаимоположения всех компонентов состава предложения, причем такое взаимоположение в известных пределах допускает коммуникативно однозначные вариации. Этого обстоятельства не учитывает Х. В. Шаллер.

Кроме того, он, по-видимому, не считается с возможностью коммуникативной нечленимости целого ряда предложений (в том числе предложений, имеющих в своем составе грамматический субъект и грамматический предикат), когда они приобретают просто констатирующее значение относительно действительности (ср. так называемые одночленные фразы Л. В. Щербы). Такие предложения (типа *Наступило утро*; *Пошел снег* и под.) не могут найти объяснения в рамках логической схемы «аргумент — функция», что свидетельствует об ограниченности этой схемы [13].

Имея в виду обусловленное соотношение взаимопорядка составных частей предложения с его коммуникативным строением, которое может быть цельным (когда в предложении содержится один аргумент и одна функция) или ступенчатым (когда в предложении отражается несколько аргументов или/и несколько функций различных степеней значимости), Х. В. Шаллер различает два типа словопорядка — внутренний и внешний.

Внутренний порядок — это порядок последовательно располагаемых, зависящих друг от друга или однородных членов предложения, совместно относящихся к одному аргументу или к одной функции. Он связан с факторами, действующими внутри отдельного предложения, и во многом определяется свойственной данному языку традицией (но зависит также от намерения говорящего и др.).

Внешний порядок — это порядок составных частей предложения, каждая из

[12] Относительно последних двух примеров автор указывает, что в первом из них обстоятельство места, будучи в контакте с грамматическим предикатом, совместно с ним выступает в качестве функции, а во втором, отделяясь от грамматического предиката за счет грамматического субъекта, самостоятельно выполняет эту роль.

[13] Х. В. Шаллер и сам признает неприменимость понятий «аргумент — функция» для интерпретации предложений эмоционально-волевой сферы. Но мы имеем в виду здесь чисто интеллектуальную сферу изложения (Darstellung).

которых выполняет роль аргумента (той или иной степени значимости) или функции (опять-таки определенной степени значимости), т. е., собственно, взаимопорядок по-разному выражаемых в предложении аргументов и функций. Он связан с факторами, воздействующими на данное предложение извне (находится под влиянием предыдущего или последующего высказывания).

По мнению Х. В. Шаллера, внешним порядком является, например, такое расположение членов предложения, находящихся в отношении непосредственной синтаксической зависимости (членов одного синтаксического ряда), когда они отделяются друг от друга (т. е. размещаются дистантно), и это приводит к тому, что они приобретают различную коммуникативную роль (т. е. уже не могут совместно относиться к одному аргументу или одной функции, а обозначают соответственно аргумент и функцию или аргументы/функции различных степеней значимости). Так, в предложении *У почтового ящика, опуская письмо, Семен Григорьевич встретил главного инженера завода* (Г. Николаева) отделенный от грамматического предиката грамматическим субъектом и деепричастным оборотом обстоятельственный второстепенный член с пространственным значением выполняет роль аргумента первой степени, а деепричастный оборот (также отделенный от грамматического предиката грамматическим субъектом) — роль аргумента второй степени. В предложении *Книг я этих накупил во множестве* (Н. Грибачев) дополнение *книг* является аргументом первой степени, а грамматический субъект *я* — аргументом второй степени. В предложении *Спал он в последнее время худо* (Л. Волынский) наречие с качественным значением *худо* является функцией первой степени, а обстоятельственный второстепенный член с временным значением *в последнее время* — функцией второй степени и т. д.

Внутренний порядок, касаясь взаимосвязанных и контактно расположенных членов одного синтаксического ряда [14], создает такие отношения между ними, которые Х. В. Шаллер, вслед за Э. Кошмидером, квалифицирует как «потенциальное суждение» [15] или — при определенном варьировании (но без нарушения контактов) — антитезу. Так, в предложении *Каждый из них полагал, что в эту ночь ему снился удивительный, великолепный сон...* (В. Григорьев) между препозитивными определениями при грамматическом субъекте и самим грамматическим субъектом устанавливается отношение потенциального суждения. В предложении же *Соседи были людьми осмотрительными, осторожными* (В. Григорьев) между постпозитивными определениями при именном предикате и самим этим предикатом имеет место антитеза.

Можно усомниться в правомерности тех оснований, по которым Х. В. Шаллер пытается приписать определяющую роль внешнему и внутреннему порядкам в коммуникативном строении предложения. Является ли реальным препятствием дистантное расположение синтаксически связанных грамматических членов для объединения их под общим значением аргумента или функции и, с другой стороны, обеспечивается ли такое объединение их контактным расположением? Думается, что этот вопрос решается Х. В. Шаллером с излишней прямолинейностью. Можно опять-таки поставить под сомнение трактовку отдельных примеров. Но в ряде случаев автор и сам сознает недостаточную надежность принятых им критериев. Так, относительно примеров а) *Проснулся я от внезапно наступившей тишины. Мотор не работал* и б) *Несколько недель бились бурильщики, пытаясь сломить сопротивление породы или поднять гигантскую колонну труб* отмечается, что здесь невозможно однозначно определить, составляют ли грамматический субъект и грамматический предикат семантическое единство и их взаимоположение есть, следовательно, случай внутреннего порядка, или грамматический предикат выступает в качестве аргумента, а грамматический субъект представляет функцию второй степени, и они являются, таким образом, компонентами внешнего порядка.

Вместе с тем нужно признать, что сам подход к характеристике линейной структуры предложения и ее функциональной значимости с точки зрения двух типов словопорядка (внутреннего и внешнего) является, несомненно, плодотворным. Им открывается, как мы полагаем, новый аспект в изучении этой структуры, аспект, в котором соотношение собственно синтаксических (конструктивно-синтаксических), коммуникативно-синтаксических и стилистических функций словопорядка предстает в несколько ином освещении, нежели при общепринятом разграничении порядка слов в составе предложения в целом и порядка слов в составе словосочетаний (по другой терминологии: синтаксических групп, синтагм и т. п.).

В целом монография Х. В. Шаллера, содержание которой не исчерпывается

[14] Не рассматриваем здесь закономерностей внутреннего порядка однородных членов предложения, которым в книге Х. В. Шаллера также уделяется известное внимание (см. особенно стр. 210—215).

[15] Э. Кошмидер определяет потенциальное суждение (предложение) как соединение двух или более понятий в синтаксические группы или единства, которым недостает предикации (E. K o s c h m i e d e r, Das Allgemeingültige in der Syntax, стр. 382).

отмеченными здесь моментами (помимо порядка грамматических членов простого предложения, автор касается в ней также порядка частей сложного предложения, проводит наблюдения над порядком слов в других славянских языках — польском, чешском, сербскохорватском и болгарском — в их сопоставлении с русским, рассматривает особенности словопорядка вопросительных и побудительных предложений и т. д.), вносит существенный вклад в учение о порядке слов, хотя и не завершает, конечно, этого учения, а в ряде пунктов — применительно к русскому языку — даже несколько искажает реальную картину, в частности, из-за того, что действие порядка слов рассматривается автором в отрыве от других факторов, с необходимостью участвующих в коммуникативной организации предложения (прежде всего, как уже было отмечено, интонации).

Впрочем, указанный недочет является довольно типичным для многих описаний порядка слов (в том числе для «Грамматики русского языка», изд. АН СССР, 1954).

В известной мере исключение в этом отношении составляет вторая рассматриваемая здесь монография о порядке слов в русском языке — чешского ученого П. Адамца. Небольшая по объему книжка П. Адамца дает, на наш взгляд, полное, глубоко продуманное и весьма перспективное изложение относящейся к теме проблематики и фактов русского синтаксиса.

Справедливо считая, что исследование порядка слов в качестве необходимого предварительного условия требует уточнения традиционной классификации синтаксических членов предложения (под линейным расположением которых и понимается порядок слов в предложении), П. Адамец прежде всего вносит в эту классификацию некоторые поправки и изменения. Так, он существенно расширяет разряд дополнений, квалифицируя как дополнение (С) любой синтаксический член предложения, подчиненный непосредственно глаголу (V), вытекающий из его валентности и связанный с ним отношением грамматического управления и семантической предикации, и различая внутри этого разряда а) объектные дополнения (Со) — в случае сильного управления и б) обстоятельственные дополнения (Cd) — в случае слабого управления. В особый разряд под именем качественной и количественной характеристики (Q) выделены обстоятельства образа действия, меры и степени, разряд же обстоятельств (в собственном смысле этого слова) соответственно сужается: в качестве обстоятельств (D) квалифицируются грамматические члены, не вытекающие непосредственно из валентности глагола, синтаксически и семантически автономные — с чисто обстоятельственным значением. Особо выделены также предикативный атрибут (Pa) и инфинитив (I).

Названные компоненты (и кроме них еще, конечно, подлежащее — S) рассматриваются как основные — образующие конструктивный строй предложения в целом. В указанном отношении им противопоставлены разного рода определения (A), обстоятельства, распространяющие другие обстоятельства, и качественные и количественные характеристики, относящиеся не к глаголу (V), а к прилагательному или наречию, которые сами по себе в конструировании строя предложения не участвуют, а входят в состав его основных компонентов (S, C, D и т. д.). Предлагаемая П. Адамцем обновленная классификация синтаксических членов предложения, очевидно, может быть в тех или иных деталях оспорена. Нам представляется, например, недостаточно прочной опора на такой критерий при разграничении объектных и обстоятельственных дополнений, как сила управления (известно, что сильное и слабое управление отчетливо различаются только как крайние случаи различных степеней обусловленной связи подчиненного компонента с подчиняющим). Весьма относительной является также, по нашему мнению, синтаксическая и семантическая автономность обстоятельств (чаще всего они все-таки тяготеют к глаголу). Наконец, не во всем удачны наименования отдельных разрядов (которыми, впрочем, автор в дальнейшем почти не пользуется, предпочитая им символические обозначения). Однако эта классификация все-таки предпочтительнее традиционной: она позволяет более дифференцированно подойти к характеристике строения и состава предложений различных типов, в частности в аспекте словопорядка.

Обращаясь далее к рассмотрению функций и закономерных тенденций порядка слов в русском языке, П. Адамец настоятельно подчеркивает, что порядок слов должен изучаться лишь во взаимодействии с интонацией, как одно из слагаемых единой линейно-динамической структуры предложения. По его мнению, порядок слов (во взаимодействии с интонацией) функционирует в четырех планах: а) в области синтаксической структуры, б) в области актуального членения, в) в области экспрессивности и г) в области стилистической.

В области синтаксической структуры функция порядка слов ограничивается главным образом распределением и перераспределением связей между компонентами предложения, в результате чего обеспечивается различное его членение на словосочетания [16]. Думается, что

[16] Выяснению этой функции значительное место уделено в монографии О. Б. Сиротининой «Порядок слов в русском языке» (Саратов, 1965).

П. Адамец совершенно прав, считая эту функцию второстепенной и подвергая сомнению ряд случаев, когда с помощью порядка слов якобы осуществляется дифференциация отдельных синтаксических членов предложения (например, подлежащего и именного сказуемого, выраженных двумя существительными или существительным и инфинитивом, и др.)[17].

Основной функцией порядка слов является выражение актуального членения предложения. Нужно сказать, что к понятию актуального членения П. Адамец подходит с оригинальных позиций и обнаруживает здесь такие нюансы, на которые раньше не обращалось внимания. Он различает в содержании предложения два вида передаваемой информации: вещественную — информацию о каком-либо факте объективной действительности, вытекающую из лексико-синтаксической структуры данного предложения, и актуальную — «тот аспект вещественной информации, который в данной ситуации говорящий намеревается сообщить собеседнику». Именно с этой информацией и связано, по Адамцу, актуальное членение предложения. В качестве важнейших компонентов актуального членения выступают основа высказывания и его ядро. Основа (как и ядро) может состоять из одного компонента (простая основа) или из нескольких, раздельно выполняющих соответствующее назначение (примарная, секундарная, терциарная и т. д. основы), как в примерах: *Помощников присяжных поверенных* (1) *она* (2) *теперь* (3) *презирала* (А. Толстой); *После завтрака* (1) *Даша* (2) *пошла на курсы* (А. Толстой), либо образующих комплексное целое (комплексная основа), как в примерах: *Беда разразилась в конце дня* (Г. Николаева); *Место для лагеря выбрал Петр Петрович* (К. Федин). Кроме того, вводится понятие так называемой интраядерной основы, позволяющее непротиворечиво интерпретировать случаи, когда отдельные компоненты предложения, отсылающие к конситуации (и, следовательно, выполняющие функцию основы), линейно располагаются внутри комплексного ядра, например: *Даша показала письмо отцу* (А. Толстой).

Особый интерес (и наиболее важное место в его концепции, поскольку на этом целиком построено последующее описание порядка слов в русском языке) представляет выдвинутая П. Адамцем классификация предложений по типу передаваемой ими актуальной информации, которая в ряде пунктов отличается от классификации, предложенной в свое время автором этих строк (хотя между ними и есть, как признает сам Адамец, «явные параллели»). Согласно этой классификации различаются:

1. Обще-информативные предложения, в которых актуальная информация фактически совпадает с вещественной (в их составе глагол всегда находится в ядре): *Хлопнула дверь* (Г. Николаева); *В это время раздался звонок на уроки* (В. Тендряков); *Тимоша улыбнулся* (В. Аксенов); *Юноша остановил станок* (Г. Николаева) и под.

2. Частно-информативные предложения, в которых актуальная информация представляет собой один частный аспект вещественной информации (в их составе глагол всегда входит в основу): *Беда разразилась в конце дня* (Г. Николаева); *Трактор приведут Федя Кочкин и Сережа Скворцов* (В. Тендряков) и под.

3. Обще-верификативные предложения, в которых актуальная информация представляет собой не новое сообщение, а реакцию на мнение собеседника, верификацию или коррекцию этого мнения (ядром таких предложений является всегда один глагол, причем фактически «только его модальность — положительная или отрицательная»): *Игорь не погиб* (В. Панова); *Кровать она мне добыла* (В. Панова); *Вы мне этого пока не доказали* (В. Тендряков) и под.

4. Частно-верификативные предложения, в которых «говорящий устанавливает не реальность факта в целом, а лишь реальность какого-то его аспекта»: *Ну, я думаю, коллектив не за одни семейные добродетели ценит инженеров!* (Г. Николаева); *Не одни злые люди ночью гуляют* (М. Шолохов) и под.

Приведенная классификация раскрывает, несомненно, один из важных аспектов коммуникативного строения повествовательных предложений в их соотношении с предложениями вопросительными (по линии тех категорий, которые Ш. Балли называет диктумом и модусом)[18]. Однако нужно заметить, что это только один аспект и он не исчерпывает функций словопорядка, в частности, в плане актуального членения предложения. Именно поэтому в классификации П. Адамца предложения с различным порядком слов и в определенном — ином — аспекте коммуникативно нетождественные (ср. *Хлопнула дверь* — *Тимоша улыбнулся*) оказываются представителями одного типа (они приведены под рубрикой обще-верификативных), а относительно предложений различных типов (частно-верификативных и частно-информационных) автору при-

[17] Ср. квалификацию этих случаев в работе: *И. П. Распопов*, Актуальное членение предложения, Уфа, 1961, стр. 46.

[18] *Ш. Балли*, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, стр. 47—48.

ходится признать, что по своим актуально-синтаксическим схемам они полностью совпадают.

Это свидетельствует, конечно, об ограниченности данной классификации (в той мере, в какой ограниченной является и *классификация вопросов* с подразделением их на общие и частные диктальные и общие и частные модальные у Ш. Балли), но вовсе не отменяет ее правомерности (реальные *основания здесь очевидны*: любое повествовательное предложение по своему коммуникативному назначению должно быть ориентировано на тот или иной вопрос — иначе *взаимопонимание* участников речевого акта было бы невозможно).

Рассматривая актуальное членение предложения как главный фактор, определяющий линейный порядок его составных частей, П. Адамец выясняет сложные связи и взаимоотношения между актуальным членением, синтаксической структурой и лексическим наполнением предложения (при этом он обращает внимание на взаимообусловленность актуального членения и степени индивидуализированности отдельных лексико-грамматических компонентов предложения) и только с учетом этих связей и взаимоотношений приступает к анализу важнейших линейно-динамических структур и актуально-синтаксических типов предложения в современном русском языке.

Под линейно-динамической структурой, в определении П. Адамца, понимается обобщение ряда конкретных предложений с одинаковым составом синтаксических членов, с одинаковым порядком слов и местом фразового ударения. Так, предложения *Отец читает газету*, *Мы поедем в Москву*, *Брат обратился ко мне*, *Книга лежит в шкафу* квалифицируются как имеющие общую линейно-динамическую структуру типа S — V — C, предложения *Дядя приедет завтра*, *Липы зацвели на нашей улице* — как имеющие общую линейно-динамическую структуру S — V — D и т. д.

Определенная линейно-динамическая структура лежит, по Адамцу, в основе того или иного актуально-синтаксического типа, который характеризуется в отношении актуально-синтаксических функций отдельных компонентов данной структуры и общего коммуникативного назначения в целом. Поскольку каждый актуально-синтаксический тип по сравнению с линейно-динамической структурой имеет некоторые дополнительные характеристики, то, следовательно, на базе одной линейно-динамической структуры (за счет указанных характеристик) может быть образовано несколько актуально-синтаксических типов. Так, на базе линейно-динамической структуры S — V — C возникает, во-первых, актуально-синтаксический тип $S^a — (V+C)^w$, где компонент S выполняет функцию основы, компоненты V и C — функцию комплексного ядра, а весь тип имеет характер обще-информативный (например: *Отец читает газету*; *Дети идут в школу* и т. п.), во-вторых,— актуально-синтаксический тип $(S + V)^a — C^w$, где компоненты S и V выполняют функцию комплексной основы, компонент C — функцию самостоятельного ядра, а весь тип имеет характер частно-информативный (например: *Они избрали Сергея*; *Этот товарищ пришел к тебе* и т. д.), или частно-верификативный (например: *Да, этот товарищ пришел к тебе* и под.).

Думается, что в изложенном понимании соотношения линейно-динамических структур и актуально-синтаксических типов (как и в основанной на нем интерпретации конкретных примеров) не все логично и точно.

Если даже признать известное тождество со стороны состава синтаксических членов таких, например, предложений, как *Отец читает газету* и *Мы поедем в Москву* (хотя оно также может быть оспорено — см. соответствующие замечания о принятой П. Адамцем классификации синтаксических членов), то все-таки следует высказать серьезные сомнения относительно возможностей широкого использования одних и тех же линейно-динамических структур для образования нескольких (различных) актуально-синтаксических типов предложения. Эти возможности, очевидно, связаны лишь с различным лексическим наполнением подобных структур или с их оснащенностью некоторыми вспомогательными сигналами актуального членения (например, частицами). Однако значение указанных факторов П. Адамец явно преувеличивает, пренебрегая в ряде случаев существенными формальными признаками, которые должны быть приписаны самим линейно-динамическим структурам. Так, думается, что предложения *Отец читает газету* и *Они избрали Сергея*, представляющие различные актуально-синтаксические типы, используют не одну и ту же, а различные линейно-динамические структуры: первое — структуру S — V — C с автоматизированным (фразовым) ударением на C, а второе — структуру S — V — C с дезавтоматизированным (логическим) ударением на C (это различие в характере ударения, являющееся релевантным для актуального членения, указывает вместе с тем на различие самих линейно-динамических структур и им, разумеется, нельзя пренебрегать).

С другой стороны, признавая возможность использования одних и тех же линейно-динамических структур для образования различных актуально-синтаксических типов предложения (но в более

ограниченных пределах, чем это показано П. Адамцем), нельзя не видеть и обратного отношения, а именно того, что различные линейно-динамические структуры могут использоваться для оформления предложений одного и того же актуально-синтаксического типа — на этом, как известно, основана их синонимика.

При указанном условии арифметические расчеты, которыми П. Адамец сопровождает последовательное описание линейно-динамических структур и актуально-синтаксических типов предложения в русском языке, свидетельствующие, например, о том, что на базе 18 линейно-динамических структур с компонентами S, V, C (мы думаем что их число — если учесть еще различия в характере ударения — в действительности больше) может быть построено 36 актуально-синтаксических типов, конечно, теряют почву.

В ходе описания, как и следовало ожидать, выясняется, что многие актуально-синтаксические типы являются лишь «стилистическими вариантами» относительно небольшого набора основных типов. Ср.: *К нам приехал дядя* $C^{\alpha} — (V + S)^{\omega}$ — *К нам дядя приехал* $C^{\alpha} — (S + V)^{\omega}$; *Таня ему нравится* $S^{\alpha}C^{\beta}$— V^{ω} — *Главный инженер понравился Зеленину* $S^{\alpha} — V^{\omega}$—C^{β}; *Мать всплеснула руками* $S^{\alpha} — (V + C)^{\omega}$ — *Повернула головy Радда* $(V + C)^{\omega} — S^{\alpha}$ и под.

Мы полагаем, что в подобных случаях целесообразнее было бы говорить просто о тождестве соответствующих актуально-синтаксических типов (поскольку каждый такой тип объединяет предложения с одинаковыми актуально-синтаксическими функциями своих компонентов и одним и тем же общим коммуникативным назначением), рассматривая линейно-динамическую структуру в качестве переменной (а не константной) величины при характеристике этих типов.

Однако избранный П. Адамцем путь также, очевидно, вполне правомерен и во всяком случае приводит к таким результатам, ценность которых для разработки адекватной грамматики русского языка, в частности ее фрагмента, касающегося порядка слов, представляется несомненной.

Обе рассмотренные монографии в известном отношении дополняют друг друга. Х. В. Шаллеру удалось раскрыть широкие возможности различных видоизменений русского словопорядка (в сопоставлении с другими славянскими языками), П. Адамцу — интерпретировать эти возможности (с учетом взаимодействия порядка слов и интонации) более убедительно и точно.

Думается, что любой языковед найдет для себя в книгах Х. В. Шаллера и П. Адамца интересный и во многом поучительный материал.

И. П. Распопов

«Псковский областной словарь с историческими данными», 1. — Л., 1967. 200 стр.

Летом 1967 г. вышел в свет первый выпуск Псковского областного словаря (далее ПОС). Диалектологи нашей страны и особенно составители областных словарей ждали его давно. Основные принципы и теоретические установки ПОС неоднократно обсуждались на диалектологических конференциях и нашли отражение в лингвистических статьях [1]. Выход в свет ПОС тем более долгожданен и желателен, что идея его создания принадлежит известному языковеду Б. А. Ларину, который не только теоретически обосновал сам тип словаря, но и определил территорию его лексикографирования, наметил состав его лексики; ему принадлежит разработка структуры сло-

[1] См.: «Тезисы второго межвузовского совещания по вопросам региональных словарей и словаря писателя 4—7 февраля 1959 г.»; Б. А. Ларин, Принципи укладання обласних словників української мови, «Діалектологічний бюлетень», VI, Київ, 1956; его же, О работе над новыми словарями, «Вестник ЛГУ». Серия истории, языка и литературы, 4, 20, 1960; его же, Инструкция Псковского областного словаря, Л., 1961; Ф. П. Сороколетов, О теоретических установках одного областного словаря, сб. «Современная русская лексикология», М., 1966; Л. А. Ивашко, О. С. Мжельская, Общерусский лексический фонд в словарном составе диалекта, «Вестник ЛГУ». Серия истории, языка и литературы, 20, 1966; и их же, Псковский областной словарь и некоторые дискуссионные вопросы региональной лексикографии, ВЯ, 1968, 2; В. И. Максимов, Ф. П. Сороколетов [рец. на кн.]: «Псковский областной словарь», ИАН ОЛЯ, 2, 1968.

варной статьи, установление основных принципов семантической, грамматической и стилистической характеристики лексикографируемого слова.

Словарь псковских народных говоров — коллективный труд преподавателей, аспирантов и студентов ЛГУ и Псковского государственного педагогического института. В основе его языкового материала лежат записи живой разговорной речи, произведенные в специальных экспедициях на протяжении последних 18 лет, выборка лексики из исторических памятников XIII—XVIII вв., извлечения из опубликованных фольклорных материалов XIX—XX вв., относящихся к Псковской области, и показания областных словарей: «Опыта областного великорусского словаря АН» 1852 г., «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря АН» 1858 г., «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля с пометой «пск». Всего картотека словаря, как указывают его составители, насчитывает около миллиона карточек.

Первый выпуск ПОС содержит словарные статьи на слова *А — Бибíшка*, предисловие, написанное Б. А. Ларины, другое предисловие — от редакции, вступительную статью и пять приложений, составляющих справочный аппарат ПОС. В тексте выпуска имеются четыре карты — одна историческая и три лексические. К сожалению, в числе их не оказалось современной карты лексикографируемой территории. Отсутствие этой карты, а также порядковых номеров населенных пунктов в приложении 5 не всегда дает возможность легко и быстро получить нужную информацию (например, сколько всего населенных пунктов привлекается в ПОС).

То обстоятельство, что идеи ПОС и его отдельные положения уже подвергались обсуждению в ходе работы над словарем, ставит рецензента ПОС в особое положение: с одной стороны, он обязан выразить свое отношение не только к рецензируемому труду, но и к полемике вокруг него, а с другой — наоборот, перед ним уже не «заявки» на идеи, что было перед оппонентами ПОС до его выхода в свет, но уже сам словарь в его единой и неповторимой реализации. Здесь мы отводим особое место разбору положений, отраженных в автореферате первого выпуска ПОС, сделанном Л. А. Ивашко и О. С. Мжельской, и рецензии В. И. Максимова и Ф. П. Сороколетова, появившихся уже после выхода в свет первого выпуска ПОС.

Частично развернутый разбор словаря уже реализован в рецензии В. И. Максимова и Ф. П. Сороколетова; мы присоединяемся к положительной оценке отдельных бесспорных достоинств ПОС, отмеченных авторами указанной рецензии (например, разработка и структура словарной статьи, качество и оценка иллюстративного материала и некоторые другие), равно так же как и к некоторым верным, на наш взгляд, пожеланиям авторов рецензии (например, отказаться в дальнейшем от дробной системы эмоционально-экспрессивных помет [2]). В этой рецензии будут освещены лишь те вопросы, которые имеют принципиальное значение для Псковского областного словаря.

По составу диалектного словника ПОС — региональный словарь полного типа. Так об этом говорится в инструкции, и эта же мысль повторена во «Введении» к первому выпуску (стр. 6). Однако антиномия «полный» — «дифференциальный» по отношению к диалектным словарям, освещенная в последнее десятилетие в работах Ф. П. Филина, И. А. Оссовецкого, О. Г. Гецовой, Ф. П. Сороколетова, В. Г. Орловой, А. И. Сологуб и многих других диалектологов, получает в ПОС довольно своеобразное решение.

Говоря о типе полного диалектного словаря, Б. А. Ларин, а вслед за ним и составители словаря, различают «активный» и «пассивный» запас словарного фонда говоров. Этот критерий в словаре практически реализуется не только в объеме словника, но и в системе стилистических помет, особенно той группы из них, которая свидетельствует о функциональной приуроченности слова и сферах специально-терминологического применения его.

Фиксация активного словаря в псковских говорах отражает лексику разной исторической отнесенности. Здесь и слова, восходящие к историческим эпохам: *а, ад, áли, áлый, амбáр, бáба, бáбка, балахóн, бáлка, бáня, баранá, барсýк, бáшня, бег, бéгать, бéлый, бéлм, бéдный, бежáть без, безбóжный* и мн. др., и слова новые, пришедшие в говор из литературного языка в наше время: *абажýр, аблéтка* (искаженное *таблетка*), *аборти́ровать, абсолю́тно, авáрия, аверья́нка, аверья́новка, аверья́новый* (искаженное *валериана*), *авиáция, автóбус, автóбусный, автолáвка, автомáт, автомоби́лишко, автомоби́ль* и под.

Согласно данным ПОС, словами всеобщего употребления в псковских говорах будут и собственно местные слова: *абазри́ться, абазóрник, абазóрный, абазýлиться, абалы́рить, абалы́рщик, аглунéть, аглýнить, азбóвник, амúшка, артёпина* и мн. др.

Внимательное отношение к значению слова в диалектной речи дало возможность авторам ряда словарных статей показать новейшие изменения в семантике, что особенно заметно у тех слов,

[2] См.: Т. С. Коготкова, К вопросу о диалектной стилистике, «Русский язык в вузе», М., 1967, стр. 314—315 («Уч. зап. [Мос. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской]», 197).

которые пришли в говор из литературного языка. Ср. *ассигнова́ться* «устроиться, расположиться» (*тут и ассигновались ночевать*) и // «остаться, осесть» (*там ассигновались и жывуть там*). Малое количество примеров из разных населенных пунктов лексикографируемой территории не всегда, правда, позволяет судить, является ли новое слово или новое значение результатом дальнейшего развития семантики в условиях некодифицированной диалектной речи или это факт индивидуального словоупотребления; еще несколько примеров: *азартно* «обольстительно, возбуждающе», *ассигнова́ть* «2. послать, направить с поручением», *безгре́шная бактерия* «о тихом, смирном человеке», *безнау́чность* «отсутствие знаний, невежество», *бето́нить* «приготовлять раствор бетона» (в последнем случае вовсе отсутствует иллюстративный материал).

Полный объем словника регионального словаря обширной территории должен явиться как бы лексикографическим сводом полных словарей всех населенных пунктов, составляющих территорию словаря (мы насчитали в первом выпуске ПОС 766 населенных пунктов). Задача эта практически невыполнима, и скептическое отношение к такого рода заявке составителей словаря довольно аргументированно и подробно было уже изложено *в печати* [3].

В первом выпуске ПОС повторяемость слов и их значений в разных говорах лексикографируемой территории представлена в системе географических помет. Эти пометы ставятся после каждой цитаты — дается точное название населенного пункта; кроме того, «за знаком + в конце каждого номерного значения приводится перечень названий населенных пунктов и печатных источников, материалы из которых не были процитированы в иллюстрациях» (стр. 13). Таким образом, в словаре, территория которого около 800 населенных пунктов, эта часть словарной статьи должна быть внушительных размеров. Для слов общеупотребительных, а также просторечных и разговорных она опускается («Введение», стр. 13)—, по-видимому, в целях сокращения общего объема словаря.

Принцип расстановки географических помет трудно переоценить; его последовательное осуществление свидетельствует о лексикографической тщательности и позволяет судить о полноте фиксации лексики во всех пунктах лексикографируемой территории. Обратимся к разбору фактического материала первого выпуска. Как распространено, например, первое, исходное значение у глагола *бежа́ть*, которое как будто бы есть все основания отнести к общерусскому лексическому фонду? По правилам ПОС (см. «Введение», стр. 13 и автореферат Л. А. Ивашко и О. С. Мжельской, стр. 146) у этого значения не должно быть географических помет. Между тем они даны для 14 деревень (а для 752 их нет!). Как это явное противоречие собственным же установкам должен воспринимать читатель первого выпуска? Как отсутствие рассматриваемого значения в 752 пунктах лексикографируемой территории или как пробел в фиксации его? А может быть как лексикографическую небрежность? К сожалению, ответа на эти вопросы читатель не может найти ни во «Введении», ни, тем прискорбнее, в указанной выше статье Л. А. Ивашко и О. С. Мжельской. (Аналогично с исходным значением и его оттенками у слова *бе́да*.) Еще один пример этого же типа, но со словом *авто́бус*, новым для говоров, хотя уже и повсеместно распространенным в русском языке. В первом выпуске слово *авто́бус* фиксируется в двух деревнях, его варианты *автомоби́с* еще в четырех и *авто́мус* — в одной. (Ряд подобных примеров можно было бы значительно расширить.) Возможно, что в некоторых населенных пунктах современной псковщины действительно нет рассмотренных значений и слов, но трудно представить, что процент таких деревень был бы столь высок.

В полном региональном словаре не должна вызывать сомнений у читателя и семантическая разработка слова. В ряде случаев авторы словаря с этой задачей успешно справляются (*барки́шник*). Однако иногда этого явно нет. Так у прилагательного *берёзовый* значение «сделанный из березы» авторам-составителям удалось найти только в исторических материалах. Трудно себе представить, что в современных псковских говорах не было бы сочетаний типа *березовый стул*, *березовая лавка*, *березовый столб*, *березовые доски* и под.

Из рассмотренного материала явствует, что ПОС в его первом выпуске дает те слова, которые составители словаря зафиксировали в диалектологических экспедициях, другими словами, пока что ПОС — это словарь картотеки. И здесь в упрек составителям словаря можно поставить лишь то, что они не оговорили этого обстоятельства в предисловии к первому выпуску, в сущности, некритически повторив свою заявку на полный словарь, высказанную еще в 1961 г.

В статье «Псковский областной словарь и некоторые дискуссионные вопросы региональной лексикографии» Л. А. Ивашко и О. С. Мжельская дают самокритичное разъяснение своего понимания «полного» словаря применительно к псковской земле. «В нашем словаре полнота охвата лексики говоров будет не абсолютной, а относительной, так как исчерпывающе полный учет лексики живого языка, живого говора, постоянно развивающегося и изменяющегося, практиче-

[3] Ф. П. Сороколетов, О теоретических установках...

ски невозможен»[4]. Итак, задача всеобъемлющей фиксации лексики во всех населенных пунктах обширной территории и лексикографической обработки ее огромна и практически нереальна, хотя на начальном этапе работы она могла казаться иной. История создания словарей знает очень много примеров, когда контуры словаря в замыслах и воплощение их в действительности имели весьма значительные расхождения[5]. И в этом отношении ПОС разделяет судьбу многих из них.

Другой достаточно сложной проблемой в региональном словаре является проблема вариантности. Известно, что слово диалекта представлено в живой народной речи в многочисленных словообразовательных и фонетико-морфологических вариантах. Вариантность его очень высока даже в лексико-семантической системе одного говора, и тем более она увеличивается на обширной территории. Составители ПОС в целом нашли удачное лексикографическое решение этой проблемы.

Словарная статья разрабатывается по более распространенному в говорах варианту слова, а в конце номерного значения группируются все словообразовательные и фоно-морфологические варианты его: *бара́н* «самец овцы» и варианты *бала́н*, *боро́н*, *буро́н*. Этот ряд вариантов очень часто расширяется за счет введения в него семантических вариантов, что, на наш взгляд, лексикографически неточно, так как явление семантической вариантности, очень часто смыкающейся с синонимией, является уже иным аспектом лексикологического анализа слова: *бахмора́* «полоса материи, пришитая складками или сборками к платью; оборка» и варианты *ба́ска*, *бахмори́на*, *бахмо́рка*, *бахрома́*, *брыль*, *волáн*, *рю́шка*. В свою очередь каждый из указанных вариантов стоит на своем алфавитном месте, соотносясь с основным словом перекрестными ссылками. В то же время словарная статья на слово-вариант является вполне полноценной, так как в ней или разрабатываются те значения, которых у основного слова нет (*ба́ска* — это не только «оборка», но и «кофта, сшитая в талию»), или, если вариант полностью совпадает с основным словом семантически, приводится обширный иллюстративный материал. Эта демонстрация иллюстративного материала дает представление читателю о сравнительной распространенности варианта с основным словом в говорах. В ряду *ба́йня*, *ба́йна*, *ба́ня* основным словом признается *ба́йня*, при нем и дается определение значения. В словарной же статье на слово *ба́ня* определение выглядит так: «То же, что б а й н я», а за нумерными значениями дается цитатный материал и те фразеологические конструкции, которых у основного слова *ба́йня* нет: △ *Влить ба́ню*, *Стопи́ть ба́ню* и ◇ *Ба́ню руби́ть*.

С рассмотренным приемом подачи вариантов в ПОС согласуется и знак [ ], означающий восстановленную орфографию по образцу орфографии литературного языка для производных вариантов от слов, общих для псковских говоров и литературного языка. Например, *амба́р*, варианты *анба́р* и *арба́р* и их производные. Заглавное слово для варианта *анбари́шко* дается как [амбари́шко], а для *арба́нник* — [амба́рник]. *В данном случае* восстановленная орфография обеспечивает читателю быстрое нахождение слова в ПОС (все слова одного гнезда начинаются с *ам-*, и, таким образом, алфавитно группируются в одном месте словаря). Однако целесообразность знака [ ] недостаточно объяснена в § 8 «Введения», прочтя который можно воспринять этот знак как лексикографическое излишество.

Привлечение в качестве языкового материала не только данных современных говоров, но и показаний, выбранных из исторических источников, а также старинного фольклора и областных словарей прошлого века, открывает новую сторону лексикографического анализа. Состав словника и характер лексикографической обработки слов ПОС показывает, что перед нами словарь, совмещающий показ современных сведений с историческими. Во «Введении» к словарю Б. А. Ларин пишет: «Региональный словарь на широком историческом фоне — принципиально *новое дело в мировом языкознании*» (стр. 3).

Диалектная речь на всех ее уровнях является средоточием архаических элементов, что позволяет ей быть одним из источников исторического изучения языка. Под этим углом зрения и дается Б. А. Лариным разъяснение наличия исторических данных в ПОС: «Мы не сочли возможным отказаться в Псковском областном словаре от исторических параллелей. Как потому, что лишь три — четыре древнерусских диалекта достаточно отражены в письменности на такой исторической глубине, так и потому еще, что отбор псковской лексики из древней и старой письменности, уже осуществленный членами нашего коллектива,— не может найти лучшего применения и лучшего места издания, чем в специальном Псковском словаре»[6]. Введение истори-

[4] Л. А. И в а ш к о, О. С. М ж е л ь с к а я, Псковский областной словарь..., стр. 144.

[5] См.: Х. К а с а р е с, Введение в современную лексикографию, М., 1958, стр. 257 и сл.

[6] Б. А. Л а р и н, Инструкция Псковского областного словаря, стр. 20.

ческих сведений в областной словарь естественно и уместно еще и потому, что они прибавляются к современным в рамках регионального словаря, лишенного нормативных целей, присущих словарям литературного языка.

Л. А. Ивашко и О. С. Мжельская в цитируемой статье еще раз подчеркивают скромную роль исторических сведений в ПОС, рассматривая их лишь как «комментарий к современной части» [7]. Отобранный авторами первого выпуска исторический материал не имеет целью «поставить в непосредственную связь лексику современных псковских говоров с отражением „живой народной речи" в документах и памятниках псковской письменности феодальной эпохи» [8]. Составители ПОС хорошо понимают то универсальное (относящееся ко всем эпохам) и аксиоматическое положение, что ни в каком памятнике никакой эпохи не может быть отражен весь словарный запас живых языков и живых диалектов. И чем больше памятников разных жанров и стилей охватывается словарем, тем сильнее уверенность в том, что бо́льшая часть словарного запаса прошлых времен вошла в Псковский областной словарь. Большие и серьезные вопросы из области исторической и диалектной лексикологии, которые ставят В. И. Максимов и Ф. П. Сороколетов в своей рецензии на первый выпуск ПОС [9], могут быть, на наш взгляд, решены лишь в рамках двух скоординированных между собой словарей — полного регионального и полного исторического словаря памятников данной местности.

Словарные статьи ПОС, содержащие исторические сведения, можно раскласси́фицировать следующим образом: I. а) статьи, в которых представлена полная или частичная история семантического развития слова; такие статьи объединяют современные и исторические показания. В первом выпуске это статьи на слова: *а*, *абы́*, *ад*, *ажно́*, *а́лй*, *алта́рь*, *а́лый*, *амба́р*, *антихри́ст*, *апре́ль*, *аршы́н*, *ата́ман*, *ба́ба*, *ба́бка*, *ба́енщик*, *байда́к*, *ба́йник*, *балахо́н*, *ба́лка* и др. (всего нами насчитано 75 слов); б) статьи, в которых история слова воссоздается на основе слов того же словообразовательного гнезда. Это *ба́сменный* (по данным современных говоров): *басмы* (по историческим данным); *безде́нежный* (совр.): *безде́нежно* (истор.); *безлюди* (совр.); *безлю́дный* (истор.); *боле́ть*, *боле́ться* (совр.): *болец*, *болица* (истор.); *бердыха́ть*, *бердыха́ться* (совр.): *бердыш* (истор.); *бессо́льный*, *бессо́льно* (совр.): *бессолие* (истор.); *бессо́нник* (совр.): *бессонье*, *бессонница* (истор.) и др. II. Две другие группы объединяют словарные статьи, материалом для которых служат данные либо а) современных говоров: *абажу́р*, *абазо́рный*, *абазу́льный*, *барс* «деревянный молоток», *ба́рский*, *барсу́чий*, *бархо́тка*, *барчу́к*, *ба́рщина*, *ба́рщинник*, *ба́рыня* [1], *ба́рыня* [2], *ба́рынька* и др.; либо б) исторических памятников: *абланье*, *аже*, *алебарда*, *алкати*, *алмаз*, *алмазик*, *амный*, *аминь*, *ано*, *апостол*, *багровый*, *байберек*, *бандлер*, *баранковый*, *бардовский*, *бармы*, *барс* «крупное хищное животное», *бахмерский* и мн. др. (около 80 слов).

Кроме этих четырех основных групп, в ПОС еще есть и такие словарные статьи, материал для которых взят из областных словарей: *бада́ха*, *бада́шка*, *ба́йкий*, *балагу́рничать*, *баламу́та* и др. Лингвистический эффект исторических данных ПОС значительно скромнее, чем это хотели бы видеть В. И. Максимов и Ф. П. Сороколетов, но он, бесспорно, есть. Уже теперь исследователь исторической лексикологии и диалектологии может найти много полезных сведений, изучая слова группы Iа, а исследователь диалектного и исторического словообразования — группы Iб.

Историческая часть словарной статьи выделяется отступом и лексикографически обработана. В случае, когда в словарной статье совпадают современное и историческое значения, они объединяются одним номером, а определение его приводится лишь в современной части. Если же историческая часть содержит какие-либо семантико-фразеологические сведения, отличные от современной части, то эти сведения, скоординированные со значениями современной части, даются за особым лексикографическим знаком. Получается, что в ряде случаев значение формулируется в современной части словарной статьи, а его оттенок — в исторической. Так, к четвертому значению глагола *бе́гать* «удаляться, спасаясь от кого-н., оберегаясь чего-н.» в исторической части приводится оттенок «совершать побег». Таким образом, семантическая структура слова как бы слагается из звеньев, относящихся к разным историческим эпохам, и здесь легко увидеть нарушение принципа историзма в ПОС. Если встать на позиции составителей словаря и расценить наличие исторических сведений всего лишь как комментарий к сведениям современным, то станет ясно, что избранный в ПОС лексикографический прием подачи исторических сведений позволяет воссоздать семантическую структуру слова максимально полно; именно поэтому «порядок значений в исторической части словарной статьи подчинен филиации значений в современной части» [10]. Приходится сожалеть,

[7] Л. А. Ивашко, О. С. Мжельская, Псковский областной словарь..., стр. 146.

[8] В. И. Максимов, Ф. П. Сороколетов, указ. соч., стр. 167.

[9] Там же, стр. 167.

[10] Там же, стр. 146.

что такое ценное и необходимое уточнение, принятое авторами и редакторами первого выпуска, по-видимому, в ходе всей составительской работы, не нашло места во «Введении» к первому выпуску ПОС, а отражено лишь в другом издании.

Обогащение языковой информации ПОС за счет исторических сведений очень ценно; со временем, когда из языкового употребления говоров многие слова будут выпадать или переходить в пассивный запас, ценность совместной подачи исторического и диалектного материала возрастет еще больше.

В заключение полемической части настоящей заметки нам бы хотелось остановиться на последнем «аккордном» выводе рецензии В. И. Максимова и Ф. П. Сороколетова. Мы имеем в виду следующее: «Надо пожелать, чтобы составители *словаря* отказались от неосуществимых принципов и в следующих выпусках перешли к единственно возможному в отношении псковских говоров дифференциальному (*разрядка наша.— Т. К.*) принципу составления словаря» [11]. Высказанное в весьма категоричном тоне, а это отличает весь анализ В. И. Максимова и Ф. П. Сороколетова, приведенное заключение, тем не менее, является для читателя неожиданным и не бесспорным по существу.

Проблема формирования словника современных региональных словарей подверглась очень широкому обсуждению в лингвистической печати. Быть современному региональному словарю только полным или только дифференциальным, решается всегда конкретно, применительно к языковому материалу, подлежащему лексикографированию. Достигнутое в результате теоретических размышлений и споров понимание необходимости разграничивать понятие «словарь диалекта» (или «диалектов») и «областной» или «диалектный» словарь является основным, на наш взгляд, моментом в разрешении проблемы «полный — дифференциальный». Первый тип («словарь диалекта или диалектов») фиксирует не только лексику, которая отличает говоры от литературного языка, но и лексику общую, совпадающую (сюда может войти и просторечие); второй же тип («областной или диалектный словарь») отражает только диалектную, т. е. территориально ограниченную лексику. Развернутое и убедительное доказательство этой мысли можно найти в статье самого же Ф. П. Сороколетова [12]. ПОС является сводом отдельных словарей всех населенных пунктов лексикографируемой территории, т. е. областным словарем первого типа. Изменение позиций Ф. П. Сороколетова по одному и тому же вопросу два года спустя представляется нам шагом назад в развитии лексикологической концепции автора. Неужели его отказ от собственного мнения объясняется лишь тем, что рецензируемый словарь называется Псковский областной словарь, а не Словарь псковских говоров? Но ведь название работы часто следует традиции, и в данном случае оно сложилось, по-видимому, ранее того понимания, которое наступило в русской диалектной лексикологии в разрешении проблемы дифференциальности. [Впрочем и «Словарь русских народных говоров», редактором первых выпусков которого является Ф. П. Сороколетов, правильнее с этих позиций было бы назвать «Областной (диалектный) словарь русского языка».]

Псковский областной словарь находится в процессе создания. В свет вышел только первый выпуск; судя по его величине, весь объем словаря составит не менее 20 подобных выпусков. ПОС не только огромного объема; его ценность и в богатстве лексико-семантических и фразеологических сведений, и в привлечении исторических и топонимических данных. Подобного областного словаря для такой обширной и в то же время исторически единой территории в русской лексикографии не было.

Здесь же уместно заметить, что в работу над ПОС еще не поздно внести некоторые коррективы. В частности, можно рекомендовать составителям словаря контрольные экспедиции в уже обследованные говоры. Наблюдение над лексикой говоров с заранее известными объектами наблюдения поможет значительно повысить качество лексического материала и устранить, где это имеет место, чрезмерный разрыв между современными и историческими данными (случаи типа *березовый*) [13].

Наш разбор рецензируемого труда далеко не полный. Критические замечания настоящей заметки во многом объясняются обязанностями рецензента. «Совершенных же, идеальных словарей,— как пишет академик В. В. Виноградов,— по-видимому, не бывает» [14]. Коллектив

[11] В. И. Максимов, Ф. П. Сороколетов, указ. соч., стр. 168.

[12] Ф. П. Сороколетов, Еще раз о характере областного словаря, ФН, 1966, 4.

[13] О методике *сбора диалектного материала* см.: И. А. Оссовецкий, Словарь говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области, сб. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков», М., 1964; Т. С. Коготкова, Картотека Словаря современного русского народного говора, сб. «Лингвистические источники. Фонды Института русского языка», М., 1967.

[14] В. В. Виноградов, Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания, ВЯ, 1966, 6, стр. 3.

создателей Псковского областного словаря работает с исключительным энтузиазмом и любовью к своему начинанию. Это залог успешного завершения их многотрудной и очень нужной работы.

Т. С. Коготкова

«Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Обя», под ред. В. В. Палагиной. — т. 1 — Томск, изд-во Томского гос. ун-та, 1964, 144 стр.: т. 2 — 1965, 232 стр.; т. 3 — 1967, 250 стр.

Рецензируемый словарь — первый региональный словарь, выполненный по материалам русских говоров Сибири. Он составлен по типу дифференциального словаря на основе широкого и всестороннего изучения диалектной лексики средней части бассейна р. Оби в соответствии с требованиями к словарям такого типа, разработанными Институтом русского языка АН СССР и изложенными в «Пособии-инструкции для подготовки и составления региональных словарей русского языка» (М., 1960).

В словарь вошли словарные материалы диалектологических экспедиций кафедр Томского университета, ежегодно проводимых с 1946 г., и Томского пединститута — с 1958 г., а также записи лексики говоров, произведенные диалектологами А. А. Скворцовой, В. В. Палагиной, В. А. Сенкевичем, Е. П. Молчановой, М. Н. Янценецкой, О. И. Блиновой, О. М. Соколовым, Ф. П. Ивановой и др.

Достоинством словаря является тщательная разработка словарных статей, в которых обобщены значения слов, приведена грамматическая характеристика, иногда даются и стилистические пометы. Кроме того, в статью включены ссылки на все известные словари и основные печатные источники, в которых *отражена сибирская лексика*. Стремясь к точности в толковании слов, составители пользуются описательным раскрытием значений, иллюстрируя их примерами из речи коренных носителей говоров; при этом указывается область и район, где зафиксировано языковое явление. Лишь изредка встречаются случаи, когда значение слова раскрывается через другое диалектное или просторечное слово.

Кроме лексического материала, словарь содержит в себе довольно много фразеологизмов, изучение которых в сибирской диалектологии еще не начато.

Полнота материала позволила для целого ряда собственно диалектных слов установить несколько значений. Так, для слова *согра* указано пять значений: 1) низменное место под горой; 2) возвышенность в лесу; 3) низина на берегу реки, поросшая кустарником, лесом; 4) то же, что *сас*: заболоченное кочковатое место; 5) заболоченная непроходимая чаща. В ряде случаев выделяются лексические омонимы. Например, *подволока*[1]: 1) вышка; 2) доска потолка; *подволока*[2]: 1) подбой у лыж; 2) лыжи с подбоем.

Составители стремились отразить диалектные видовые формы глаголов: *упорбмиться* сов. «уместиться»; *упорáмливаться* несов. «умещаться»; *приганивать* несов. вместо *пригонять*. Есть случаи обобщения основ совершенного и несовершенного вида: *сдверя́ть* и *сдверя́живать* оба несов. «сдваивать»; *сдéлывать* несов. «делать»; *соимáть* сов. «снять»; *спознимáть* несов. «брать высокую ноту»; *стемня́ть(ся)* сов. и несов. «темнеть» и «потемнеть».

Говоры бассейна Оби богаты экспрессивными глаголами: *кахы́кать* «кашлять»; *лýнуть* «хлопнуть, выстрелить»; *лы́ндать* «бегать, носиться»; *спетушúться* «подраться». Словарь включает в себя и значительный пласт отвлеченной лексики, ср. *рбкать* «покатость», *протáжка* «протяжность», *шúрность* и *шúрник* «ширина».

Обильно представлены в словаре диалектные существительные со значением субъективной оценки, ср. *парню́шенька*, *пáужинок*, *паýтик*, *помéльничек* — от *помéльник* («помело»), оформленные посредством уменьшительных суффиксов; *кудéлёнка*, *посудёнка*, *каганúшка*, *порозúшка*, *парнишúнка*, *поросёнчишка* — с суффиксами пренебрежения. Последние нередко наслаиваются на уменьшительные, создавая оттенок ласковой фамильярности.

В говорах чаще, чем в литературной речи, употребляются уменьшительные формы прилагательных и наречий. Например: от *послужмя́ный* — *послужмá-ненький*, от *малый* — *малéсенький*, *малю́хочкой*, *мáсенький*, *мáхочкий*. Большую ценность представляет словарь для изучения диалектного словообразования, в частности для исследования словообразовательных вариантов. Ими особенно богата нетерминологическая диалектная лексика, тщательно учтенная собирателями. Вот некоторые примеры словообразовательного разнообразия: *напосле*, *напоследи(я)*, *напоследки*, *напоследье*, *опосля*, *посля*; *оттеда*,

оттедова, оттель, оттуль, оттуля, отцеда, отцедова, отцель, отцеля, отцуль. Аналогично и *откеда, откедова, отколь, откуль.* Ср. еще: *завчерась, позавчерась, послевчерась*, ср. *вчара, вчарась, вчерась, вчерася, вчорась.* Как видим, вариантов особенно много у наречий. Наречие *малесенько* «очень мало» имеет вариант и *малехочко, малешенько, малешечко.* Наряду с формой *много* бытует и *многушко, немного — мало-мало, мало-малишко, мало-маленько.* До десяти словообразовательных вариантов имеет слово *теперь*: *тапери, таперика, таперича, таперичи, таперичка, таперички, таперь, таперя, теперичка, теперьчи.* Шесть варианто имеет наречие *тута.*

Другие части речи также могут иметь несколько словообразовательных вариантов. Таковы имена существительные *боронёльщик, бороновóлок, борóнщик*; *вéрхник, верхнúк, верхня́к, верхня́к, верхня́к, вершня́к, вéршник*; *елáч, елéник, елóчник.* Имена прилагательные: *своедёльный, своедёльшинный, своедёлочный, своедёличный.* К сожалению, словарь не отразил того, по нашим наблюдениям, характерного для сибирских говоров явления, когда в речи одних и тех же лиц сосуществуют различные варианты.

Тщательное изучение диалектной лексики позволило зафиксировать в говорах своеобразное слияние префиксов: *поза — позавести, позасохнуть, попо — попойти* «сильно идти» (о рыбе), *попоколеть* «погибнуть» (о многих), *попоумирать* (о многих). Необычное значение вносят в глагол приставки *про-, при-, раз-*: *проявляться* «появляться», *присоветоваться* «посоветоваться», *пристать* «устать», *приполоть* «выполоть», *распустошиться* «опустеть», *расповадиться* «избаловаться».

Подмеченные особенности словообразования, несомненно, помогут глубже понять закономерности и тенденции в становлении новых диалектных словообразовательных моделей.

Словарные статьи словаря строятся на зашсях, выполненных в Кемеровской или Томской областях. Дополнение их данными об употреблении диалектных слов в других районах Сибири (ссылки на словари и печатные источники) уже позволяет изучить состав сибирской лексики.

В словаре можно найти отдельные неудачные статьи и опечатки, но их немного. Можно поспорить о толковании слов *добиться* и *отказать. Добиться* означает «дожить, дотянуть», если опираться на примеры из словаря: *Не можем до путной коровы добиться, Добились до поскотины. Отказать* во втором значении значит не только «отказать», как следует из словарной статьи, но и «рассчитать»; ср. *Ее сына от работы отказали, Тебя могут отказать.* Среди мелких недочетов отметим, что словарная статья о наречии *наполету* (кстати, известном и в прилепских говорах) начинается именем существительным *полет. Прикидать* вместо *прокидать* — явная опечатка (т. 3, стр. 84).

Очевидных недостатков в словаре немного. Составители и особенно редактор В. В. Палагина проявили большую научную добросовестность и квалифицированность как при составлении словарных статей, так и в кропотливой проверке собранного материала по словарям и печатным источникам.

Кафедра русского языка старейшего университета Сибири, завершив многолетний коллективный труд по созданию «Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби», внесла ценный вклад в изучение говоров Сибири. *Томский словарь* — один из лучших региональных словарей, и это делает его незаменимым пособием для исследователей русских говоров Сибири.

М. М. Власенко, З. И. Носова, М. А. Серышева

НОВЫЕ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Одним из самых распространенных видов лингвостатистических исследований в последние годы стала лексикостатистическая обработка текста и составление частотных словарей разных типов. Только по данным опубликованных недавно ответов на вопросы анкеты [1], разосланной кафедрой [математической лингвистики Ленинградского университета, в Советском Союзе составляются сейчас различными коллективами и отдельными авторами не менее 50 частотных словарей. Большое количество частотных словарей по отдельным авторам и отдельным жанровым со-

[1] «Труды ЦНИИПИ», [Серия 3 — Вопросы лингвостатистики и автоматизации лингвостатистических работ (Сборник статей и информационных материалов), I, М., 1967, стр. 4—50.

вокупностям составляется за рубежом. Однако теоретическая разработка проблем, связанных с совершенствованием методики лексико-статистического анализа текстов, совершенствованием лексикографических принципов представления полученных данных, с анализом структурных свойств частотных словарей и возможностей их использования в качестве лингвостатистических справочников, явно отстает от темпов работ по составлению самих словарей. После выхода в свет книг Р. М. Фрумкиной и Л. Н. Засориной [2], заложивших основы теории частотных словарей, методики и техники их создания, ни в СССР, ни за рубежом не было опубликовано ни одного достаточно крупного теоретического исследования в этой области. Перечисленные выше проблемы не нашли своего отражения и в известных фундаментальных лингвостатистических работах П. Гиро и Г. Хердана.

Поэтому большой интерес представляют сейчас оригинальные исследования в этой области, в методике и представлении результатов которых намечается отход от закрепившегося стандарта частотных словарей. В частности, значительным шагом вперед является переход к серийному составлению частотных словарей по единой методике для групп близкородственных языков и языков одного географического ареала. Новой чертой является также создание комплексного справочника, содержащего не только лексикостатистические данные, но и статистики фонем и графем, статистические силлабарии и морфемарии. Такие работы в значительной мере расширяют круг возможных применений частотных словарей, создавая условия для использования их данных в сравнительно-исторических и типологически-сопоставительных исследованиях. Значительный интерес представляют также примеры вторичных лингвостатистических исследований над текстом частотного словаря. Такими работами являются, на наш взгляд, рецензируемые ниже частотные словари из серии «Романские языки и их структуры» (I), серия лингвостатистических справочников языков Индии, создаваемых в Декканском колледже университета в Пуне (II), и работа А. Х. Робертса «Лингвистический анализ американского варианта английского языка» (III).

I. Новые частотные словари романских языков [3]. Издательство Mouton приступило к выпуску многотомного цикла «Романские языки и их структуры», создаваемого творческим коллективом американских ученых, руководимым проф. А. Жуильяном (Стэнфордский университет). Исследования, связанные с созданием этого цикла, в который наряду с частотными словарями войдут также описательные, сопоставительные и сравнительно-исторические исследования фонологии, грамматического строя и лексики романских языков, велись с 1956 по 1961 г. в Университете штата Пенсильвания, а с 1961 г.— в Стэнфордском университете. Основная цель этих исследований заключалась в подготовке структурных схем (structral frameworks) и формальных процедур анализа языкового материала, «предназначенных для облегчения применения ЭЦВМ в дескриптивных, сопоставительных и сравнительно-исторических исследованиях естественных языков, в частности для исчерпывающего изучения фонологической, грамматической и лексической структуры пяти главных романских языков — французского, итальянского, португальского, румынского и испанского» [4].

Создание этого цикла опирается на ряд общетеоретических исследований А. Жуильяна, связанных с проблемами методологии лингвистического анализа и построения описательных, сопоставительных и сравнительно-исторических грамматик на основе «общей теории структурных отношений» [5].

Попытка автора включить в общую систему основных лингвистических понятий, в частности в систему структурных отношений, наряду с качественными характеристиками единиц также и их количественные характеристики заслуживает пристального внимания. Автор несомненно прав, когда он говорит, что «если изучение парадигматических отношений между вариантами и их классами в системе придает второе измерение линейному изучению синтагматических отношений между вариантами в тексте, то статистические данные придают третье измерение, а с ними и глубину лингвистическому универсуму, представленному в естественных языках текстом» [6].

По существу проблема построения общей лингвистической теории, основан-

---

[2] Р. М. Фрумкина, Статистические методы изучения лексики, М., 1964; Л. Н. Засорина, Автоматизация и статистика в лексикографии, Л., 1966.

[3] A. Juilland, E. Ch. Rodrigues, Frequency dictionary of Spanish words, The Hague, 1964 (далее — FDSW); A. Juilland, P. M. Edwards, I. Juilland, Frequency dictionary of Rumanian words, The Hague, 1965 (далее — FDRW).

[4] FDSW, стр. V.

[5] См.: A. Juilland, Outline of a general theory of structural relations, 's-Gravenhage, 1961 (см. также рец. Н. Д. Арутюновой на эту книгу, ВЯ, 1964, 1).

[6] FDSW, стр. V.

ной на учете как качественных, так и количественных характеристик языка, сейчас сводится к решению проблемы, какие количественные (в том числе статистические) характеристики языка имеют фундаментальное значение в теории языковой структуры и какие существенные структурные характеристики языка находят в речи свое количественное выражение. В этом смысле в работах А. Жуильяна сделан значительный шаг вперед, так как в его концепции и в объявленной программе исследований выявлению количественных характеристик лингвистических единиц отводится одно из первых мест; лучшей демонстрацией этого является выход из печати рецензируемых частотных словарей в качестве п е р в о й серии задуманного цикла.

Эти частотные словари представляют интерес прежде всего с точки зрения того, какое место должны занять результаты *статистического анализа лексики* в построении описательной, сопоставительной и сравнительно-исторической грамматик исследуемых языков и насколько статистически достоверны и лингвистически значимы полученные результаты. Они представляют также значительный интерес с точки зрения общей теории и методики составления частотных словарей. Главной особенностью этой серии является, на наш взгляд, следующее: применение единой для всех словарей методики отбора языкового материала, единой методики предварительного лингвистического анализа и выделения единиц подсчета, единая система представления результатов, включающая в себя оценку рассеяния частоты и комбинированную оценку употребительности, автоматизация обработки лингвистического материала средствами вычислительной техники.

Оба рецензируемых словаря имеют совершенно аналогичную структуру. Каждому из них предпослано обширное «Введение», содержащее подробное описание методики работы и основные результаты относительно распределения полученных характеристик. «Введение» состоит из шести разделов. В разделе I «Предшествующие работы» содержится описание и анализ имеющихся частотных словарей по данному языку. В разделе II подробно описана методика формирования выборок и указаны ее источники. В следующем, самом обширном, разделе описана методика предварительного лингвистического анализа выборочной совокупности. Раздел IV содержит описание и объяснение применяемых коэффициентов и раздел V — сводку и анализ основных результатов. В разделе VI описывается структура словаря.

Собственно словарь состоит из алфавитного списка *приблизительно 5000* самых частых слов-лексем и трех списков этих слов, упорядоченных по убыванию абсолютной частоты, коэффициентов рассеяния и употребительности. Самыми частыми словами считались слова, имеющие абсолютную частоту не менее 4—5, коэффициент употребительности — не менее 2—3, коэффициент рассеяния — не менее 5—7%. Для всех частотных словарей этой серии определен одинаковый объем выборочной совокупности в 0,5 млн. словоупотреблений. Такой объем выборки авторы считают достаточно большим, чтобы быть представительным, и достаточно малым, чтобы быть посильным для обработки в обозримые сроки [7]. Для обоснования объема выборки авторы *не применяют* никаких оценок статистического характера типа оценок относительной или абсолютной ошибок частот (самых редких) слов. По применяемой у нас методике расчета необходимого объема выборки [8] такой объем можно оценить как достаточный для получения списка приблизительно 1200 слов с относительной ошибкой частоты, не превышающей 30% (при 95% доверительной вероятности) и с ожидаемым коэффициентом покрытия порядка 80%.

Большое внимание уделено авторами формированию выборочной совокупности. К выборочной совокупности предъявляется требование быть достаточно «*однородной в том смысле, что она должна* представлять нечто большее, чем механический набор данных, взятых с различных уровней языка, или из различных диалектов, или из несопоставимых уровней стиля; с другой стороны, выборка должна быть достаточно разнородной, чтобы ее можно было считать представительной по отношению к литературному языку как целому, а не по отношению к каким-либо отдельным жанрам или стилям» [9].

Однородность выборки обеспечивается, во-первых, достаточно узким временным срезом (период между двумя мировыми войнами), во-вторых, соблюдением пространственного единства и *исключением диалектных* и местных форм литературного языка (для испанского языка — литература только Пиренейского полуострова), в-третьих, соблюдением стилистической однородности (исключаются поэзия, переводная литература, деловая проза, религиозные издания). В отношении первого требования исключение (по техническим причинам) было сделано для румынского (временной срез с 1890 по 1940 г.).

[7] FDSW, стр. VI.

[8] См.: Р. М. Ф р у м к и н а, Статистические методы изучения лексики, стр. 8—18.

[9] FDSW, стр. XIV.

Разнообразие выборки обеспечивается выделением четырех стандартных «жанров» (worlds) — драмы, художественной литературы (новеллы, короткие повести), очерковой литературы (очерки, мемуары, переписка), периодической литературы (журналы и газеты), «технической» литературы. Для первых трех «творческих жанров» была сформирована генеральная совокупность из произведений наиболее авторитетных авторов (по свидетельству ряда трудов по истории и теории соответствующей литературы). Например, титульный список генеральной совокупности для румынской драмы насчитывает 45 пьес 19 различных авторов, титульный список совокупности румынской художественной литературы содержит 205 произведений 105 различных авторов. Титульный список «технической» литературы сформирован произвольно, по принципу наибольшего разнообразия: в нем представлены сельское хозяйство, архитектура, ботаника, химия, экономика, рыболовство, география, домашнее хозяйство, гигиена, право, виноделие, лесная промышленность. Список периодической литературы состоит из 5 наиболее крупных газет и 5 журналов (1—3-годовые комплекты).

Общий объем выборки в 0,5 млн. словоупотреблений был разделен поровну между «жанрами» и каждая стотысячная подвыборка для «жанра» была сформирована из единиц подсчета, взятых простым случайным отбором из произведений, перечисленных в титульных списках условной генеральной совокупности, пропорционально объему каждого источника. Единицей отбора и подсчета являлось предложение. Всего объем выборки составляет 20 000 предложений (в перерасчете на слова — 500 000 слов). Каждая выборка из общей выборочной совокупности независима в ней, и каждое предложение внутри подвыборки независимо от другого. Подвыборка представляет не всех авторов титульного списка, а только тех, которые попали в нее в результате случайного отбора (некоторые авторы попали несколько раз). Так, выборка для румынской драмы состоит из 20 произведений 8 различных авторов. Видимо, это первые частотные словари, при создании которых был последовательно применен метод простого случайного отбора в комбинации с типическим отбором. Преимущества такого отбора по сравнению с применявшимся до сих пор послойным или сплошным отбором пока трудно оценить: свойства лингвистических выборочных совокупностей еще очень слабо изучены.

Отобранные предложения были затем перенесены пословно на перфокарты, каждое слово снабжено своим грамматическим кодом и каждый из «жанров» был просчитан на ЭЦВМ по словоформам, которые затем вручную были сведены в слова-лексемы. В словаре по каждой словоформе дано распределение ее частоты по пяти «жанрам» и ее суммарная частота. Обобщенное по представленным словоформам слово-лексема снабжено тремя «коэффициентами»: абсолютной частотой (с распределением по «жанрам»),[1] мерой рассеяния (dispersion)[10] и мерой употребительности (usage). Для каждого слова указан его грамматический класс и в случае омонимии или многозначности дан его английский перевод. Большая работа проведена авторами по выявлению и учету орфографических, стилистических, диалектных и синтагматических вариантов (например, префигированные и суффигированные формы артиклей и личных местоимений). При формировании словарной статьи в частотном словаре авторы столкнулись с рядом трудностей, связанных с отнесением грамматических, стилистических и семантических вариантов к заглавному слову. Поскольку частотный словарь представляет собой не полный список слов, встретившихся в данной выборочной совокупности, а лишь список «достаточно частых» слов, всегда есть опасность, что ряд нераспознанных вариантов слов, попавших в группу редких, будет потерян, а с ними будет потеряна и существенная грамматическая и семантическая информация. Особенно это касается случаев субстантивации (прилагательных и причастий, в некоторых языках — инфинитивов), суплетивных образований (особенно, когда наряду с суплетивными имеются и регулярные формы), степеней сравнения прилагательных и наречий, порядковых числительных, архаичных форм и других стилистических вариантов. Стремление сохранить такие формы в словаре приводит к необходимости постулировать достаточно общие правила, которые затрагивают и частые слова (например, местоимения). Проблема становится особенно сложной, когда создается серия словарей родственных языков, где, естественно, необходимо провести общие принципы формирования статей (иначе данные будут несопоставимы).

Несмотря на значительную подготовительную работу, проделанную авторами рецензируемых словарей, им не всегда удалось последовательно провести единые принципы в испанском и румынском словарях. Например, в испанском словаре артикли *un* и *una* считались разными словами, в румынском *un* и *o* — одним; в испанском местоимения *yo*,

[10] Мы переводим слово dispersion как «мера (коэффициент) рассеяния», так как термин «дисперсия» закреплен за определенным статистическим понятием.

nosotros, nosotras (соответственно *tú, vosotros, vosotras*) считались одним словом, в румынском *eu* и *noi* (*tu* и *voi*) — разными; в испанском местоимения *él, ella, ello* считались разными словами, в румынском *el, ea, ele* — одним; в испанском *viejo* (прилагательное «старый») и *viejo* (существительное «старик») считались разными словами, в румынском соответствующие варианты сведены к одному слову *vechi*. В румынском *părinte — părinți* «родитель — родители» и *părinte* «священник» считались разными словами, в испанском *padre* и *padres* — одним, так же, как и *hijo — hijos* «дети», причем различия в значении ед. и мн. числа не указаны в обоих словарях.

Однако в общем достигнуто значительное единство в представлении лингвистического материала, позволяющее эффективно сопоставлять распределение лексических и грамматических форм. Для иллюстрации приведем образцы статей для слов обоих словарей:

Испанский

ACTIVO aj.	6.03	14	43.08			
	0	*1*	*9*	*2*	*2*	
activa	*10*	0	0	8	1	0
activas	*1*	0	0	0	0	1
activo	*1*	0	0	0	0	1
activos	*2*	0	0	0	1	1

Румынский

ACTIV aj.	13.71	27	50.8			
	27	*1*	*0*	*3*	*9*	*14*
activ	*8*	1	0	1	3	3
activă	*12*	0	0	2	3	7
active	*4*	0	0	0	2	2
activi	*1*	0	0	0	1	0
activul	*2*	0	0	0	0	2

В первой строке указаны слева направо: коэффициент употребительности, абсолютная частота, коэффициент рассеяния (в %%). Вторая строка дает итоги по столбцам, первый левый столбец — по строкам. В столбцах 2—6 и с третьей строки и ниже указаны абсолютные частоты *вариантов слова*: 2-й столбец — драма, 3-й — художественная литература, 4-й — очерковая литература, 5-й — пресса, 6-й — «техническая литература».

Особый интерес представляют применяемые в этих частотных словарях меры употребительности и рассеяния [11]. В качестве коэффициента рассеяния применен нормированный коэффициент вариации

$$D = 1 - \frac{\sqrt{n\sum_1^n x_i^2 - T^2}}{2T} = 1 - \frac{v}{2},$$

где n — число «жанров» (в данном случае — 5), x_i — частоты в «жанрах», T — суммарная частота во всей выборочной совокупности, v — коэффициент вариации. Поскольку в обоих словарях формула для вычисления коэффициента рассеяния напечатана с ошибкой, приведем здесь ее вывод. Допустим, суммарная частота слова, равная 10, распределена в пяти подвыборках следующим образом:

№ выборки	1	2	3	4	5	T
x	1	2	0	5	2	10

В случае выборок равного объема среднее квадратическое отклонение

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum_1^n (x_i - \bar{x})^2}{n}} = \sqrt{\frac{\sum_1^n x_i^2}{n} - \bar{x}^2} = \sqrt{\frac{n\sum_1^n x_i^2 - n^2\bar{x}^2}{n^2}} = \sqrt{\frac{n\sum_1^n x_i^2 - T^2}{n}}$$

и коэффициент вариации V равен:

$$V = \frac{\sigma}{\bar{x}} = \frac{\sigma}{T/n} = \sqrt{\frac{n\sum_1^n x_i^2 - T^2}{T}} = \frac{\sqrt{5\,(1^2 + 2^2 + 5^2 + 2^2) - 100}}{10} \approx 0{,}84.$$

[11] Насколько известно рецензенту, статистически обоснованные меры рассеяния и употребительности (фундаментальности) были впервые применены в японском частотном словаре, опубликованном в «Трудах Государственного научно-исследовательского института национального языка» 21, 22, 25 — «Лексика и иероглифика девяноста современных журналов», 1962—1964 («Кокуриицу кокуго кэнкюдзё хококу», 21, 22, 23 — Гэндай дзассы кюдзюою-но ёго ёдзи). Указано по статье: Е. В. Маевский, О некоторых принципах составления частотных словарей в Японии, «Труды ЦНИИПИ», серия 3 — Вопросы лингвостатистики и автоматизации лингвостатистических работ», I.

Если бы частота была распределена равномерно:

№ выборки	1	2	3	4	5	T
x	2	2	2	2	2	10

то ее коэффициент вариации был бы равен 0. Если бы она была распределена максимально неравномерно

№ выборки	1	2	3	4	5	T
x	10	0	0	0	0	10

то ее коэффициент вариации был бы максимальным и равным:

$$max = \frac{\sqrt{nT^2 - T^2}}{T} = \sqrt{n-1}.$$

В данном случае, при пяти подвыборках $V = 2$, или 200%. Для удобства сопоставлений коэффициент вариации нормирован так, чтобы он изменялся от 0 до 1 (в знаменатель введена 2) и поскольку, как правило, чем чаще встречается слово, тем меньше его коэффициент вариации, то для того, чтобы ввести единый порядок распределения по убыванию показателя, в качестве коэффициента рассеяния выбрано дополнение нормированного коэффициента вариации до 1: $D = 1 - \frac{V}{2}$. Эта мера является более естественной, чем применяемые в частотных словарях коэффициенты распространенности (range) по числу источников, относительные или абсолютные размахи варьирования. Предложенную авторами меру рассеяния можно применять и в том случае, если подвыборки были взяты неравного объема. В этом случае:

$$D = 1 - \frac{V}{k} = 1 - \frac{\sigma}{k\bar{x}} = 1 - \frac{N\sigma}{k\sum_1^l n_i x_i} =$$

$$= 1 - \frac{N}{k} \times$$

$$\times \sqrt{\frac{\sum_1^l n_i x_i^2}{\left(\sum_1^l n_i x_i\right)^2 N} - \frac{\bar{x}_i^2}{\left(\sum_1^l n_i x_i\right)^2}} =$$

$$= 1 - \frac{1}{k} \sqrt{\frac{N\sum_1^l n_i x_i^2}{\left(\sum_1^l n_i x_i\right)^2} - 1},$$

где $N = \Sigma\, n_i$, n_i — объемы подвыборок; x_i — частоты в подвыборках; l — число подвыборок.

$$k = max\left(\sqrt{\frac{N\sum n_i x_i^2}{\left(\sum n_i x_i\right)^2} - 1}\right) =$$

$$= \sqrt{\frac{N}{n_{min}} - 1}.$$

Новинкой для частотных словарей является также и простая мера употребительности $U = \frac{F \cdot D}{100}$, где F — абсолютная частота и D — коэффициент рассеяния. Чем больше частота и чем меньше коэффициент вариации, тем больше и коэффициент употребительности слова. Кроме алфавитного списка, словарь содержит также и параллельные списки слов-лексем, упорядоченные по убыванию коэффициента употребительности, абсолютной частоты и коэффициента рассеяния.

Распределения слов по частоте и употребительности мало отличаются друг от друга как по составу слов, так и статистически: распределение по употребительности сохраняет тот же вид J-образной кривой, что и распределение по частоте (это следствие нормального распределения меры рассеяния). Коэффициент употребительности очень удобен при пользовании словарем в методических целях: он «опускает» ранг слова, преобладающего в одном из «жанров», и «поднимает» слова, хотя и относительно редкие, но регулярно встречающиеся в каждом из «жанров». Например, в румынском слово *hotel*, имеющее частоту 22 и вошедшее в список по частоте лишь в третью тысячу слов, благодаря высокому коэффициенту употребительности вошло в 17 сотню слов по убыванию коэффициента употребительности.

Распределение слов по коэффициенту рассеяния резко отличается от распределений по частоте и употребительности. Это касается прежде всего состава слов: наилучшим рассеянием характеризуются относительно редкие слова. В румынском: *fizionomie* «физиономия; характер; облик» (част. 5), *schimba* «менять» (част. 175, номер по убыванию частот 271), *jumătate* «половина» (част. 125, номер по убыванию частот 405), *singur* «один, одинокий» (част. 329, номер по убыванию частот 152); в испанском: *lumbrera* «факел; светило; знаменитость» (част. 5), *pesquisa* «расследование» (част. 5), *vestibu'o* «вестибюль» (част. 5), *misticismo* «мистицизм» (част. 5), *fin* «конец» (част. 232).

В то же время первые 10 самых частых слов обладают сравнительно низкими коэффициентами рассеяния: в румынском: 1) *de* (предлог) — номер по убыванию коэффициента рассеяния 30, 2)

şi (союз) — 35, 3) *avea* «иметь» — 217, 4) *fi* «быть» — 61, 5) *în* (предлог) — 133, 6) *un*, *o* (артикль) — 156,7) *el* (местоимение) — 518, 8) *se* (местоимение) — 53, 9) *să* (союз) — 330, 10) *nu* «нет» — 704; в испанском: 1) *de* (предлог) — 133, 2) *el* (артикль) — 102, 3) *la* (артикль) — 78, 4) *y* (союз) — 13, 5) *a* (предлог) — 7,6) *en* (предлог) — 64,7) *él* (местоимение) — 6, 8) *que* (местоимение) — 164, 9) *ser* «быть» — 117, 10) *que* (союз) — 431. Характерно, что наибольшим рассеянием обладают, как правило, междометия (употребительные лишь в художественной литературе) и термины; например, в испанском: *hola* 19,25%, $f = 25$, *bah* 17,87%, $f = 26$, *ah* 12,37%, $f = 88$, *geografía* 7,14%, $f = 87$, *microscopo* 5,0%, $f = 74$; в румынском: *he* 34,81%, $f = 10$, *bravo* 31,68%, $f = 19$, *oh* 26,97%, $f = 149$, *benzină* 17,47%, $f = 14$, *fiziologic* 17,47%, $f = 14$.

Приведенные в словарях распределения числа слов относительно коэффициента рассеяния [12] показывают, что эти распределения достаточно близки к нормальному распределению, что является результатом нормального распределения коэффициента рассеяния в каждом из классов частот слов. В испанском 79% слов имеют $D \geqslant 0{,}50$, в румынском — 71%. Среднее рассеяние этой группы $\overline{D} \approx 67\%$, для группы слов с $D < 0{,}50$ $\overline{D} \approx 41\%$ в испанском и 37% в румынском. Среднее рассеяние по всему списку в испанском словаре $\overline{D} \approx 61\%$, в румынском — 58% со средним квадратическим отклонением в испанском 14,5%, в румынском — 15,5%. 50% слов каждого из словарей имеет рассеяние $\overline{D} \pm 0{,}67\ \sigma$, т. е. приблизительно в интервале от 48 до 68%. Таким рассеянием характеризуются слова в основном со средними частотами порядка 30—43 (12—16 сотен по убыванию частоты); высокой степенью рассеяния ($D < \overline{D} - 0{,}67\ \sigma$) характеризуются слова с частотой 15—24 (20—28 сотен по убыванию частоты), и низкой степенью рассеяния ($D > \overline{D} + 0{,}67\ \sigma$) — слова со средней частотой 250. Значение этих данных трудно переоценить. В настоящее время считается, что частоты слов распределены по закону Пуассона и как следствие принимается, что среднее квадратическое отклонение частоты f равно $\sqrt{f}$; между тем еще Дж. Юлом было показано, что для того вида распределения, которому подчинены частоты слов, дисперсия частоты должна быть, как правило, существенно больше ее средней [13].

С помощью полученных данных мы можем оценить, как именно выполняется эта закономерность. Так как

$$D = 1 - \frac{v}{2} = 1 - \frac{\sigma}{2\overline{x}} = 1 - \frac{5\sigma}{2F},$$

$$\frac{\sigma_F^2}{F} = (1 - D)^2 \cdot 0{,}16 \cdot F,$$

где $F = \sum x_i$; σ_F — среднее квадратическое отклонение суммы. Для 50% слов румынского словаря, характеризующегося коэффициентом рассеяния $\overline{D} \pm \pm 0{,}67\sigma$ отношение $0{,}8 \leqslant \frac{\sigma_F^2}{F} < 1{,}2$, а для средней частоты этих слов $\frac{\sigma_F^2}{F} \approx 1{,}0$. Для приблизительно 18% слов с $D \leqslant \overline{D} - 0{,}67\sigma$ (их $\overline{D} = 0{,}36$), $1{,}0 \leqslant \frac{\sigma_F^2}{F}$ 1,6, а для средней частоты этих слов $\frac{\sigma_F^2}{F} \approx 1{,}3$. Для слов с $D > \overline{D} + 0{,}67$ (их $\overline{D} = 0{,}77$) отношение $\frac{\sigma_F^2}{F} \approx 2$.

Это значит, что лишь 50% слов из разных классов частот подчиняются закону Пуассона. Для другой половины слов характерно значительное завышение дисперсии над частотой, что является признаком отрицательного биномиального распределения. Опубликованные данные требуют еще детального анализа, однако уже сейчас можно сказать, что анализ распределения частот слов по подвыборкам может принести много интересных результатов. В частности, если удастся экспериментально найти отрицательное биномиальное распределение, то это, возможно, послужит подтверждением гипотезы Г. Хердана о подчинении частот слов статистике Бозе — Эйнштейна для распределения элементарных частиц [14]. Во всяком случае, поскольку распределение Пуассона выполняется лишь в среднем и всего для половины слов, в частотных словарях следует давать расчет фактического среднего квадратического отклонения по распределению частот в подвыборках и по нему производить расчеты доверительных интервалов частот. Видимо, если частотный словарь составлен из нескольких «жанров», то лучше всего каждый из «жанров» представлять в виде ряда подвыборок и общую дисперсию вычислять как сумму средней из частных дисперсий внутри «жанров» и межжанровой дисперсии.

[12] FDSW, стр. XLV, FDRW, стр. LXI—LXII.

[13] G. U. Yule, The statistical study of literary vocabulary, *Cambridge*, 1944, гл. 3.

[14] G. Herdan, The quantitative linguistics, London, 1964, стр. 91—92.

В заключение хочется подчеркнуть еще раз, что подготовленная авторским коллективом под руководством А. Жуильяна серия романских частотных словарей представляет собой значительный вклад в развитие современной лингвостатистики, в теорию и методику составления частотных словарей. Одновременно необходимо отметить и ряд традиционных недостатков, которые не удалось преодолеть и в этих словарях. Прежде всего известное неудобство в работе со словарями создает то обстоятельство, что списки по убыванию частоты, коэффициентов употребительности и рассеяния не дублируют показатели, так что постоянно при работе с этими списками приходится обращаться к алфавитному списку; при вариантах слов в алфавитном списке не указаны грамматические значения; нет списков по частям речи; в введении к словарю отсутствует таблица распределения частот слов относительно числа слов; отсутствует, к сожалению, и крайне необходимая в работе со словарем таблица распределения частот слов относительно коэффициентов рассеяния. В таких фундаментальных лексико-статистических справочниках, как рецензируемые частотные словари, хорошо было бы иметь также и списки семей (гнезд) слов. Полезной характеристикой является также и накопленная частость. Хорошо было бы ввести эту характеристику в следующих изданиях во все три списка второй части. В частотных словарях полезно также указывать доверительные интервалы частот и ранги слов (вместо или наряду с порядковыми номерами). Читателям, постоянно работающим с частотными словарями, все эти характеристики приходится рассчитывать самостоятельно.

II. Лингвистические справочники по языкам Индии[15]. С 1961 г. Деккански колледжем при университете в Пуне (штат Бомбей) издается серия лингвостатистических справочников по языкам Индии. Инициатором издания этой серии выступил специальный комитет при министерстве образования Индии. Целью предпринятых в различных университетах страны исследований является получение статистических данных о распределении частот слов, слогов, морфем, фонем и графем в различных языках Индии. Эти данные должны быть использованы при разработке систем стенографии и телеграфных кодов для этих языков, в обучении, в сопоставительных и сравнительно-исторических исследованиях[16].

Все эти исследования опираются на единую методику, разработанную по образцу английского словаря Дьюи[17]. Материалом для статистического анализа во всех случаях являются выборки из текстов современной периодики (наиболее крупные газеты и журналы на соответствующих языках за последние 5—10 лет — около 50% выборочной совокупности), художественной литературы (по преимуществу новеллы и пьесы, а также небольшие повести и очерки — около 25% выборочной совокупности), специальная литература (литература для детей и юношества, женские журналы — около 25% выборочной совокупности). В статистическом справочнике хинди обработана также выборка из научной литературы, а в справочнике гуджарати — тексты радиопередач. Во всех случаях объем выборочных совокупностей — 100 000 словоупотреблений. Способ формирования совокупности — механическая случайная (стратифицированная) выборка (stratified random sampling method)[18]. В работе PhFM единицей отбора, как и в вышеописанной серии А. Жуильяна[19], является предложение, в работах PhMFH и Ph MFG — отбор пословный из совокупности книг, случайно отобранных из заданной библиографии. С каждой страницы книги были отобраны по 2—3 слова, таким образом, генеральная совокупность оценивается приблизительно в 5 млн. единиц. Как видно, способ формирования выборки не отличается сущест-

[15] S. V. Bhagwat, Phonemic frequencies in Marathi and their relation to divising a speed-script, Poona, 1961 (далее — PhFM); «Phonemic and morphemic frequencies in Hindi», ed. by A. M. Ghatage, Poona, 1964 (далее — PhMFH); P. B. Pandit, Phonemic and morphemic frequencies of the Gujarati language, Poona, 1965 (далее — PhMFG).

[16] PhMFH, стр. I—IX.

[17] G. Dewey, Relative frequencies of English speech sounds, Cambridge, 1923.

[18] Этот метод как наиболее соответствующий задачам характеризации изучаемой совокупности был рекомендован еще Дж. Юлом; см.: G. Yule, указ. соч., стр. 38. Так же, как и метод простого случайного отбора в серии романских словарей, механический отбор является редкостью в лексикостатистической практике. В качестве примера можно привести лишь японские частотные словари. См. примеч. 11.

[19] Отмеченные выше главные особенности серии романских частотных словарей отличают и обсуждаемую серию лингвостатистических справочников языков Индии. Для всех них характерна единая методика формирования выборки, единая система выделения единиц подсчета и единая система представления результатов. К сожалению, этим справочникам предпосланы слишком краткие введения, значительную часть которых занимает перечень источников.

Таблица 1

Списки лингвистических единиц	PhFM		PhMFH		PhMFG	
	миним. частота	кол-во	миним. частота	кол-во	миним. частота	кол-во
Список слов по алфавиту	10	1428	1	19211	1	17635
Список слов по убыванию частот	10	1428	10	1526	10	1430
Список слогов по алфавиту	10	1392	1	2768	1	3232
Список слогов по убыванию частот	10	1392	1	2768		Отдельные списки по позициям в слове с 1-й (начальной) по 7-ю (конечную)
Список некоторых флексионных и деривационных морфов по алфавиту	В списке слогов по позициям в слове — начальной, срединной, конечной			120		77
Список некоторых флексивных и деривационных морфов по убыванию частот				120		77
Список фонем и графем						

венно от способа, примененного в описанных выше частотных словарях испанского и румынского языков.

Во всех случаях выборочная совокупность послогово заносилась вручную на карточки в соответствующей системе письма; словоупотребления сводились на итоговую карту, последние были отсортированы по алфавиту, слова переписаны в фонологической транскрипции, было произведено разделение на слоги и морфы и затем вся информация с итоговых карт была перенесена на перфокарты. Все списки были составлены путем сортировки итогового массива на сортировальной машине со счетчиками с помощью автоматической системы считывания с перфокарт. Различия в схеме машинной обработки исходного массива между романскими и индийскими частотными словарями объясняются различиями в вычислительных машинах, примененных в соответствующих исследованиях. Поскольку первичная сортировка исходного массива по алфавиту в цифровом коде на аналитических машинах достаточно сложна, авторы индийских словарей провели ее вручную. Авторы же романских словарей, имея возможность работать на универсальной быстродействующей машине, ограничились лишь ручным сведением словоупотреблений в лексемы.

В справочниках представлены списки лингвистических единиц, сведенные нами для наглядности в табл. 1.

Относительно списков слогов и морфем отметим любопытную деталь, на которую обращает внимание и редактор словаря хинди [20]: самые частые слоги не являются односложными словами, в большинстве случаев — это флексионные морфы. По всей видимости, это должно быть общей чертой для языков со слабо развитой системой служебных слов.

Во всех справочниках представлены таблицы распределения частот лингвистических единиц. Особенно подробные таблицы приведены в справочнике маратхи.

В табл. 2 помещены для сравнения сокращенные распределения слов по частоте в обсуждаемых справочниках.

По сравнению с частотными словарями европейских языков накопленная частость явно занижена. По всей видимости, здесь существенную роль сыграл не метод отбора единиц в выборку, а словоформный характер словаря и фиксация словоформы существительных вместе с послелогами. Обращает на себя внимание повышенное число различных слов на выборку в 100 000 словоупотреблений: в словаре маратхи — 25 147, в словаре гуджарати — 17 635, в словаре хинди — 19 211. С. В. Бхагват относит это за счет флективного характера маратхи. Вряд ли такие большие расхождения с данными частотных словарей европейских языков (в том числе с данными русских частотных словарей), в которых нормальным является уровень накопленной частотно-

[20] PhMFH, стр. VIII—IX.

Таблица 2

Число слов от начала списка по убыванию частот слов	Накопленная частота в %		
	маратхи	хинди	гуджарати
5	6	10	10
10	9	13	13
25	—	19	17
100	27	30	28
500	45	48	45
1000	54	—	—
1400	58	—	58
1500	—	64	—
2100	64	—	—
3000	69	—	—

сти 76—79% для первых 1300 слов и число разных слов порядка 10—12 тысяч на выборку в 100 000 словоупотреблений, можно приписать лишь отсутствию развитой системы служебных слов. В романских частотных словарях, при составлении которых применялся аналогичный метод взятия выборок, накопленная частость для первых 1500 слов составляет около 89%, из нее лишь 8% падает на артикли и вспомогательные глаголы. Возможно свою роль сыграло здесь объединение слишком разнородных совокупностей.

В справочниках PhFM и PhFMH приведены таблицы распределения числа слов и слогов по числу фонем, в справочниках PhFM и PhFNG — таблицы распределения слогов по позициям в слове; приведены распределения морфов по частоте, а также частоты фонем и графем.

Как следует из предисловия к частотному словарю хинди, аналогичные работы должны быть проведены в ближайшее время на текстах каннада, ория и малаялам.

Несмотря на небольшие объемы выборок описываемые работы являются фундаментальными лингвостатистическими исследованиями, выполненными на высоком техническом и лингвистическом уровне. Они дают богатый статистический материал для изучения распределений различных лингвистических единиц, а также для изучения распределений состава и длин лингвистических единиц.

Недостатком серии, на наш взгляд, является то, что во всех случаях авторы приводят лишь суммарные данные, не отмечая частот единиц в частичных совокупностях, что не дает возможности использовать такие существенные статистические характеристики, как дисперсии и вариации, не позволяет судить об устойчивости приводимых статистических данных.

III. Опыт статистического анализа фонологической структуры слова в английском языке [21]. Исследование А. Х. Робертса представляет редкий пример вторичного статистического исследования, исходным материалом для которого служил частотный словарь. Задача этого исследования состояла в том, чтобы получить статистические данные о фонологической структуре английского словаря — частоты фонем, позиционные частоты фонем, частоты фонемных сочетаний, отношение гласных и согласных распределение длин слов, измеренных числом фонем и слогов, статистические распределения так называемых «канонических форм слова» [22], т. е. моделей слов, представленных в форме последовательностей классов фонем, и другие данные.

Для того чтобы избежать громоздкой сортировальной и вычислительной работы и в то же время получить частоты как в отношении к тексту (tokens), так и в отношении к словарю (types) [23], для исследования был использован английский частотный словарь Э. Хорна [24]. Этот словарь был избран потому, что он, по мнению автора, в наилучшей степени удовлетворяет сформулированным автором требованиям, которым должен удовлетворять частотный словарь, служащий источником статистических данных: он составлен на достаточно представительной выборке (более 15 млн. словоупотреблений);, содержит достаточно большое число словоформ (около 10 000); словоформам в явном виде сопоставлена их частота; словарь составлен на материале личной и деловой переписки и потому «отражает повседневный английский язык взрослых американцев».

Перевод словоформ словаря в фонологическую транскрипцию осуществлялся информантом, перед которым предварительно была поставлена задача поместить каждую из словоформ частотного словаря в ее «нормальное» окружение, оформленное в виде законченного высказывания. При этом производилось разграничение омографов [25]. Затем словоформы транскрибировались и с указанием их частоты (из словаря Хорна, для

[21] A. Roberts, A statistical linguistic analysis of American English, The Hague, 1965.

[22] Ch. F. Hockett, A course in modern linguistics, 1958, § 34.1.

[23] см.: G. Herdan, Type-token mathematics. A text-book of mathematikal linguistics, 's-Gravenhage, 1960, стр. 117.

[24] E. Horn, A basic writing vocabulary, «University of Iowa monographs in education», 4, Iowa City, 1926.

[25] С помощью словаря: I. Lorge, E. L. Throndike, A semantic count of English words, New York, 1938.

Таблица 3

Этимологический источник	Относительная частота слов в %										
	Зоны частотного словаря										
	1-я тыс.	2-я тыс.	3-я тыс.	4-я тыс.	5-я тыс.	6-я тыс.	7-я тыс.	8-я тыс.	9-я тыс.	10-я тыс.	Полный словарь
Англо-саксонский	83	34	29	28	26	27	23	26	25	25	78
Французский	11	46	46	45	47	42	45	41	41	42	15
Латинский	2	11	14	17	16	19	17	17	17	18	3
Скандинавский	2	2	1,2	1,1	1,6	1,6	1,8	1,6	1,8	1,3	2
Франко-англо-саксонский	0,3	1,3	2,0	2,2	1,2	2,2	2,3	2,3	2,7	3,5	2
Остальные	1,7	5,7	7,8	6,7	8,2	8,2	10,9	12,1	12,5	10,2	

омографов — с пересчетом по словарю Торндайка и Лорджа) и этимологического источника переносились на перфокарты, которые (после верификации и перезаписи на магнитную ленту) обрабатывались на ЭВМ CDC 1604. Вся работа заняла 2000 человеко-часов. В результате были получены следующие данные.

1. Этимологический состав английского словаря. Получено распределение числа слов по этимологическим языкам-источникам как по всему массиву, так и по зонам частотного словаря по тысячи слов (по децилям) (см. табл. 3).

Интересно отметить, что за исключением первой тысячи слов, везде доля слов определенного источника в инвентаре совпадает с их долей в тексте. В пределах же первой тысячи расхождения значительные: слов английского происхождения в ней 500, а их суммарная частота составляет 83% суммарной частоты первой тысячи слов; слов французского происхождения в ней 35%, а их доля накопленной частости всего 11%. Со второй по десятую тысячу наблюдается устойчивость доли слов определенного источника — в среднем 27% англо-саксонских, 44% французских, 1,8% скандинавских. Как и следовало ожидать, чем более редкие слова входят в зону, тем больше доля латинских и других (кроме французских и скандинавских) заимствований. Итоговые данные по всему массиву — 78% слов англо-саксонского происхождения и 15% слов французского происхождения, как хорошо видно из приведенной таблицы, определяются частотами первой тысячи самых частых слов. Зоны со второй по десятую обладают распределением, резко отличным от распределения первой тысячи слов.

2. Частоты фонем. В соответствии с этимологическим составом лексики находится и распределение частот фонем. Резко отличными распределениями в пределах первой тысячи слов и девяти остальных тысяч обладают фонемы /ð/, /a/, /w/, /h/, /u/, /v/, частоты которых в первой дециле завышены (например, /ð/ имеет частоту 2,7% в пределах первой тысячи слов, общую по выборке 2,2%, во второй — десятой децилях — всего 1,3% в среднем); фонемы /s/, /l/, /d/, /k/, /z/, /p/, /ŋ/, частично /æ/, имеют в первой дециле более низкие частоты, чем во второй — десятой децилях. Итоговая таблица распределения снова определяется в основном первой тысячью слов частотного словаря.

3. Распределение средних длин слов. Как и следовало ожидать, средние длины слов возрастают от зон частых слов к зонам, содержащим редкие слова, и снова итоговое распределение в значительной мере определяется первой децилью (см. табл. 4).

В работе приведены подробные таблицы совместного распределения длин слов в слогах и в фонемах по зонам. Если исключить из рассмотрения первую дециль, для которой наиболее значительны расхождения в данных между словарем и текстом, то в остальных децилях мы получим тождественные распределения для types и для tokens. Иначе говоря, основной вклад в распределение длин слов, как и в распределение фонем и слов по этимологическим источникам, вносят 1000 наиболее частых слов. Все эти данные, к сожалению, не были никак проинтерпретированы автором работы. Опубликованные же материалы имеют большое значение для построения статистической лингвистики. В частности, отметим, что по этим данным можно экспериментально показать подчинение длин слов логнормальному распределению. На рис. 1 и 2 представлены графики логнормального распределения длин слов в фонемах и в слогах, построенные для упрощения картины по трем — 16%, 50% и 84% квантилям. На рис. 1 хорошо видно, что распределение длин первой тысячи слов частотного словаря (первой децили в терминологии

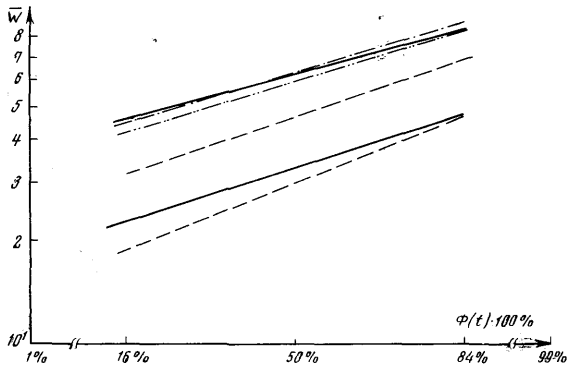


Рис. 1. Логарифмически-нормальное распределение длины слов в английском языке в фонемах: ——— в тексте, ——— в словаре; ——— в тексте 1-й децили; — — — в 1-й децили словаря; —·—·— во 2—10-й децилях словаря; —···—···— в тексте 2—10-й децилей

А. Робертса) вполне аналогично распределению длин слов в полном словаре и тексте. Начиная со второй децили, распределения types и tokens сближаются (особенно хорошо это заметно на рис. 2) так, что распределение в тексте совпадает с распределением в словаре, но не наоборот. Та же картина наблюдается и для распределения слов в слогах. Это значит, что если из достаточно большого словаря устранить тысячу самых частых слов, то для некоторых лингвостатистических расчетов им можно пользоваться как текстом.

В то же время, если нас интересует фонологическая структура словаря, то мы должны исключить из него приблизительно 1000 наиболее частых слов, т. е. поступить прямо противоположно тому, как поступили в своих расчетах П. Менцерат и В. Мейер-Эпплер [26]. Если же нас интересует фонологическая структура текста, то в принципе без большой погрешности мы можем ее оценить по первой тысяче самых частых слов частотного словаря.

Выполнение логнормального распределения длин слов подтверждается данными самых различных языков. На рис. 3.1 и 3.2 представлены графики распределения длин слов в слогах в тексте, построенные по данным Г. Церцвадзе, Г. Чикоидзе и Т. Гачечиладзе [27]. На рис. 4

Таблица 4

Средняя длина слова	Зоны (децили) частотного словаря										Полное распределение
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
В словаре в фонемах	5,1	6,1	6,5	6,8	6,8	6,8	7,0	7,0	7,0	7,0	6,6
В тексте в фонемах	3,3	6,1	6,5	6,8	6,8	6,8	7,0	7,0	7,0	7,0	3,6
В словаре в слогах	1,7	2,0	2,1	2,2	2,2	2,3	2,3	2,3	2,3	2,3	2,2
В тексте в слогах	1,2	2,0	2,1	2,2	2,2	2,2	2,3	2,3	2,4	2,3	1,3

[26] P. Menzerath, W. Meier-Eppler, Sprachtypologische Untersuchungen, «Lingua», IV. 1/2, 1950, стр. 50.

[27] G. Zerzwadse, G. Tschikoidse, Th. Gatschetschiladse, Die Anwendung der mathematischen Theorie der Wortbildung auf die georgische Sprache, «Grundlagenstudien aus Kybernetik und Geisteswissenschaft», 3, 4, 1962. На рис. 3.2 построен также график для польского языка по данным статьи: A. Bartkowiakowa, B. Gleichgewicht, O rozkładach długości sylabicznej wyrazów w różnych tekstach, «Poetyka i matematyka», Warszawa, 1965, стр. 170.

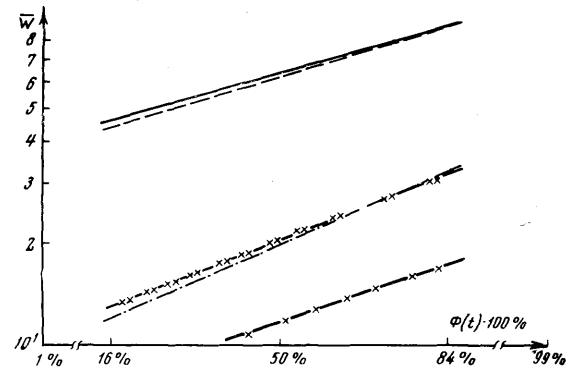


Рис. 2. Логарифмически-нормальное распределение длины слов в английском языке в фонемах (1) и слогах (2): (1) — в 3—10-й децилях словаря; — — — в тексте 3—10-й децилях; (2) —·—·— в словаре; —×—×— в тексте; —××—××— в 3 — 10-й децилях словаря и в тексте 3—10-й децилей

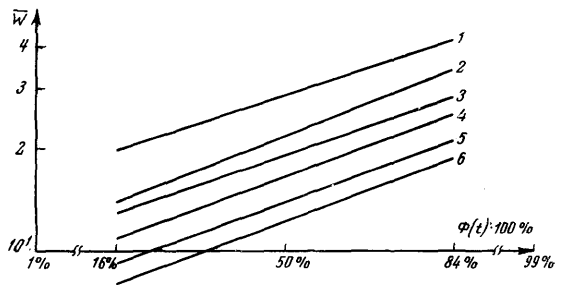


Рис. 3.1. Логнормальное распределение длины слова в слогах в тексте: 1 — маратхи, 2 — турецкий, 3 — арабский, 4 — эсперанто, 5 — немецкий, 6 — английский

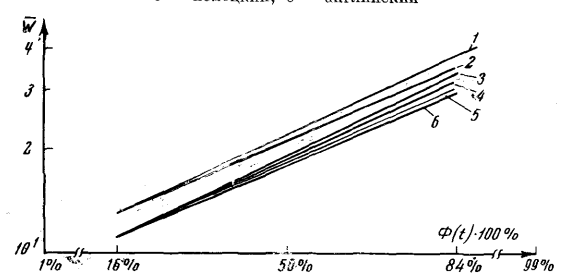


Рис. 3.2. Логнормальное распределение длины слова в слогах в тексте: 1 — грузинский, 2— латинский, 3 — русский, 4 — японский, 5 — греческий, 6 — польский

представлены графики распределения длин слов в слогах для словаря, построенные по данным П. Менцерата (для немецкого), А. Робертса (для английского) и по данным обсуждавшихся выше лингвостатистических справочников по языкам Индии (для хинди и маратхи).

Тот факт, что длины лингвистических единиц, как видно из приведенных графиков, подчиняются логнормальному распределению, не является неожиданным. На возможность того, что в лингвистическом материале может осуществляться логнормальное распределение, неоднократно указывал Г. Херд ан [28], также в связи с обсуждением типов распределения слов по частоте. Возможность логнормального распределения вытекает из того факта, что оно связано с законом пропорционального эффекта, согласно которому переменная на каждом шаге процесса своего изменения изменяется в случайной пропорции к своему предыдущему состоянию. Подобного рода эффект может иметь место при линеаризации языка в речи, где жесткие правила сочетаемости соперничают с воздействием случайности [29].

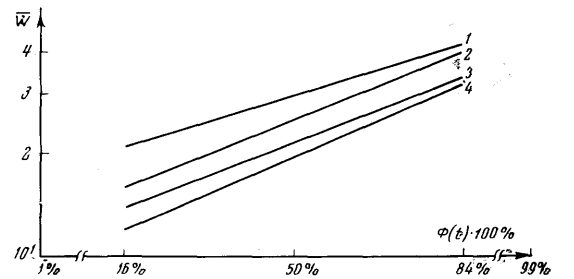


Рис. 4. Логнормальное распределение длины слова в слогах в словаре: 1 — хинди, 2 — немецкий, 3 — маратхи 4 — английский

3. Распределение «канонических форм слов». Автором приведены распределения трех систем канонических форм: 1) формы в терминах классов согласных, гласных и «несогласных/негласных»; 2) формы в терминах классов взрывных, фрикативных, шипящих, носовых, «несогласных/негласных», гласных; 3) формы в терминах классов по месту образования — губных, межзубных, зубных, переднеязычных, среднеязычных, глоточных и гласных. Как следует из приведенных данных, для английского языка наиболее характерны следующие канонические формы (в порядке убывания частот) *VC*, *CVC*, *CV*, *CVS*, *SVC*, *VS*. В формах *VC* почти половина сочетаний приходится на «*V* + носовой», в формах *CV* 94% сочетаний падают на сочетания «взрывной или межзубной + гласный».

В работе приведен целый ряд других лингвистических данных, представляющих интерес как для теоретических, так и для прикладных исследований. К сожалению, вместе с итогами работы не был воспроизведен и исходный материал — словарь Хорна, являющийся сейчас библиографической редкостью.

Разумеется, настоящее значение проделанной А. Робертсом работы будет оценено лишь постепенно, по мере того, как опубликованные данные будут использоваться в конкретных исследованиях. Однако уже сейчас можно с уверенностью сказать, что эта работа является уникальным лингвистическим справочником, содержащим многочисленные статистические характеристики английского языка.

В. М. Андрющенко

[28] G. Herdan, Type-token mathematics, стр. 43; его же, The advanced theory of language as choice and chance, Berlin — Heidelberg — New York, 1966; его же, The relation between the dictionary distribution and the occurrence distribution of word-length and its importance for the study of quantitative linguistics, «Biometrica», 45, 1—2, 1958. Экспериментальное подтверждение гипотезы Г. Хердана получено также при распределении двух-, трех- и четырехфонемных сочетаний в *английском языке; см.*: L. S. Hultzén, J. H. D. Allen, M. S. Miron, Tables of transitional frequencies of English phonemes, Urbana, 1964, стр. 25.

[29] J. Aitchison, J. Brown, The lognormal distribution, Cambridge. 1957, стр. 22; G. Herdan, The calculus of linguistic observations, 's-Gravenhage, 1962, стр. 44.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

В Институте языкознания им. Якуба Коласа АН БССР 19—23 февраля 1968 г. проводила свою работу первая межреспубликанская конференция по белорусской лексикологии и этимологии. На конференции было прослушано и обсуждено свыше 60 докладов языковедов *Минска, Москвы, Ленинграда, Вильнюса,* Киева, Риги, Львова, Гродно, Мозыря, Одессы, Николаева, Орла.

Академик-секретарь Отделения общественных наук АН БССР П. Ф. Глебко в кратком вступительном слове отметил, что конференция проводит свою работу в *юбилейный год республики* и является свидетельством значительного *развития белорусского языкознания.*

На первом пленарном заседании было прослушано восемь докладов. В докладе «Современное состояние и задачи белорусской лексикологии» А. И. Журавского и И. В. Шадурского (Минск) была дана характеристика важнейших белорусских лексикологических и лексикографических трудов последнего времени и в качестве задач в этой области отмечалась подготовка толкового, диалектных, этимологического словарей белорусского языка, а также словаря старобелорусского языка. В *докладе отмечалось,* что общим недостатком многих современных исследований по восточнославянской лексикологии является незначительное использование или полное отсутствие белорусского лексического материала.

В докладе «Лексика, словообразование, вторичные функции» Р. В. Кравчук (Минск), вопреки В. Вондраку, утверждал, что определенная группа лексики подверглась деминурованию уже в праславянском языке при образовании гипокористических названий и производных от них. С интересом был прослушан доклад Н. И. Толстого (Москва) «Семы, семантические переходы, десемантизация». На примере изучения в славянских языках семантики слова **gajь* докладчик показал развитие семантических подсистем диалектов и возможность сравнительно-типологического описания их. В. В. Мартынов (Минск) в докладе «Моделирование процесса номинации и проблемы лексикологии» показал, что путем подстановки определителей к элементам ядерной конструкции можно выяснить разный характер элементов первого членения языка — одни из них обладают номинативной функцией, другие лишены ее. Объектом изучения лексикологии должны быть только единицы с номинативной функцией, единицы же с коммуникативной функцией должны изучаться в грамматике.

В докладе «Генератор слов аппликативной порождающей модели как эталон для структурно-типологического описания словообразовательной системы языка» П. А. Соболева (Москва) *сообщила,* что для описания словообразовательной системы естественного языка может быть использован универсальный генотипический язык аппликативной модели. Описание лексики таким путем дает возможность выявить ряд универсальных закономерностей системы словообразования. П. П. Шуба (Минск) в докладе «Форма и содержание словосочетания» выразил мнение, что выделение словосочетаний наиболее целесообразно проводить по форме связи слов, так как грамматические значения словосочетаний находят свое языковое *выражение в семантике компонентов.* О связях между значениями слов и определенными синтаксическими конструкциями говорил в докладе «Некоторые вопросы системной организации лексики и принципов ее описания» А. Е. Михневич (Минск), предложивший использовать дистрибутивно-трансформационную методику для получения характеристики слова в лексикологическом аспекте. В докладе И. А. Журба и И. К. Марковского (Николаев) «Лексико-семантические изменения в русском и украинском языках в советское время» был показан процесс метафоризации терминологической лексики, который активно осуществляется в современных восточнославянских языках.

Прослушанные на секции лексикологии доклады были посвящены освещению таких проблем, как пласты заимствованной лексики в белорусском языке, предметно-тематические и стилистические разряды ее, лексика современного бело-

русского литературного языка и народных говоров, белорусская фразеология, терминология и лексикография.

Характеристике лексических украинизмов в старобелорусской письменности посвятил свой доклад В. В. Аниченко (Минск). Особенности лексического взаимодействия старобелорусского и церковнославянского языков были освещены в докладе А. Н. Булыко (Минск). П. Ф. Крапивин (Минск) говорил об истоках лексических полонизмов в белорусской деловой письменности раннего периода. А. И. Журавский (Минск) дал характеристику полонизмов старобелорусского языка позднейшей эпохи. Е. И. Веснов (Минск) сообщил о семантических разрядах латинизмов в старобелорусском языке.

На секции лексикологии большой цикл составили доклады, посвященные предметно-тематической и стилистической характеристике словарного состава белорусского языка. Е. И. Янович (Минск) на материале военной лексики старобелорусского языка предложила принципы классификации синонимов в зависимости от способа их образования. И. В. Шадурский (Минск) рассмотрел развитие антонимической противопоставленности и способов ее выражения в старобелорусском языке. Г. В. Попова (Минск) сообщила о юридических терминах глагольного происхождения в старобелорусском языке. З. П. Даунене (Вильнюс) прочитала доклад о старинных названиях участников торгового процесса. Общую характеристику грамматической структуры и логико-смыслового содержания абстрактной лексики сделала В. П. Сташайтене (Вильнюс). Происхождение и жанрово-стилистическое распределение книжной лексики старобелорусского языка осветила С. К. Турцевич (Минск). Л. Г. Мощенская (Минск) рассмотрела происхождение белорусских названий планет и созвездий. М. А. Корчиц (Гродно) показал соотношение словосложения и других способов терминообразования. Е. З. Марченко (Вильнюс) сделала попытку охарактеризовать ту лексику, которая отличает язык старобелорусских памятников от древнерусского языка. М. В. Леонова (Донецк) охарактеризовала существительные общего рода в украинском языке. И. А. Киселев (Минск) рассмотрел функции слова *бо* в восточнославянских языках.

Несколько докладов было посвящено вопросам словарного состава современного белорусского литературного языка и народных говоров. И. И. Кремко (Минск) показал темпы и направления развития словарного состава белорусского языка дооктябрьского периода. Проблема формирования белорусской грамматической терминологии затрагивалась в докладе В. П. Краснея (Минск). Омонимия служебных слов в белорусском языке рассмотрена была П. П. Шубой. О некоторых особенностях словоупотребления Якуба Коласа сообщил А. А. Каврус (Мозырь). А. Е. Баханьков (Минск) охарактеризовал лексические изменения в белорусском литературном языке под воздействием народных говоров. А. Г. Мурашко (Минск) остановилась на семантической и словообразовательной характеристике метеорологической лексики. О важнейших изменениях в сельскохозяйственный лексике народных говоров сообщила Е. С. Метельская (Минск). Некоторые наблюдения над развитием семантики отдельных диалектных слов были темой доклада И. Я. Яшкина (Минск). А. С. Аксамитов (Минск) предложил внести некоторые дополнительные критерии в существующую классификацию фразеологического материала.

Вопросы исторической и современной белорусской лексикографии затрагивались в трех докладах. Е. И. Кедайтене (Москва) познакомила слушателей с разработанными ею принципами подготовки словарей некоторых памятников старинной белорусско-украинской письменности. А. И. Журавский сообщил о ходе работы над подготовкой словаря старобелорусского языка. Г. Д. Жилунович (Минск) говорила о способах отражения глагольного управления в переводных словарях.

Прочитанные на секции лексикологии доклады отличались новизной языкового материала, почерпнутого исследователями непосредственно из первоисточников. Значительная часть докладов строилась на новом материале картотеки словаря старобелорусского языка и толкового словаря современного белорусского литературного языка.

На секции этимологии и словообразования высказывалась мысль, что белорусский лексический материал может дать много ценного для славянских этимологий и изучения закономерностей словообразовательной системы славянских языков. Под таким углом зрения прочитал свой доклад Ю. В. Откупщиков (Ленинград), показавший на примере нескольких слов, что данные белорусского языка позволяют уточнить словообразовательную структуру, исходную семантику и этимоны некоторых русских слов. Этимологии отдельных слов посвящены были специальные доклады В. В. Мартынова, Р. В. Кравчука, А. Е. Супруна (Минск) и И. С. Козырева (Орел).

В некоторых докладах этой секции были рассмотрены вопросы лексического

взаимодействия белорусского языка с соседними славянскими и неславянскими языками. Б. Лаумане (Рига) сообщила о белорусских заимствованиях в рыболовецкой лексике Латгалии. В. М. Мокиенко (Ленинград) осветил вопросы лексических взаимосвязей белорусского языка и псковских говоров в области географической терминологии. О лексике тюркского происхождения в белорусском языке сообщил И. Г. Добродомов (Москва). Этой же проблеме был посвящен и прочитанный Р. В. Кравчуком доклад Р. В. Болдыревa (Киев). История латышских и литовских названий бабочки была изложена в докладе Д. Э. Земзаре (Рига).

Группа языковедов Института языкознания им. Якуба Коласа АН БССР в настоящее время проводит большую работу по изучению лексики белорусского Полесья. Полесская лексическая проблематика нашла свое отражение в докладах минских языковедов И. И. Лучица-Федорца, Г. Ф. Вешторт, Л. Т. Выгониой и А. С. Соколовской. А. П. Непокупный (Киев) в своем докладе показал ареалы и значение некоторых балтийских лексем в полесских говорах.

Проблема словообразования белорусского и других восточнославянских языков освещалась в докладах М. Г. Булахова (Минск), М. М. Закарьян (Вильнюс), И. И. Ковалика (Львов) П. В. Верхова (Минск), Т. М. Возного (Львов), С. А. Григорьева (Гродно), Г. А. Молочко (Минск), Н. В. Коссек (Одесса), М. И. Ярмош (Минск), С. С. Белокриницкой (Москва) и И. В. Альтман (Москва).

На заключительном пленарном заседании руководители секций А. И. Журавский и В. В. Мартынов отметили тот факт, что проблемами белорусской лексикологии и этимологии в настоящее время занимаются не только белорусские языковеды, но и многие специалисты в других союзных республиках. В этом отношении особенно выделяется коллектив преподавателей кафедры русского языка Вильнюсского университета. Вместе с тем этой проблемой пока еще слабо занимаются кафедры языка белорусских периферийных педагогических вузов, хотя там имеется богатый лексикологический материал, собранный в последние годы в связи с подготовкой диалектных словарей белорусского языка.

Принятая на пленарном заседании резолюция фактически является перспективной программой для белорусских лексикологов, лексикографов и этимологов на ближайшее будущее. В резолюции указано на необходимость подготовки и обсуждения в 1969 г. пробных выпусков «Этимологического словаря белорусского языка» и «Словаря старобелорусского языка». Было признано целесообразным начать подготовку белорусско-украинского и украинско-белорусского словарей, а также обратного, частотного и предметно-синонимического словарей белорусского языка. Высказано было пожелание начать публикацию ранее подготовленных белорусских лексикографических трудов, которые не были изданы в свое время, а также словарей, ставших в настоящее время уже библиографической редкостью. Необходимым условием для плодотворного изучения лексики белорусского языка признана работа по изданию важнейших памятников старобелорусской письменности. Все участники конференции единодушно поддержали предложение об издании специального журнала по белорусскому языкознанию.

А. С. Аксамитов, А. И. Журавский
(Минск)

*

За период, прошедший после I Межвузовской конференции по частотным словарям (Ленинград, 1966 г.), значительно активизировалась научно-исследовательская работа в области лингвостатистики, автоматического анализа и синтеза текста, а также информационного поиска; причем новыми характерными чертами этих исследований явилось отыскание конкретных путей практического применения достигнутых результатов, непосредственный выход в автоматическую переработку лингвистических текстов, разработка специальных проблем машинного исследования статистических свойств текста и их внедрение в практику. Заметные результаты получены в коллективах, работающих в Центральном научно-исследовательском институте патентной информации (Москва), в Московском, Ленинградском, Горьковском и Латвийском университетах, в Институте языковедения АН УССР, в Институте языка и литературы ЛатССР, в Лиепайском пед. ин-те, в АН ГрузССР, в АН Арм ССР, а также в общесоюзной группе «Статистика речи» (в первую очередь в минском, молдавском и казахстанском коллективах).

Реальные результаты в области автоматизации лингвистических исследований и отдельных экспериментов в области машинного перевода, опирающиеся на предварительное специальное статистическое исследование текстов, были доложены (а в отдельных случаях и продемонстрированы на ЭВМ) на II Межвузовской конференции, проходившей 4—6 апреля 1968 г. в Минском гос. пед. ин-те иностранных языков. Новые аспекты исследования наш-

ли отражение и в самом названии конференции: «Частотные словари и автоматическая переработка лингвистических текстов». Другой отличительной чертой конференции была ее широкая представительность. В работе конференции приняли участие лингвисты, математики и инженеры из разных городов Советского Союза, а также ученые ЧССР и ГДР. На конференции было прослушано 29 докладов и 115 сообщений. В дискуссии участвовало около 200 специалистов. Разнообразие выдвинутых на конференции вопросов нашло свое отражение в работе шести секций, причем наряду с секциями, работавшими и на прошлой конференции («Теория и методы лингвистических исследований», «Лексическая статистика», «Стилостатистика и грамматическая статистика», «Фоностатистика») были образованы секции, отражающие большую активизацию новых направлений («Автоматизация лингвостатистических работ», «Вероятностный бинарный перевод и информационный поиск»); эти две последние секции провели свои заседания в вычислительных центрах Минска.

Р. Г. Пиотровский (Ленинград) прочел доклад «От статистики текста к его автоматической переработке». Проблемы выборки в лингвистических исследованиях освещались в докладе Н. М. Алексеева (Ленинград). Методам отбора текстов для статистического описания языка был посвящен доклад В. В. Морозенко (Москва). Докладчица отметила, что необходим такой отбор, который обеспечивает репрезентативность выборки генеральной совокупности. Важнейшим условием репрезентативности выборки является ее случайность.

К. Б. Бектаев (Чимкент) в своем докладе «Вероятностные законы распределения и проблема объема выборки в лингвостатистике» указал, что математико-статистические приемы в лингвистическом исследовании группируются вокруг четырех основных задач: выбор гипотезы, выбор критерия согласия, оценка параметров, оценка распределения параметров.

Л. Гофманн (Лейпциг) в своем сообщении рассказал о лингвостатистическом исследовании научной прозы на русском, английском и французском языках, проводимом в институте иностранных языков Лейпцигского университета им. К. Маркса. Подсчетам подвергаются лексические, морфологические и синтаксические явления.

В сообщении М. Тешителовой (Прага) «Богатство словаря в тексте с точки зрения частоты слов» подчеркивалось, что основным при составлении частотного словаря является подбор текстов.

Т. А. Якубайте (Рига) в своем сообщении «Сравнительно-статистический анализ научно-технической и газетно-журнальной лексики (на материале двух томов частотного словаря латышского языка)» показала, что основными задачами являются типологические исследования функциональных стилей и выделение основного словарного фонда.

Сообщение О. Б. Сиротининой (Саратов) было посвящено статистическим характеристикам речи и их связи с содержанием речи. М. М. Копыленко (Алма-Ата) в своем выступлении остановился на роли учета частотности при изучении словообразовательных явлений.

Вопросу о количественной интерпретации основных лингвистических понятий было посвящено сообщение В. В. Богданова (Ленинград). Проблемам лексической статистики были посвящены доклады А. Я. Шайкевича (Москва), В. М. Андрющенко (Москва), Л. В. Малаховского (Ленинград), Т. А. Микериной (Ленинград), Л. Е. Машкиной (Минск), И. Ж. Фрейденфельда и Ю. Крикиса (Лиепая), В. А. Аграева, В. В. Бородина, Б. Н. Головина, Л. Н. Засориной, В. М. Муратовой (Горький).

В докладе А. Я. Шайкевича «Интервал текста в лингвостатических исследованиях» указывалось, что вид распределения лингвистических единиц в тексте зависит от интервала, т. е. длины отрезка текста. Чем больше частота, например, словоформы, тем большим должен быть интервал. Это наблюдение поддержал в своем выступлении К. Б. Бектаев. В. М. Андрющенко рассказал в своем докладе о работе лаборатории лингвостатистики МГУ над составлением частотного словаря немецкой общественно-политической лексики. Л. В. Малаховский в докладе «Об использовании частотного словаря в лексикологическом исследовании» говорил об исследовании распределения омонимов по частотным зонам в английском языке. Т. А. Микериина в докладе остановилась на методике и результатах определения сходства и различия между частотными списками с помощью коэффициента ранговой корреляции.

В докладе Л. Е. Машкиной «Некоторые итоги лингвостатистического анализа частотного словаря триад» указывалось на необходимость исследования связей между словами (словоформами) в тексте, так как обычный частотный словарь этих сведений не дает.

И. Ж. Фрейнденфельд и Ю. Крикис доложили о некоторых результатах применения статистики в изучении истории латышского литературного языка.

Коллективный доклад В. А. Аграева, В. В. Бородина, Б. Н. Го-

ловина, Л. Н. Засориной, В. М. Муратовой был посвящен вопросам составления большого частотного словаря русского языка.

П. Вашак (ЧССР) в своем выступлении остановился на использовании некоторых количественных показателей (*длина слова, положение последнего* существительного в предложении) для определения спорного авторства одного из художественных текстов XIX в. Проблемам стилостатистики и грамматической статистики были посвящены доклады В. В. Богданова (Ленинград), Б. Н. Головина (Горький), А. Е. Супруна (Минск), В. И. Перебейнос (Киев). В. В. Богданов отметил в своем докладе, что считает основными задачами морфологической, синтаксической и семантической *статистики 1) создание частотных словарей* морфем, 2) создание частотных списков конфигураций, моделей предложения; исследование длины предложения (в смысле В. Ингве), непроективных конструкций, контактных и дистантных синтаксических связей, левых и правых реализаций, зависимых членов; 3) составление частотных словарей значений по типу словарей И. Лорджа и М. Уэста.

Б. Н. Головин прочел доклад «О роли статистики в описании языковых и речевых стилей». А. Е. Супрун свой доклад посвятил материалам распределения частот падежей в русском языке.

Вопросы установления статистических параметров авторских стилей рассматривались в докладе В. И. Перебейнос. Проблемам фоностатистики был посвящен доклад В. Н. Игнатовой (Минск) «Применение ЭЦВМ для статистической обработки результатов восприятия звуков речи».

Заседания секции «Автоматизация *лингвостатистических работ*» проходили в ВЦ ЦСУ при Совете Министров БССР. Н. Д. Андреев (Ленинград) в докладе «Автоматизация лингвистических исследований на базе статистико-комбинаторного анализа» (СКМ), говорил, что после успешной проверки алгоритма СКМ открываются возможности использования ЭВМ для этих трудоемких, но крайне важных с теоретической точки зрения исследований.

К. Ф. Лукъяненков прочел доклад «Некоторые схемы лингвостатистического анализа письменной речи по системе „человек — вычислительная машина“». А. В. Зубов и А. А. Пиотровская в своем сообщении доложили о машинной программе извлечения многобуквенных сочетаний, необходимой при исследовании морфологии языка, и продемонстрировали работу этой программы на ЭВМ.

Т. П. Потапенко, В. А. Вертель и В. И. Церлюкевич рассказали о программе составления частотных словарей на ЭВМ «Минск-23» и продемонстрировали машинные результаты. Проблемам вероятностного бинарного перевода и информационного поиска были посвящены доклады В. А. Московича (*Москва*) и А. Н. Шаранды (Минск).

Сообщение Л. Ф. Кистановой и Л. А. Новак (Минск) «Об автоматическом анализе французского глагола *faire*» и сообщение В. С. Крисевича и О. А. Нехай «О разрешении грамматической омонимии английских служебных слов *to, one, about*» сопровождались машинными экспериментами.

На конференции было прослушано сообщение А. И. Харсекина, которое содержало информацию об используемых *автором в процессе* его работы по интерпретации древних этрусских надписей некоторых вспомогательных статистических приемов, а также о возможностях (частично уже реализованных в ВИНИТИ) автоматизации наиболее трудоемких вспомогательных операций (составление прямых и обратных и частотных словарей, словарей-конкорданций и т. п.).

В период конференции работал семинар по автоматизации лингвистических исследований. В лаборатории МГПИИЯ *участники семинара познакомились* с технологией подготовки текста для обработки его на ЭВМ, в ВЦ АН БССР демонстрировались различные алгоритмы обработки и анализа текста с помощью ЭВМ.

Конференция высказала пожелание об издании специального научного журнала «Прикладное языкознание».

А. Н. Шаранда (Минск)

*

С 15 по 20 апреля 1968 г. в Бухаресте состоялся XII Международный конгресс романского языкознания и филологии, организованный при участии Общества романского языкознания (Société de linguistique romane), центр которого находится в Париже, Страсбурге и Лионе [1]. По традиции эти конгрессы проводятся в романских странах или в странах с романским населением: I Конгресс состоялся в Дижоне (1928 г.); II — в Сионе-Дисентисе-Куре (1930 г.); III — в

[1] Многие из докладов, тезисы которых были опубликованы (см.: «Rapport et communications. Résumés. XII-ème Congrès international de linguistique et philologie romanes», Bucarest, 1968), не были прочтены. Настоящий обзор составлен на основании только тех докладов и выступлений, которые имели место на Конгрессе.

Риме (1932 г.); IV — в Бордо (1934 г.); V — в Ницце (1937 г.); VI — в Льеже (1951 г.); VII — в Барселоне (1953 г.); VIII — во Флоренции (1956 г.); IX — в Лиссабоне (1959 г.); X — в Страсбурге (1962 г.); XI — в Мадриде (1965 г.). Из этого перечня видно, что прошло 40 лет после организации I Конгресса и что до сих пор конгрессы происходили в западноевропейской Романии, в то время как последний, XII Конгресс, имел место в восточноевропейской Романии.

Около 1200 романистов примерно из 40 стран приняло участие в работе конгресса. Впервые была представлена большая группа советских романистов (35 человек), которая, после делегации романоязычных стран (Румынии, Франции, Испании, Италии) и делегации ФРГ, была наиболее многочисленной. На Конгрессе обсуждались самые различные вопросы романского языкознания и отдельные вопросы романской филологии — издание текстов, критика текстов, стилистика и поэтика. На выставке книг конгрессистки имели возможность познакомиться с последними публикациями, с изданиями словарей, учебных пособий и т. д. Более ста издательств участвовало в выставке.

Ежедневно, помимо утренних и вечерних заседаний секций, все участники Конгресса объединялись на пленарных заседаниях. После официальной части — открытия Конгресса, на котором с приветственными словами выступали председатель оргкомитета акад. И. Иордан, председатель Совета Министров СРР И. Г. Маурер и вице-президент Общества романского языкознания А. Бадиа-Маргарет, на первом пленарном заседании слово было предоставлено Г. Ролъфсу (ФРГ), который прочел доклад на тему: «Преобразования вульгарной латыни: лингвогеографические экскурсы по романским языкам». На 25 картах было показано распределение разных явлений грамматики, лексики, семантики и морфологии в языках европейской Романии. Интерпретация ареалов раскрывала неоднородность вульгарной латыни и причины тех или иных изменений.

На втором пленарном заседании Дж. Контини (Италия) сделал доклад о связи филологии (как критики текстов) с романским языкознанием.

На третьем пленарном заседании И. Иордан, используя широкий экстралингвистический материал, рассказал об особенностях структуры румынского языка и его связи с другими романскими языками («Значение румынского языка для исследований по романскому языкознанию»).

Трудная задача характеристики общего состояния романской диалектологии и лингвистической географии выпала на долю М. Альвара (Испания), очень обстоятельный и интересный доклад которого, прочитанный на четвертом пленарном заседании, охарактеризовал эту отрасль романского языкознания с точки зрения новых методов в изучении диалекта (понятие диасистемы У. Вайнрайха, идиолекта американских структуралистов, вопросы социолингвистики и т. д.), а также с точки зрения традиционной диалектологии, которая продолжает развиваться и по-прежнему привносит много нового в вопросы романского языкознания.

На последнем пленарном заседании Б. Поттье (Франция) сделал доклад на тему: «Современное состояние общего языкознания и романское языкознание». Из всех разделов романского языкознания, ономастика, историческая грамматика и диалектология, по мнению Б. Поттье, остаются более всего в рамках традиционных исследований. Традиционно и большинство работ, касающихся изучения слова и истории слова. Если полностью отразить функционирование языка, то следовало бы составить два словаря: словарь говорящего (ономасиология) и словарь воспринимающего речь (семасиология). Мало уделяется внимания просодии — интонация остается в основном в поле зрения психолингвистики и литературы, в то время как она имеет большую лингвистическую функцию. Докладчик остановился также на разных вопросах, связанных с проблемой означаемого и означающего, на вопросах линейности речи, на проблеме окружения и ряда других. В заключение он отметил, что в свете последних теорий общего языкознания следовало бы пересмотреть многие грамматические категории и, в частности, предлоги и вспомогательные глаголы.

Согласно статуту Общества романского языкознания на пленарных заседаниях доклады не обсуждаются, и поэтому многие спорные вопросы не могли быть вынесены на обсуждение и не могли быть сделаны добавления. Так, например, представляется, что можно было бы значительно расширить вопрос о лингвистическом значении критики текстов (значение совместно-раздельного написания для определения понятия «слово»), следовало бы отметить намечающееся разграничение диалектологии и лингвистической географии как самостоятельных дисциплин, хотя и тесно между собой связанных. Представляется также, что не столь уж мало романисты уделяют внимания новым методам, как это можно было бы заключить из доклада Б. Поттье. Впрочем достаточно сравнить доклады М. Альвара и Б. Поттье, чтобы в этом убедиться, или просмотреть сообщения конгрессистов. Многие доклады романистов СССР, ГДР, Румынии и не-

которых других стран были построены в терминах и понятиях новой лингвистики.

В области вульгарной латыни (секция I) романистов разных стран и направлений в наши дни прежде всего привлекают вопросы неоднородности вульгарной латыни и определения самого понятия «вульгарная латынь». В. Вененен (Финляндия) констатировал, что чем дальше романисты продвигаются в своих синхронных исследованиях, тем более они убеждаются в неоднородности исходной точки развития романских языков. Большой материал дает изучение древних надписей, и в частности помпейских, где засвидетельствовано озвончение интервокальных взрывных согласных (*tridicum* CIL IV 5380, *tridici* CIL IV 8830), хотя Помпеи географически и не входят в изоглоссу западной Романии. В таком же направлении было построено сообщение Ж. Германа (Венгрия), по мнению которого различия в вульгарной латыни связаны не столько с вопросами субстрата, сколько с социальными, культурными и демографическими проблемами той эпохи. А. Граур (Румыния) определил вульгарную латынь не как самостоятельный язык или как продолжение классической латыни, а как определенный стиль единого латинского языка и, наконец, Ж. Энгельс (Нидерланды), внес поправку в определение вульгарной латыни Ж. Германа.

Большая дискуссия разгорелась вокруг тезиса Э. Косериу (ФРГ) о том, что на развитие румынского языка греческий язык в меньшей мере оказал влияние, чем на развитие других романских языков. Латинский язык Балкан заимствовал много греческих элементов в период своего формирования, но румынский язык, чтобы сохранить свое независимое существование, отверг какое бы то ни было новое греческое влияние. В дискуссии по докладу Э. Косериу приняли участие Ж. Герман, М. Габря, А. Граур, Е. Танасэ, Ч. Погирк (Румыния).

Секция типологии (II) была представлена значительно бо́льшим количеством сообщений, чем секция вульгарной латыни. Среди них было много сообщений романистов СССР: Р. А. Будагов представил 32 лингвистические ситуации в типологии речи, в зависимости от способа выражения, интенсивности выражения, ориентации, количества и расстояния; В. Г. Гак рассказал о семантической типологии высказывания; сообщение Л. И. Лухт было посвящено типологии романских языков в морфологии имен. Е. М. Вольф — фонетико-грамматической типологии, Т. П. Ильяшенко — вопросам синтаксической типологии. М. А. Бородина дала типологическую классификацию романских языков и диалектов с лингвогеографической точки зрения, подразделив их на центральные и маргинальные. Румынский язык, который так часто, наряду с испанским, определяют как островной или маргинальный, в этой классификации по ряду критериев оказался в центральной зоне.

Из сообщений секции (III) фонетики и фонологии следует отметить сообщение Э. Петровича (Румыния) о гиате в фонетическом развитии румынского языка, сообщение А. Аврама (Румыния) о фонетических параллелизмах в романских языках (некоторые совпадения в вокализме и консонантизме румынского, французского и португальского языков), сообщение А. Г. Одрикура (Франция) о двойной трансфонологизации [2] (по материалам, например, озвончения глухих взрывных согласных, которое встречается не только в западноромански языках, но и иранских, кельтских, еврейском и др.), сообщение В. Манчака (Польша) о развитии *ŏ* под ударением и в открытом слоге в позиции перед носовыми согласными; сообщение Г. Иванеску (Румыния) о тенденциях развития романского фонетизма, М. Павловича о романских корнях румынской палатализации, В. Хожей-ший (Чехословакия) — о немом *e* во французском языке. Большое внимание привлекло к себе сообщение А. Бадиа-Маргарет о фонологических оппозициях *ɛ* ~ *e* и *ɔ* ~ *o* в рифмах современных каталанских поэтов; по сообщению выступили О. К. Васильева-Шведе (СССР) — о частотности этих оппозиций, Э. Компанис (Франция), Г. В. Степанов (СССР) — о возможности влияния фонетизма кастильской поэзии в ассонансах *o* — *e*′ *u* — *e* и др. или в колебаниях между *ę* и *ɛ*, *o* и *ǫ*; Дж. Контини выразил предположение о том, что может быть следовало бы говорить о влиянии старопровансальских или итальянских поэтов (Карла Кардо́, Данте и особенно Петрарки).

Наибольшее количество докладов было представлено на секциях IV — грамматики и V — лексики и лексикологии (*по Программе* 99).

Многие из докладов этих секций были представлены советскими романистами. Так, на секции грамматики О. К. Васильева-Шведе рассказала о некоторых тенденциях эволюции грамматической структуры испанского, каталанского и португальского языков, Н. А. Шигаревская — об ос-

[2] Трансфонологизация, по определению А. Г. Одрикура, это перенесение смыслоразличительной черты с одной фонемы на другую.

новных особенностях синтаксиса современного разговорного французского языка, Ю. С. Карулин — об итальянском инфинитиве, М. К. Сабанеева — о принципах организации структуры сложных предложений в старофранцузском, Е. Е. Корди — о каузативных конструкциях французского языка с точки зрения общей теории каузатива, Л. М. Скрелина — об экономии в морфологических изменениях. Все эти сообщения вызвали оживленные прения; задавали вопросы и выступали: Х. Виньес (Испания), Б. Поттье, П. Имбс (Франция), Э. Косериу, М. Марку (Румыния), В. Манчак, Ж. Герман (Венгрия) О. К. Васильева-Шведе, В. Баль (Бельгия), Ж.-П. Борель (Швейцария), Ж. Дарбелне (Канада), Ж. Стефани (Франция), Б. Мильорини (Италия) и др. В соответствии с теориями, высказанными в докладе на пленарном заседании, Б. Поттье по поводу выступления О. К. Васильевой-Шведе предложил вместо деления на вспомогательные и полувспомогательные глаголы говорить о «непрерывной оси степени вспомогательности (от меньшего к большему)»; общие положения теории докладчика относительно вербоидов (причастие, герундий и инфинитив) были одобрены всеми выступавшими, в том числе и испанистами. Ж. П. Борель по поводу доклада Н. А. Шигаревской сделал интересное добавление: тенденция современного французского языка избегать постпозиции субъекта связана и с тем, что в *mange-t-il* местоимение становится окончанием и это непонятно по сравнению с неинвертированным *il mange*.

Ряд докладов секции грамматики был сделан в терминах новейшей лингвистики. Кроме двух упоминавшихся сообщений русских романистов — Л. М. Скрелиной и Е. Е. Корди, к ним относятся сообщения Г. Кренна (ФРГ) о прилагательных в итальянском языке (проблема порождающей грамматики), К. Манека (Румыния) — частотность рода существительных в румынском и в испанских языках, К. Ротера (ФРГ) — о трансформационном анализе относительных предложений французского языка.

В секции лексики и лексикологии несколько интересных докладов принадлежало лексикологам ГДР — К. Бохману, В. Блохвицу, Б. Хеншелю, И. Попелару, В. Рункевичу, СССР — С. Г. Бережану, И. А. Короленко, А. В. Супрун, Чехословакии — О. Духачеку, Зд. Виттох, Болгарии — И. Петканову и др. В разных секциях в связи с разными проблемами упоминались материалы ретороманского языка, но только одно сообщение было специально посвящено этому языку: О. Майссен (США) охарактеризовал новые лексикографические работы швейцарского ретороманского и, в частности, известный словарь сурсельского варианта О. Пера и А. Декуртинса. А. Вундерли (Швейцария) внес ряд поправок и существенных дополнений в сообщение О. Майсена.

Оживленно прошли заседания секции IV — ономастики, все сообщения которой (кроме одного) были посвящены вопросам топонимики и антропонимии Румынии. Сообщения И. Донаты и В. Флоря отразили работу над ономастическим словарем, над которым в настоящее время работает сектор ономастики Института языкознания АН СРР. Р. М. Руджиери (Италия) сделал сообщение на тему: «О некоторых воплощениях демона в галлороманской и румынской литературе».

Из работы секции (VII) филологии (проблемы издания текстов и критики текстов) отметим сообщения М. Батайона (Франция) о рукописях испанского текста XVI в. «Путешествие в Турцию», П. Ф. Дембовского (США) о некоторых вопросах исторических реалий и генезисе chansons des gestes, Г. Михаилэ (Румыния) о проблемах издания и изучения двуязычных славяно-румынских текстов XVI в., И. Мирарец (Румыния) о найденном письме Ж.-Ж. Руссо, Г. Тюайона и о принципах издания текста (на материале франко-провансальского текста XVIII в. «Жалобы бедного крестьянина из Бресса на боязнь, которую он испытывает перед войной») и Э. Маретти и Дж. Зарри (Италия) о возможности применения машин при издании вариантов текстов.

На секции (VIII) лингвистической географии и диалектологии было несколько сообщений о новых атласах и анкетах: М.-Р. Орембу (Франция) об атласе Иль-де-Франса (полевое исследование), К. Равье (Франция) — о восточно-провансальском атласе, К. Депариса (Франция) — о микроатласах, Л. Варнана (Бельгия) о фонетическом атласе Бельгии.

Большим событием в романском языкознании было сообщение К. Грасси о лингвистическом атласе Италии, первая напечатанная карта которого была представлена конгрессистам.

Некоторые сообщения были посвящены новым материалам, вскрытым благодаря широкому использованию методов ареальной лингвистики, а также теоретическим вопросам лингвогеографии — М. Алиней (Нидерланды) поделился своими наблюдениями о семантической интенсивности в лингвистической географии (к определению этимологии ареала), Т. Тяха (Румыния) рас-

сказал о выявлении архаизмов в атласе Олтени, В. Сорбалэ (СССР) — о вопросах диахронии и структуре диалектной лексики.

На секции (IX) (самая малочисленная — всего три доклада) «Литературные и нелитературные варианты» сообщения сделали Д. В. Ломакс (Великобритания) о том, как сложился официальный язык Кастилии, Дж. Фолена (Италия) на тему о диасистеме, койне и литературном языке (докладчик применил понятие диасистемы, выдвинутое Вайнрайхом применительно к структуральной диалектологии, к изучению литературных и общенародных языков — lingue communi. Ст. Думистрэчел (Румыния), показал, что в Румынии не было стоть большого различия между диалектами и соответственно литературным языком и диалектами, как это имело место, например, в Италии и во Франции.

На секции (X) стилистики и поэтики наряду с большим количеством частных сообщений — Л. Гальди (Венгрия), О. Гзелл (ФРГ), С. Кожевникова (СССР), Л. Квинтело Феррейро (Испания) — следует выделить два сообщения: Г. Виппера (СССР) и И.-М. Фрондон (Франция), носившие проблемный характер. Г. Виппер, анализируя разные редакции произведения А. Кретьена «Софонизба», говорил о некоторых неразрешенных проблемах эволюции стилей во французской литературе в конце XVI и в начале XVII вв.

И.-М. Фрондон в сообщении на тему «Структурализм и характер литературного произведения» вернулась к известному структуральному анализу сонета Бодлера «Les Chats», сделанному Р. Якобсоном и Кл. Леви-Штроссом (см. журнал «L'Homme», janvier — avril 1962, II, 1). На материале 7 и 8 стихов этого сонета она показала, что сколь ни интересен этот структуральный анализ, он все же во многом не раскрывает замысла автора.

На секции XI были представлены лингвистические связи внутри Романии — сообщения И. Кларе (ГДР), Ф. Сэдяну (Румыния), А. Никулеску (Румыния), А. Жакье (Румыния) и др. На секции (XII) «Контакты между романскими и другими языками» — сообщения Н. Г. Корлэтяну (СССР), Д. Е. Михальчи (СССР), И. Хубшмида (Швейцария), Д. Богдана (Румыния), М. Деановича (Югославия), М. Савича (Югославия) и др. На секции (XIII) «Романские языки вне пределов старой Романии» в основном речь шла о французском языке в Канаде — сообщения Ж. Страка (Франция), Ж. Дарбелне (Канада), Г. Дюлонга (Канада), Р. Шарбоно (Канада) и др. Наряду с этим был представлен ряд других тем: Г. Степанов (СССР) — о методологии исследования испано-американского, М. Сала — о фонологической системе еврейско-испанского в Бухаресте.

На секции (XIV) «Румынский язык» много сообщений было связано с историей изучения этого языка — В. Банера (ГДР), Д. Макря (Румыния), Ч. Погирка (Румыния), Ст. Семчинского (СССР). Сообщения Т. Репиной (СССР) и И. Котяну (Румыния) касались румынского склонения. Т. Репина рассказала об элементах синтеза и анализа в румынском склонении, предлагая различать «синтез первой степени» (унаследованный от латинского языка) и «синтез второй степени» (румынская форма). Сравнительно небольшое количество сообщений на этой секции объясняется тем, что материал по румынскому языку был представлен и на всех предыдущих секциях.

Международный смотр достижений в области романского языкознания и филологии показал, что романистика, как и языкознание в целом, постепенно перестраивается на новые пути, сохраняя старые традиции. Новые направления в развитии разных наук, применяющих математические методы как вспомогательные приемы, опора на достижения в области социологии, логики, психологии, этнологии и этнографии, археологии, фольклора, развитие методов ареальных исследований, так называемый «структурализм», открытия индоевропейского языкознания — все это не прошло мимо романистов и постепенно претворяется в исследования, носящие печать своего времени и вводящие романистику в русло индоевропеистики и наиболее общих вопросов общего языкознания. Конечно, всегда можно упрекнуть то или иное направление или отдельных исследователей в том, что «недостаточно» учитываются новые веяния, как это сделал Б. Поттье, но даже, если отвлечься от всего нового, то те исследования, которые ведутся в рамках традиционной младограмматической школы, продолжают быть очень полезными и своевременными.

Новые открытия — издания текстов, новые данные изучения диалектов и «малых романских языков» (сардского и реторомансского), расширение кругозора романистов (романские языки Европы, «старая Романия» противопоставлены в наши дни романским языкам Латинской Америки и Канады — «новой Романии»), обобщения, которые дает возможность сделать лингвистическая география и другие новые методы — все это приводит к тому, что пути развития романских языков, их классификация, определение единства и разли

чий, в наши дни представляется в гораздо более сложном виде, чем прежде.

19 апреля состоялись перевыборы Бюро Общества романского языкознания, в результате которых пост президента занял Антонио М. Бидиа-Маргарет, исполнявший функции вице-президента, вице-президентами были избраны К. Балдингер и М. Дельбуй, секретарем-администратором остался П. Гардетт, секретарем-казначеем Ж. Страка; в состав советников вошли: Рамон Арамон И Серра, А. Блинкенберг, Мануэль де Пайва Болео, Э. Гамильшег, В. Зюмтор, Б. Поттье. А. Росетти, Г. Рольфс, Дж. Фолена, Ст. Ульман.

По предложению В. Зюмтора, И. Иордан избран почетным президентом Общества.

Принято решение: следующий, XIII Международный конгресс по романскому языкознанию и филологии, организовать в 1971 г. в Квебеке (Канада).

М. А. Бородина (Ленинград)

*

С 23 по 26 апреля 1968 г. в Москве Институт этнографии, Институт языкознания АН СССР и отдел ЗАГС Юридической комиссии при Совете Министров РСФСР организовали Первое всесоюзное совещание, посвященное проблемам антропонимики. В центре внимания находились лингвистические, исторические и правовые вопросы личного имени.

Совещание открыла зам. директора Института этнографии Л. Н. Терентьева. Начальник отдела ЗАГС Юридической комиссии при Совете Министров РСФСР Н. А. Белык прочел доклад «О некоторых правовых и социологических вопросах антропонимики». Н. А. Белык призвал обратить самое серьезное внимание на практическую антропонимику, в частности, на определение наиболее целесообразного ассортимента имен и выработку критериев «хорошего» имени. В. А. Никонов (Москва) в своем выступлении показал огромную важность молодой науки о собственных именах — антропонимии: она помогает вскрыть историю народа, социальную структуру общества, а также решить многочисленные вопросы языкознания.

И. В. Бестужев-Лада (Москва) осветил исторические тенденции развития личных имен и формирование современных антропонимических зон. Автор делит карту мира на девять основных зон в зависимости от характера наименования человека. Русский именослов относится к четвертой зоне, в которой наличествует трехчленное обозначение человека (имя, отчество и фамилия).

Наибольшее число докладов было посвящено личным именам сегодняшнего дня, а также путям формирования современного именника: А. Я. Шайкевич (Москва) «Русские имена в XX в.», В. Д. Бондалетов (Пенза) «Динамика личных имен в XX в.», Н. В. Бирилло (Минск) «Современные мужские имена в Белоруссии», М. Ф. Семенова (Рига) «Современные личные имена в гор. Риге», Р. Ш. Джарылгасинова (Москва) «Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии», А. В. Смоляк (Москва) «Личные имена нанайцев». О личных именах у *башкир говорили* А. Н. Мирославская и К. З. Закирьянов (Уфа), об именах марийцев — Ф. И. Гордеев (Йошкар-Ола), у чеченцев и ингушей — Н. Г. Архипов (Москва), у киргизов — Н. П. Бутенко и К. М. Мамбеталиева (Фрунзе), у эвенков — Г. М. Василевич (Ленинград), у народов Крайнего Севера — М. К. Шарашова (Магадан), об антропономии Буковины — Л. В. Каракалия (Черновцы). Состав современного русского именника показали Т. А. Короткова (Свердловск), Г. И. Кондратенко (Ульяновск), В. Г. Сырова (Волгоград), Т. И. Окорокова (Горький) и др.

Фактор и мотивы, определяющие выбор личных имен у различных народов СССР, рассматривали Л. И. Баранникова и др. (Саратов); Ш. М. Саадиев, И. Г. Абдуллаев (Баку), Ш. Аннаклычев, Г. Сапарова (Ашхабад), В. Г. Ураксин (Уфа), О. А. Султаньяев (Кокчетав), О. Т. Молчанова (Томск), М. Г. Свотина и др. (Балашов).

Вопросам функционирования имени в жизни и, в частности, соотношению паспортных и обиходно-разговорных форм имен посвящались доклады А. В. Суперанской (Москва) «Личные имена в официальном и неофициальном употреблении», Г. Ф. Саттарова (Казань) «Категория ласкательности в татарских личных именах», В. Д. Бондалетова и Е. Ф. Даниличой (Пенза) «Средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в русских личных именах».

Г. Я. Симина (Ленинград) и Ю. П. Чумакова (Горький) говорили об особенностях личных наименований в севернорусских диалектах, В. Ф. Дамбе (Рига) — *о вариантах* личных имен в латышском языке.

Л. П. Калакуцкая (Москва)

прочитала доклад, составленный в соавторстве с Б. З. Букчиной и Л. К. Максимовой (Москва), на тему «Склонение некоторых групп фамилий (русских и иноязычных)». Авторы показали специфическое положение антропонимической лексики (имен и фамилий) в словарном составе языка, в частности, ее бо́льшую зависимость от экстралингвистических факторов.

С. А. Мацаев (Климовск) поделился своими наблюдениями над способами передачи на русском языке иноязычных фамилий и имен. Теоретические основы азербайджанско-русской и русско-азербайджанской фонетической передачи личных имен изложил А. Р. Махмудов (Баку).

Истории аббревиации личных имен посвящен доклад Д. И. Алексеева (Куйбышев), показавшего присутствие сокращенных записей антропонимов уже в памятниках XI в.

Большая группа докладов рассматривала историю личных имен в индоевропейских языках, в частности в славянских — Н. В. Шемборская (Астрахань), Р. И. Керста (Львов), А. К. Устинович, В. П. Лемтюгова (Минск), Н. Р. Гусева, Е. Н. Бакланова (Москва), Л. М. Щетинин (Ростов-на-Дону) и др.; в балтийских — Д. Э. Земзаре (Рига), греческом — А. Е. Лопушинская-Бучко (Черновцы), в тюркских — Т. Жанузаков (Алма-Ата), Г. В. Юсупов (Казань), Г. Х. Кусимова (Уфа), И. Г. Добродомов (Москва), в финно-угорских — А. П. Феоктистов (Москва), Н. Ф. Мокшин (Саранск), в кавказских — Г. В. Бедошвили (Тбилиси), в китайско-тибетских — М. В. Крюков (Москва); в семито-хамитском — Б. А. Старостин, А. С. Илизаров, А. Хейри (Москва); в корейском — Р. Ш. Джарылгасинова (Москва), И. И. Хван (Москва) и др. языках.

В 15 докладах анализировались различные аспекты фамилий. В. А. Никонов в докладе «До фамилий» на основе тщательного анализа материала «Переписной книги г. Ярославля 1671 года» устанавливает антропонимическую ситуацию в России накануне массового присвоения фамилий. Полемизируя с В. К. Чичаговым, В. А. Никонов доказывает, что процесс формирования фамилий к началу XVIII в. не завершился: к этому времени имели фамилии в основном лишь привилегированные сословия. Основная масса русского крестьянства получила фамилии в конце XVIII и в XIX в.

Русским фамилиям тюркского происхождения посвятил свое выступление Н. А. Баскаков (Москва), подвергший анализу языковой материал в тесной связи с историей народа.

Н. М. Шанский (Москва) в докладе «Отражение дохристианских имен в русских фамилиях» предостерег исследователей от механического возведения русских фамилий с неясными корнями к иноязычным источникам, а также указал на необходимость строжайшего учета морфологической структуры анализируемых фамилий.

В сообщениях Г. И. Анохина (Москва) «Почему у исландцев нет фамилий?», В. Э. Сталтмане (Москва) «Формы женских фамилий в системе латышского и родственных языков», В. Ф. Барашкова (Ульяновск) «Фамилии с календарными именами в основе», Д. Л. Лукьянова (Удмуртская АССР) «Удмуртские национальные фамилии», О. М. Ким (Ташкент) «К морфологии корейских фамилий в русском языке», а также М. Л. Худаш (Львов), В. И. Тагуновой (Муром), Н. С. Джидалаева (Баку) рассматривались как общие, так и частные закономерности образования фамилий в разных языках.

Методологии антропонимики и вопросам соприкасающихся с ней дисциплин было уделено внимание в докладах М. В. Карпенко (Черновцы), А. П. Евдошенко (Кишинев), М. Н. Морозовой (Москва), С. И. Зинина (Ташкент). О возможностях машинного конструирования личных имен говорил В. А. Москович (Москва), о числовом кодировании имен — Б. Н. Тардов (Москва).

Э. Раянди (Таллин) сделал доклад «Имя и право», П. Т. Поротников (Н. Тагил) посвятил свое выступление прозвищам в севернорусских говорах Свердловской области. В секции «Антропонимия в художественной литературе и фольклоре» выступили Н. И. Кравцов (Москва), Р. У. Таич (Черновцы), Б. П. Кирдан (Москва) и др.

Всего на пленарных и тематических заседаниях было прочитано 116 докладов. К совещанию организована в библиотеке имени В. И. Ленина большая выставка советской и зарубежной литературы по антропонимике.

Материалы Первого всесоюзного совещания по личным именам будут опубликованы Институтом этнографии АН СССР и Институтом языкознания АН СССР в двух специальных сборниках.

В. Д. Бондалетов, Е. Ф. Данилина
(Пенза)

CONTENTS

Articles: M. Karaś (Krakow). Some problems of Polish dialectology; T. V. Nazarova (Kiev.) Modern trends and future tasks of Ukrainian dialectology; **Discussions:** B. A. Serebrennikov (Moscow). On the origin of the objective declension in Uralic languages; Y. D. Apresjan (Moscow). On the experimental explanatory dictionary of the Russian language, E. G. Tumanjan (Moscow). Morphological analysis of Indo-European animal-names in Armenian; **Materials and notes:** N. S. Avilova (Moscow). Two-aspect verbs with loan-stems in the Russian literary language of today; M. L. Gasparov (Moscow). Tact verse in Russian versification of the XX century; R. Sternemann (Berlin). On the methods of investigating the future-tense category; **From the history of linguistics:** R. Ačarjan. Armenian-Slavic isoglosses; **Critics and bibliography; Scientific life.**

SOMMAIRE

Articles: M. Karaś (Cracovie). Quelques problèmes de dialectologie polonaise; T. V. Nazarova (Kiev). L'état actuel et tâches ultérieures de dialectologie ukrainienne; **Discussions:** B. A. Serebrennikov (Moscou). Sur l'origine des formes de declinaison objective dans les langues ouraliennes; Y. D. Apresjan (Moscou). Sur un dictionnaire experimental explanatoire de la langue russe; E. G. Tumanjan (Moscou). Analyse morphologique des mots indo-européens dénotant des animaux en arménien; **Matériaux et notices;** N. S. Avilova (Moscou). Verbes bi-aspectuels bases empruntées en russe littéraire de nos jours; M. L. Gasparov (Moscou). Vers tactique dans la versification russe de XX siècle; R. Sternemann (Berlin). Sur les méthodes d'investigation de la catégorie de futur; **De l'histoire de la linguistique:** R. Ačarian. Isogloses arméno-slaves; **Critique et bibliographie; Vie scientifique.**

Технический редактор *Т. В. Таржанова*

Сдано в набор 28/VI-1968 г. Т-09472 Подписано к печати 3/IX-1968 г. Тираж 6139 экз.
Зак. 787 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 14,0 Бум. л. 5 Уч.-изд. листов 16.8.

2-я типография издательства »Наука». Москва, Шубинский пер., 10